

Р19Ср III 240.1

—P

1 200,-

C-5 1083

(+)

См.

КАПЕТАНОВА ЋЕРКА.

ОДЪ

А. ПУШКИНА.

ИЗДАО

Милошъ Поповићъ.

У БЕОГРАДУ,

Словима књажеско-србске Печатниѣ.

1849.

2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВЪЗНЕСЕНІЯ

МОНАХЪ

ПЕЧАТЪ

СВЯТЫХЪ

1811

Глава I.

Сержантъ Гвардіе.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.

— Того не надобно: пусть въ арміи послужить.

Изрядно сказано! Пускай его потужить

.
Да кто его отецъ ?

Княжнинъ.

Отаць мой Андрія Петровиѣ Гриневъ служіо е у младости своіой подъ грофомъ Минихомъ, и као првый маіоръ оставіо е службу 17. . године. Одъ тога времена живіо е на свомъ Симбирскомъ добру, и ту е Авдоту Васильвну Ю., єдногъ убогогъ дворанина кѣрь, себи за жену узео. Съ нѣмъ е деветоро дѣце родіо. Сва моя браћа и сестре помру у младости. Я самъ быо у полѣ семеновскій за сержанта уписанъ, и то изъ милости маіора гвардіе, кнеза Б., поизблизу сродника нашегъ. Држали су ме на допусту, докъ науке не свршимъ. Мы, у оно време, нисмо се по данашнѣмъ обичаю воспитавали. У петой години мога узраста добыемъ за наставника Савельиѣ, мужа честна и трезвена. Подъ нѣговымъ надзиранѣмъ научіо самъ до дванаесте мое године руски читати и писати и о свойствима брзога хрта веома добро судити. У то време доведе ми отаць изъ Москве Француза, мусѣ Бопра, за учителя, кога е осимъ плате у новцу, у кући єломъ и пиѣмъ издржавао. Овай се Савельиѣу ни мало не допадне. — „Хвала Богу“ — говоріо е онъ у себи — „дѣте е умивено, очешляно и наранѣно. Каква е дакле нужда да господинъ излипно троши новце на мусѣ, као да нема у насъ и наши способны людій!“

Бопре правіо е у отачаству свомъ пароке, после быо е войникъ у Пруской, найпосле дође у Русію pour être outchitel, веома слабо познавајући шта ове рѣчи значе. Онъ е быо доста добаръ, но вѣтренясть и неупутанъ до крайности. Главна слабостъ нѣгова была е страсть къ прекрасномъ полу, и често е за свою нѣжностъ награђиванъ бывао турканѣмъ, одъ чега е уздисао често по васъ данъ. При томъ (као што се онъ изражавао) ніе (нашки говорећи) ни на чаше мрзіо. Но будући се кодъ насъ вино само о ужини употреблявало, и то у бокалићима, којомъ приликомъ и учитель ніе се обилазіо, то се мой Бопре врло навикне на руско наливанъ, и већъ е наше вино више цѣнити почео одъ вина отачества свога, доказуюћи, да е болъ и полезніе за желудацъ. Мы се брзо познамо; и ма да е онъ по писменомъ уговору обвезанъ быо *францускомъ и нѣмачкомъ* взыку и *другима наукама* мене наставляти; то е онъ опетъ волю одъ мене руски учити воекако брбляти — и тако свакій одъ насъ занимао се своимъ посломъ. Мы смо живили као една душа. Другогъ ментора я нисамъ ни желѣд. Но на скоро насъ судба растави, и ево каквымъ начиномъ.

У насъ су были двѣ дѣвойке у служби. Праля е была дебела и по образима бубульичава и звала се Палашка, а станарица была е мало мршавія и звала се Акулька. Оба двѣ ове у едно време падну предъ матеръ мою на колѣна, и стану се съ плачемъ на мусъ тужити, како е нѣи преварио. Матери ова мусѣва шала ніе была повольна, и зато га отцу одма обтужи. Кодъ нѣга парница ніе за дуго траяла. Онъ одма канайльію Француза позове къ себи. Кажу му да мусъ уроке мени предае. Отацъ дође у мою собу. У то е време Бопре на постелѣи у сну невиности спавао. Я самъ се съ посломъ занимао. Треба знати да е отацъ мой земљовидъ (мапу) дао изъ Москве за мене донети. Ова е высила о зиду безъ икаквогъ употреблѣня, и мене е шириномъ и добротомъ артїе одавна едила. Я наумимъ одъ нѣ змай начинити, и спаванѣмъ Бопра ползуемъ се и латимъ се посла. У само то тренуће, кадъ самъ я одъ предградія добре надежде змаю репъ правіо, уђе

отаць у собу. Видеѣи моя у земльописаню упраж-
нѣня, повуче ме добро за уво, после оде къ Бопру,
сасвимъ безобзирно пробуди га и добро изгряди. Бо-
пре смуѣнѣ хотѣо е устати но нѣ могао: несреѣный
Французъ као мртавь опіо се быо. Седамъ питаня
еданъ одговоръ. Отаць га наипосле счепа за вратъ и
съ постелѣ дигне, на врата истура, и тай данъ, на
неописану радость Савельиѣа, протера га изъ двора. И
съ тимъ се момъ воспитанію край учини.

Я самъ живіо сасвимъ у слободи, хватао самъ
голубове, и съ дворскомъ дѣцомъ сиграо самъ се.
Меѣутимъ проѣе мени шестнаестъ година. Тада се
судба моя промѣни.

Еданпутъ у есенъ кувала е мати моя у куйни
медовину, и я облизиваюѣи се гледао самъ на кипе-
ѣу пѣну. Отаць е сѣдіо кодъ прозора, и читао е
придворный календаръ, кои е сваке године добывао.
Кнѣига та имала е на нѣга увѣкъ великій упливъ:
нигда е нѣ читао безъ особитога учестія, и читанѣ
то свагда е у нѣму удивително волнованѣ жучи про-
изводило. Мати, све нѣгове наваде и обичае на па-
метъ знаюѣи, свагда е гледала, како ѣе ту несреѣну
кнѣигу тако забацити, да му она више пута за цѣо
мѣсець дана на очи изилазила нѣе. Зато, кадъ бы е
онъ кадъ случайно нашао, држао бы е по више са-
тій у рукама. Тада пакъ случайно нашавши е кодъ
прозора и читаюѣи е, слегао е кадкадъ раменима, и
ово е полагано повторавао: „ѣенераль-поручикъ!..
Онъ е быо сержантъ у моіой роти!.. Оба руска ор-
дена кавалѣръ!.. А одкадъ смо мы?“... Наипосле
баци календаръ и пусти се у мысли, кое ништа до-
бро предсказивале нису.

У томъ окрене се матери: „Авдото Василѣвна,
колико е Петру година?“

— Сада му е прошло седамнаестъ, — одговори
мати. Пера се родіо те исте године, кадъ е оѣо-
равила тетка Наста Герасимовна, и кадъ е іоштъ...

„Добро“ — рече отаць — „садъ е за службу.
Веѣъ онъ трчи за дѣвойкама и хвата голубиѣе.“

Мысао, да ѣе се са мнома скоро растати, тако
порази матеръ мою, да е она варячу у кастрюлу ис-
пустила, а да іой сузе по образу потеку. Напро-

тивъ пакъ тешко е мою радость описати. Мысао о служби сливала се у мени съ мыслима о слободи и о удовольству петрбургскогъ живота. Я самъ себи уображавао, да самъ већъ офицеръ гвардіе, и мыслио самъ, да за човѣка веће среће нема.

Отацъ мой ніе радо промѣнѣвао своя намѣреня, и съ тима нигда одлагао ніе. Данъ одлазка мога буде одреѣенъ. Кадъ се сумрачакъ хватаетъ, яви отацъ, да намѣрава момъ будућемъ начелнику писати, и искао е перо и артіе.

„Андрія Петровићу“ — рече мати — „поздрави и одъ мое стране Б.; я се надаямъ да ће онъ Перу нашегъ милостиво примити.“

— Кога да поздравимъ! — одговори мой отацъ намрштень. У каквомъ ћу послу я кнезу Б. писати?

„Нуто, та казао си да ћешъ писати начелнику Периномъ.“

— Но, па шта ћешъ съ тимъ?

„Та начелникъ е Перинъ кнезь Б. Знашъ, Пера е записанъ у семеновскій полкъ.“

— Записанъ! Шта я маримъ, што е онъ записанъ? Петаръ неће у Петербургъ ићи. Шта ће научити, служећи у Петербургу? Скитати се и невалялымъ быти. Не, нека онъ иде у войну, нека мало ознои кркаче, нека се нагута пращине, нека буде правый войникъ, а не безпосличаръ кодъ гвардіе! Гдѣ е нѣговъ путный листъ? Дай га овамо.

Мати донесе мой путный листъ, кои е досадъ у кутіи заедно съ мојомъ крзницомъ чувала, и пружи га отцу дркћућомъ рукомъ. Отацъ га съ пажњомъ прочита, метне га предъ себе на трапезу, па почне писати.

Мене е любопытство морило. Куда ће отацъ са мною, заръ неће у Петербургъ? Я писамъ ока скидао съ пера, кое се у отчинимъ рукама доста брзо крећало. Найпосле онъ сврши, запечати, метне га у еданъ свежанъ съ путнымъ листомъ заедно, скине наочари, зовне ме къ себи и рече: „Ево писмо на Андрію Карловића Р., могъ старогъ побратима и друга. Ты ћешъ ићи у Оренбургъ и служићешъ подъ нѣговомъ командомъ.“

И тако се уеданпутъ све сѣйне мое надежде сруше! У мѣсто веселогъ петрбургскогъ живота очекиваше мене чама и ядикованѣ у глувой и удалѣной пустинѣ. Служба, о којой самъ у едно време съ najveћимъ васторгомъ мыслио, указа ми се као najveћа несрећа. Но отцу противна рѣчь нѣ се смѣла прословити. Другій данъ у ютру дотеране буду саонице предъ ходникъ, на која се све потребе за путъ натоваре. Родители мои мене су благосиляли. Отацъ ми рече: „Прости Петре. Служи вѣрно, коме се закунешъ, старѣшине слушай, нѣину благонаклоность чувай, на службу се не намећи, одъ службе се не извлада, и опомени се пословице: Чувай одѣло докъ в ново, а часть докъ си младъ.“ Мати у сузама свѣтовала ме е да здравлѣ чувамъ, а Савельићу е наручивала да пази на мене. Обуку ме у зечію ћурдію, а преко нѣ у лисичію бунду. Я са Савельићемъ сѣднемъ на саонице, и кренемъ се на путъ, ро-нећи сузе.

То вече дођемо у Симбирскъ, гдѣ смо купуюћи потребне ствари, које су Савельићу наручене биле, еданъ данъ пробавити морали. Савельићъ у ютру оде за своимъ посломъ. Я останемъ у гостіоници, гдѣ самъ за неко време съ прозора на неуредне улице гледао. Кадъ ми се то досади, изиђемъ изъ себе, пођемъ по ходнику, тамо и амо, и одемъ у биліарницу, гдѣ застанемъ двоицу на биліару. Еданъ одъ нѣмъ быяше бояринъ, око 35 година, высокъ, црноманястъ и бркатъ, у кафтану, съ дакомъ у руци и съ луломъ у зуби. Другій е быо маркеръ, и бояринъ се съ нѣмъ играо, кои при свакомъ краю игре по одну чашу водке испити и кадъ онај изгуби, овај четвероношке подъ биліаръ по новце нѣи мораше. Я самъ гледао како се они играю. Што е дуже игра траяла, тимъ се чешће четвероношке по новце ишло, докъ наипосле маркеръ подъ биліаромъ не оста. Бояринъ изговори надъ нѣмъ неколико оштры рѣчій у виду надгробнога слова, и понуди мене да играмъ кою партію. Я му кажемъ да не знамъ. Онъ погледи на мене као са некимъ сажалѣнѣмъ; но мы смо се опетъ зато и далѣ разговарали. Я самъ дознао, да се онъ зове Иванъ Ивановичъ Зуринъ, да е ритмайсторъ * *

хусарскога полка и да се налази у Симбирску регруте примајући, и ту у гостіоници пребыва. Зуринъ позове мене, да съ нѣмъ ручамъ, што му е Богъ дао, солдатски. Я на то пристаю. Мы смо сѣли за трапезу. Зуринъ е піо много, а нудио е и мене, говорећи, да треба на службу привикавати се, онъ ми приповѣди неколико войнички анекдота, на кое самъ се я и одвише смѣяо, и мы као найвећи пріятели иза трапезе устанемо. Тада ме позове да ме учи биліяра играти. „То е“ — говораше онъ — „необходно потребно за нашегъ свакогъ брата, кои се у служби налази. На путу, на примѣръ, дођешъ у мало какво мѣсто; чимъ ћешъ се забавляти? Не можешъ бити Чивутинъ, да новце котишъ. По невољи отидешъ у гостіоницу и ту се играшъ биліяра; и зато треба знати играти!“ Я рѣчма Зурина будемъ убѣђенъ и съ найвећимъ прилѣжаніемъ почнемъ учить. Зуринъ е мене ободравао, дивіо се момъ брзомъ успѣху, и после неколико урока, понуди ме да играмо на новце, партію на еданъ само грошъ, не добытка ради, но само да се бадава не играмо, кое е по нѣговима рѣчма само поганый обичай. Я се и на то склонимъ. Зуринъ заповѣди пунча донети, повторяјући, да се треба на службу привикавати; а безъ пунча шта е служба! Я самъ нѣга слушао. Међутимъ игра се наша продужавала. Што самъ я чешће гуцкао изъ мое чаше, то самъ све одважнѣе бывао. Варнице су ми изъ очію сѣвале, я самъ се распальивао, псовао самъ маркера, кои е Богъ зна како брояо, одъ часа на часъ умножавао самъ партіе, єднимъ словомъ — я самъ се владао као младић, кои е сасвимъ слободанъ и ни одъ кога не завyseћій. Зуринъ погледи на сатъ, остави даку, и да ми на знанѣ, да самъ проиграо сто рубалъ. То мене нѣе здраво ожалостило. Новци мои быяху кодъ Савельиѣна. Я се почнемъ извинявати. Зуринъ ме предвари: „Молимъ! Немойте се бринуть. Я могу и почекати, а садъ да идемо къ Аринушки.“

Шта ћете рећи? Данасъ самъ данъ провео тако исто неупутно, као што самъ га и започео. Мы смо ужинали кодъ Аринушке. Зуринъ е свакій часъ мене пиѣмъ нудио, повторяјући, да се треба на службу

привикавати. У полноћи одведе ме Зурињ у го-
стіоницу.

Савелѣић сретне насъ на врати. Онъ уздане,
кадъ на мени примѣти несумнѣне знаке усрдія мога
къ служби. „Шта є то, господине, одъ тебе?“ — ре-
че сажальваюћимъ гласомъ. „Гдѣ си се тако наки-
тіо? О Господи! да велика грѣха!“ — Мучи, ста-
рый мрмляло! — одговоримъ му я запинюћи; ты си
заиста піянъ, — иди испавай се а мене се окани.

Сутраданъ кадъ се пробудимъ, осѣтимъ да ме
глава боли, и съ грозомъ опоменемъ се синоћнићгъ
догађая. Мене у мыслима моима Савелѣић пореме-
ти. Онъ дошавши къ мени донесе ми чашу чая и
рече вртећи главомъ: „Рано Петре Андрієвићу! —
рано си се почео опіяти. На кога си се изметнуо?
Ни отаць, ни дѣдъ твой нису были піянци, а о ма-
тери ни рѣчи прословити не треба, коя осимъ кваса
нигда друго пиће окусила ніє. А ко є свему томе
кривъ? Проклетый мусъ. Тако є то, кадъ се на-
клоность Антипѣвне тражи: „Мадамъ! же ву при
водке.“ Ето и теби же ву при! Но бадава є было го-
ворити: пасиѣ сынъ, добру те є научіо. Заръ є ста-
рый господинъ морао битангу у кућу довести? Заръ
ніє было у насъ честиты людій!“

Я самъ се стыдіо. Я се къ зиду окренемъ и ре-
чемъ му: — Савелѣићу! я чая нећу, изиђи на по-
лѣ. — Но Савелѣић то нехть учинити. Онъ ми
стане проповѣдати, и я га пазльиво морадо слуша-
ти. „Видишь ли Петре Андрієвићу! шта піянченъ чи-
ни. И глава те боли, и ести ти се неће. Човѣкъ,
кои се опіє, ни за што ніє Садъ да ти є да ис-
пієнъ єдну чашу расола, то быти болѣ мамурлукъ ис-
терало, него ма какова медицина.“

У тай часъ дође дѣчко єданъ, и преда ми писмо
одъ И. И. Зурина. Одпечатимъ га и прочитамъ слѣ-
дуюће рѣчи:

„Любезный Петре Андрієвићу, имайте любавъ по-
слати ми по момъ дѣчку сто рубалъ, коє сте ми се
синоћ задужили. Мени є новаць врло потребанъ.“

На служби готовъ
Иванъ Ив. Зурињъ.“

Шта ће се садъ радити? мыслио самъ у себи. Я се учинимъ, као да за то ништа и не маримъ, окренемъ се къ Савельићу, кои е и на новце и на рубине, и на моя дѣла пазіо, и речемъ му: — Савельићу! подайте томъ дѣчку сто рубала. — „Како! зашто?“ запыта изумлѣнъ Савельићъ. — Толико самъ му дужанъ — одговоримъ я колико се могло съ ладности. „Дужанъ!“ повтори Савельићъ све у веће изумлѣнъ долазећи — „а кадъ си се, господине мой, могао нѣму задужити? То нѣ мала стварь! Шта ти драго, господине, я новаца не дамъ.“

Помыслимъ, ако садъ у овомъ одсудномъ часу не надговоримъ мога упорнога старца, да ѣу се у послѣдуюће време тешко нѣму противити моћи, и зато гордо погледимъ на нѣга и речемъ му: — Я самъ твой господаръ, а ты си мой слуга. Новци су мои. Я самъ іѣ проиграо, зато, што самъ тако хотѣо. А тебе савѣтуемъ, да не мудруешъ, но да чинишъ оно, што ти се заповѣда.

Савельићъ тако е было моима рѣчма пораженъ, да се плѣснуо рукама и читаво окаменіо. Шта стоишъ! — викнемъ я срдито. Савельићъ се заплаче. „Господине Петре Андриѣвићу“ — проговори дрићућимъ гласомъ — „немой ме жалости морити. Свѣте мой милый! послушай мене старца, напиши томъ айдуку, да си се ты шаліо, и да мы немамо толико новаца. Сто рубала! Боже мой милостивый! Кажі му, да су теби родители твои на новце играти забранили, да ты само на орахе играти смѣшъ“ Платити се мора — проговоримъ я строго — подай таки новце — или ѣу те садъ за шіо.

Савельићъ съ дубокомъ жалости погледи на мене, и оде по новце. Я самъ жаліо бѣдногъ старца, но я самъ хотѣо доказати, да самъ я слободанъ и да више нисамъ дѣте. Новци се пошлю Зурину. Савельићъ ускори мене изъ проклетѣ гостіонице извести. Онъ ми яви, да су конѣи упрегнуты. Съ неспокойномъ савѣсти и ѣутѣнимъ каянѣмъ изиђемъ я изъ Симбирска, не опростивши се съ моимъ учителѣмъ и не надаюћи се да ѣу се съ нѣмъ игдѣ кадгодъ видѣти.

Г л а в а II.

Калаузь.

Сторона ль моя, старонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя нашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прыткость, добрость молодецкая
И хмѣлинушка кобацкая.

Старинска пѣсма.

Размышляваня моя на путу нису была за мене найпріятнія. Новаць, кои самъ на биліару проиграо, ніе было маленъ. Я самъ морао у души моіой признати, да самъ у симбирскомъ гостилнику глупость мою показао, и осеѣао самъ да самъ Савельиѣа увредіо. Све в то мене мучило. Стараць смуѣнъ сѣдіо в до мене. Онъ в кадкадь прокашльивао, окреѣуѣи лице свое неперестано одъ мене. Я самъ желіо одна се съ нѣмъ помирити, но нисамъ знао како ѣу почети. Найпосле речемъ му: Но, но Савельиѣу, треба да се помиримо, я самъ кривъ; видимъ и самъ да самъ кривъ. Я самъ се синоѣъ разсрдіо и тебе самъ напрасно увредіо. Обеѣавамъ ти се, да ѣу се у напредакъ паметнѣ владати и тебе слушати. Но, не срдѣ се; помиримо се.“

— Ахъ, баѣушко Петре Андрієвиѣу —! — одговори онъ съ дубокимъ уздисаємъ. Срдимъ се я самъ на себе; я самъ свему кривъ. Зашто самъ те сама у гостіоници оставіо. Али шта знамъ радити? Грѣхъ в учинѣнъ. Хотѣо самъ походити звонарку, видити се съ кумомъ. Тако в то: задржа се кодъ куме, засѣ подъ звонаромъ. Несре-

ѣа є то за мене велика. Како ѣу изиѣи на очи го-сподину? Шта ѣе онъ реѣи, кадъ дозна да му дѣте нѣе и игра?

Да бы самъ утѣшио бѣдногъ Савельиѣа, обе-ѣамъ му се да у напредакъ безъ нѣеговогъ сугласи-я нѣ одну копѣйку потрошити неѣу. Онъ се мало по мало умири, но опетъ є іоштъ у себи кадкадъ вр-теѣи главомъ поговарао: „Сто рубая; є ли то ма-ла стваръ!“

Я самъ се приближавао къ мѣсту мога опредѣ-лѣня. Около мене простирае су се печалне пусти-нѣ, изпресѣцане брежульцима и яругама. Све є снѣ-гомъ покривено было. Сунце є сѣдало. Саонице су наше ишле по узкомъ путу, или болъ трагомъ, кога су селянске саонице направиле. Кочіашъ стане наѣданпутъ погледати на страну, и наипосле, скинув-ши капу, окрене се къ мени и рече: „Милостивый господине, не бы ли изволѣли да се вратимо?“

— А зашто?

„Време нѣе найболъ: вѣтаръ се подиже; види-те, како се снѣгъ сметава.“

— Па шта є то?

„А видите ли шта є тамо?“ (кочіашъ пока-зиваше камціомъ на истокъ.)

— Я ништа друго не видимъ окромъ бѣлу пу-стиню и чисто небо.

„А онамо — онамо: онай облачакъ.“

И я опазимъ на краю неба єданъ малый обла-чакъ, кои самъ сѣ почетка за удалѣный брежулякъ сматрао. Кочіашъ ми каже, да тай облачакъ буру предсказує.

Я самъ слушао о тамошньимъ сметовима, и знао самъ, да су читаве караване завеявали. Савельиѣ ме є као и кочіашъ свѣтовао, да се вратимо. Но мени се чиняше, да є вѣтаръ слабъ, и наѣао самъ се да ѣу благовремено до прве штаціє стиѣи, па зато заповѣдимъ брже терати.

Кочіашъ потеря болъ; но све є на истокъ по-глеѣао. Конѣи су трчали сложно. Вѣтаръ меѣу-тимъ све є силнѣе дувао. Облачакъ се преобрати у бѣлый градъ, кои се све веѣма подизао, растао, и постепено небо облегао. Пролеташе ситный снѣгъ

— а наеданпутъ страханъ се спусти. Вѣтаръ зарикне; меѣава се направи. У єдномъ се магновєню тамно небо смѣшало са снѣжнымъ моремъ. Све є исчезло. „Но, милоствый господине“ — викне кочіашъ — „несреѣа: єто меѣаве!“

Я извиримъ изъ саоница, свуда се виѣаше віоръ и помрчина. Вѣтаръ є тако свирѣпо звиждао, као да се напео. Снѣгъ є засипао мене и Савельиѣа, коньи су милили и скоро стали. „Што не терашъ болѣ?“ запытамъ кочіаша. — Како ѣу терати? — одговори онъ, слазеѣи доле; — не знамо и тако куда идемо, пута нема а магла є у наоколо. — Я га почнемъ псовати. Савельиѣъ га є браніо. „Болѣ бы было да я слушао нисамъ,“ — говоріо є кочіашъ срдито, — „да самъ се натрагъ вратіо на конакъ, напіо бы се чая, одмарао бы се до у ютру, бура бы се утишала, па бы се онда далѣ кренули. А куда намъ се хити. Вальда у сватове!“ — Савельиѣъ є ѣутао. Учинити се ніє могло ништа. Снѣгъ є здраво падао. Око саоница нагомилао се сметъ. Кочіашъ є ходао око саоница, одъ муке є намѣштао на коньма амове. Савельиѣъ є извиривао, я на све стране погледао, надаюѣи се да ѣу видѣти знакъ какве куѣице или пута, но ништа се ніє могло разликовати окромъ силны сметова Наеданпутъ опазимъ нешто црно: „Ей, кочіашу!“ — викнемъ, „гдѣшта се оно тамо црни?“ Кочіашъ стане разгледати. — „А Богъ зна, милостивый господине“ — рече онъ посаѣуюѣи се на свое мѣсто, — „возъ ли є, шта ли є, дрво ли є шта ли є, а чини ми се да се миче. Мора быти или вукъ или човѣкъ.“

Я му реко да држи управо на незнанный предметъ, кои у истый махъ нама на сусрѣтъ креѣати се стаде. За два минута састанемо се съ човѣкомъ. „Ей, добрый човѣче!“ — викне му кочіашъ. „Казуй, знашъ ли гдѣ є путь?“ — Путь є овдѣ, я стоимъ на утренику, одговори путникъ, па шта ѣєшъ зато?

Послушай чичо — речемъ му я, познаєшъ ли ты овай предѣлъ? Можешъ ли ме до каквогъ конака одвести?

„Мени є предѣлъ познать“ — одговори путникъ. — „Хвала Богу, може се по нѣму путовати и пре-

ко и уздужъ. Но видите ли вы каква е то меѣава: како веявица затрпава путь. Болъ постойте мало овдѣ, причекайте докъ се меѣава утиша и небо очисти. Тада ѣемо путь по звѣздама наѣи.“ Рѣчи путника мене ободре. Я самъ се веѣъ рѣшио, предаваюѣи се воли Божіой, у пустыни преноѣити, кадъ путникъ брзо до кочіаша на саонице сѣдне и рѣче му: „Но, хвала Богу, конакъ нѣ далеко, држи право, и потеряй болъ.“ — А куда знамъ право? рече кочіашъ забринуть. — Заръ ты не видишь путь? Не брини се рече путникъ; конѣи су туѣи, а хамови нису твои, потеряй болъ, не стой. — Мени се учини да кочіашъ право има. „А зашто — мыслишь ты — да конакъ нѣ далеко?“ — Зато, што се вѣтаръ одтуда утишао — одговори путникъ, — и што чуемъ гдѣ пси лаю, крчма е близу. — Разуѣенъ и танкость слуха нѣговогогъ мене у изумлѣнъ доведе. Я заповѣдимъ кочіашу да тера. Конѣи су по дубокомъ снѣгу полагаю милили. Саонице су се тихо креѣале, часъ изъ прта изилазеѣи а часъ у пртъ враѣаюѣи се, залюлююѣи се часъ на едну часъ на другу страну. Ово е наличило пловеню галіе по бурномъ мору. Савельиѣъ, додиркуюѣи често у мое бокове, уздисао е. Я навучемъ капу на очи, замотамъ се у бунду, задремамъ, и заспимъ.

Я самъ тада сневао, што нигда заборавити не могу, и у чему до данашнѣгъ дана неко пророштво налазимъ, кадъ съ тимъ догаѣае живота мога сравнимъ. Читатель ѣе извинити мене; ербо ѣе вѣроят-но по искуству знати, да е природно човѣку предавати се суевѣрію, не сматраюѣи на свеможно презрѣ-ніе предразсуда.

Я самъ се налазіо у томъ станю чувства и душе, гдѣ сушественость, уступаюѣи мечтаньима, слива се съ нѣима у неяснимъ видѣнѣима првога сна. Мени се чиняше да бура іоштъ свирѣиствуе, да мы блудимо по снѣжной пустыни. Навданпуть спазимъ врата, и уѣемо у господско двориште нашего салаша. У првомъ помышляю бояо самъ се да ѣе се о-тацъ на мене срдити, што самъ се безъ нѣговогогъ дозволенія подъ кровъ родительскій вратіо, и тимъ му непослушность мою показао. У страху извири-мъ

изъ саоница: и видимъ у дубокой жалости погружену матеръ мою предъ мене изилазећу. „Тишіє,“ — рече ми — „отаць ти е на смртъ болестанъ, и жели се съ тобомъ опростити.“ Я се ужаснемъ и поћемъ за нѣомъ. Ућемъ у собу слабо освѣтлѣну, у коіой наћемъ многе люде са жалостнимъ лицами око постелѣ стоеће. Я лагано приступимъ къ постелѣ, мати дигне завѣсу и рече: „Андрія Петровићу, Петра е дошао, онъ разумѣвши о твоіой болести вратио се; благослови га.“ Я паднемъ на колѣна и очимое на болнога отца управимъ. Шта? . . . У мѣсто отца мога, видимъ на постелѣ човѣка съ црномъ брадомъ, весело на мене погледаюћа. Я у незнаню окренемъ се къ матери, и речемъ: Шта то значи? То нїе отаць? И како ћу я одъ туђегъ човѣка благослова искати? . . . Све е то едно Перо, — одговори ми мати, — то е твой поочимъ, полюби га у руку, и онъ ће тебе благословити.“ . . . Я то нисамъ хтѣо учинити. На то онъ скочи, узме сикиру иза леђа, и на све стране замахивати стане. Я хтѣдо бѣжати . . . но не мого; соба се напуни мртвима тѣлесима; я запнемъ о едно мртво тѣло и паднемъ међу кржаве лешеве. Страшный онай човѣкъ умилно мене вичући, рече: „Небой се, но оди да те благословимъ.“ . . . Страхъ и незнанъ овлада са мною . . . И у то магновенъ пробудимъ се; коньи су стаяли; Савельић држао е мене за руку, говорећи: „Сићи се, господине: дошли смо.“

— Гдѣ смо дошли? — запытамъ тарећи очи. — „На конакъ. Помози Боже, кадъ смо се видѣли овдѣ. Сићи се, господине, брже, да се одгрїєнѣ.“

Я се сићемъ са саоница. Бура е іоштъ свирѣпствовала, но съ маньомъ силомъ. Помрчина е была така, да се ништа предъ очима видало нїе. Домаћинъ изиђе предъ насъ на врата, држећи фенѣръ у руци, и одводе мене у собу тесну, но доста чисту; лучъ е освѣтлявао. На зиду е висіо рогъ и висока козачка капа.

Домаћинъ родомъ яйцки козакъ, виђаше се човѣкъ око шестдесетъ година, іоштъ здравъ, и бодаръ. Савельић донесе за мною пивничаць (Flaschenkeller), занште ватре, да чай зготови, кои ми се нигда

тако, као садъ, потребанъ учинію ніе. Домаћинъ од-де гледати посла. — Гдѣ є калаузъ? — запытамъ я Савельиѣа. „Ево га, ваше благородіе,“ одговори мени гласъ съ банка. Погледимъ тамо, и видимъ црну браду и два зверкаюћа ока. — Шта брате, прозебао си? — „Како небы прозебао у єдномъ слабомъ гуньцу! Имао самъ кожухъ, грѣхота є таити, но синоћъ самъ га заложію у крчми, будући се великомъ мразу надао нисамъ.“ Домаћинъ уѣе съ кипѣнимъ самоваромъ. Я пружимъ калаузу єдну чашу чая, и онъ се сиѣе съ банка. Споляшность нѣгова показиваше се мени чудновата. Онъ є могао четрдесетъ година имати, быо є среднѣгъ узраста, мршавъ и широки плећа. У црной бради нѣговой показиваше се гдѣ-коя сѣда власъ, очи му се свѣтлише и играше. Лице нѣгово виѣаше се доста пріятно, но притворно. Коса му є была подстрижена у наокругъ; на нѣму є старый гунь, и татарске чакшире. Я му поднесемъ чашу чая, но онъ се намршти и одговори ми: „Ваше благородіе, учините ми ту милость — заповѣдите, да се чаша вина за мене донесе; чай ніе наше козачко пиѣе.“ — Я радо нѣгову желю испунимъ. Домаћинъ му донесе вина, но кадъ у нѣга погледи, рече му: — „Опетъ си намъ дошао! Одъ куда те садъ Богъ донесе?“ — Калаузъ мой намигне, и съ овомъ пословицомъ одговори: „Изъ кавеза самъ излетію, крозь куделю самъ пролетію, и до васъ самъ долетію, а нико ме ніе устрѣлю, ма да су нишанили на мене.“ — А како су ваши?“

— Како су наши! — одговори домаћинъ, проджуюћи другозначеій разговоръ. — Синоћъ су звонили, да попадія не вели: попъ є у гостима, ѣаво-ли су на погостби. — „Ћути старче,“ — рече мой сапутникъ, — „ако буде кише, быѣе и сѣваня, ако буде сѣваня, быѣе и пуцняве, а садъ, (тада онъ опетъ на-мигне) обѣси сикиру о зидъ, шумаръ є овдѣ. Ваше благородіе! за ваше здравль!“ — При овима рѣчма узме чашу, прекрсти се, и на душакъ испіе. После поклони се мени и опетъ полне се на банакъ.

Я ништа не мого изъ тогъ айдучкогъ разговора разумѣти, но после самъ дознао, да су се они о ста-

ню янцке войске, после побуне 1772. године скоро текъ у то време умирене, разговарали.

Савельићу овај њинъ разговоръ ни мало нѣ было поволянъ. Онъ е на њѣмъ подозрѣвао и часъ на домаћина часъ на калауза погледао. Крчма, или као што тамо говоре, *уметь*, налазила се на страни у пустинѣ, удалѣна одъ села, и изгледала е на рабойничко станиште. Но шта смо знали радити? О далѣмъ путовању ни помислити нисмо могли. Безпокойство Савельића мене е врло занимало. Међутимъ я се намѣстимъ спавати, и легнемъ на клупу. Савельићъ се наслони на трапезу. Домаћинъ изиђе напољ. Скоро сви у соби захрчу, и я заспимъ као убиенъ.

Кадъ се у ютру доста подоцне пробудимъ, видимъ да се бура утишала. Сунце е сіяло. Снѣгъ свуда по не прегледной пустинѣ бѣлю се. Конѣ су были ухваћени. Я платимъ домаћину, кои е одъ насъ тако умѣрену плату узео, да се Савельићъ по свомъ обичаю съ њимъ погађао нѣ, и на синоћный њинъ разговоръ сасвимъ заборавіо было. Я зовнемъ калауза, благодаримъ му на указаной помоћи, и заповѣдимъ Савельићу, да му едну полтину — по рубль — на водку даде. Савельићъ намргоди се. „Полтину на водку“ — рече онъ — „а зашто? Зато, што си га изволю у крчму довести? Воля твоя, господине: но мы немамо сувише полтина. Свакомъ на водку давати, па ћемо сами скоро гладовати.“ Я се нисамъ могао са Савельићемъ прети. Новци, по момъ обећаню, налазили су се сасвимъ у нѣговой власти. Мени посве тешко быяше, што не мого благодарити човѣку, кои е мене, ако не изъ несреће, а оно по крайной мѣри изъ положеня сасвимъ неприятногъ избавіо. Добро, речемъ я ладнокрвно, ако му нећешъ дати полтину, подай му ма што одъ мога одѣла. Онъ е веома слабо одѣвенъ. Подай му мою зечію ѣурдію.

„За Бога господине Петре Андріевићу.“ — рече Савельићъ. „Што ће му твоя зечія ѣурдія? Онъ ће ню, псето, у првой меани попити.“

— О томъ, старче, нѣ твоя брига — рече мой сапутникъ, поію я или не. Нѣгово благородіе,

дає ли мени ѣурдію съ твои леѣа? То є нѣгова господ-
ска воля, твой посао нѣ сваѣати се, веѣъ слушати.

„Не боишь ли се Бога, ты разбойниче!“ — Са-
вельиѣъ му срдитымъ гласомъ одговори. „Ты ви-
дишь да дѣте іошъ ништа не зна; па си га радъ у
простоти нѣговой оплѣнити. Што ѣе теби господска
ѣурдія? Ты є на твоя окаяна плеѣа неѣнешъ ни навуѣи.“

— Молимъ те немой толико мудровати — ре-
чемъ я момъ старцу, овай часъ амо дай ѣурдію.

„Владико светый!“ уздане мой Савельиѣъ —
зечія ѣурдія сасвимъ нова! и коме да се да, оголѣ-
ломъ піяници!“

Зечія се ѣурдія донесе. Простакъ стаде є пре-
гледати. ѣурдія, изъ кое самъ и я готово веѣъ изра-
стао, была є за нѣга доста поузана. Но онъ се до-
сѣти, гдѣгдѣ по шву распори є, и тако обуче.

Савельиѣъ у мало што нѣ заплакао, кадъ є чуо
како конци пуцаю. Ова свѣтска скиталица быо є
съ моимъ даромъ врло задоволянъ. Онъ ме допрати до са-
оница и рече ми съ нискимъ поклономъ: „Богъ да благо-
слови ваше благородіє, да награди господъ васъ за ва-
шу доброту. Никада вашу милость заборавити неѣу.“

Онъ оде на свою страну, а я поѣмъ далѣ, и не
узимаюѣи на умъ Савельиѣа, и нѣгову жалость
за зечіомъ ѣурдіомъ, и скоро заборавимъ на синоѣ-
ный догаѣай, на нашегъ калауза и зечію ѣурдію.

Кадъ доѣмъ у Оренбургъ, ѣенералу одма при-
явимъ се. Онъ быяше узраста высока, но одъ ста-
рости веѣъ мало погрблѣнъ. Дугачка коса нѣгова
быяше сасвимъ бѣла. Старый полинялый мундиръ
нѣговъ представляо є войника одъ времена Анеіованов-
не, а у нѣговима рѣчма силно се нѣмачкій изговоръ
одзивао. Я му предамъ писмо одъ отца. При имени
нѣговомъ, онъ погледи на мене оштро: „Поже мой!“
рече онъ; „таѣно є то было. Андрія Петровиѣъ твои
кодина, а кле какавъ є у нека сынацъ! Ахъ, ѣреме,
ѣреме!“ — Онъ распечати писмо и почне га у по-
лакъ гласно читати, твореѣи своя примѣчания. „Ми-
лостивый господине Иване Карловиѣу, надамъ се, да
ѣе ваша преузвышеность“ Каква є то
серемонія? Фуй, како му нѣ соѣѣсно! Заиста:
дисциплина є првый посао, но тако се не пише

старомъ коморату? „Ваша преузыше-
ность заборавила ніє“ хм „или кадъ .
. . . покойнымъ фелдмаршаломъ Мин. . . у путу . . .
такъ и Каролинку“ Охо брудеръ! како
се онъ іошть старогъ нашегъ несташлука опоминъ?
„Садъ о ствари . . . къ вама, къ моме другу молод-
сти“ хм „држати у ежевимъ рукави-
цама“ Шта су то ежеве рукавице? То мора
быти руска пословица Шта е то у рукавицама
ежевимъ држати? — повтори онъ къ мени окренувши се.

— То значи — одговоримъ му я-колико е веѣ-
на можно было невинымъ начиномъ — обходити се
грађански, не сасвимъ строго, давати мало на волю,
држати у ежевимъ рукавицама.

„Хм, разумѣмъ и не давати му на волю.“
. не, то управо ежеве рукавице не значе
„При томъ нѣговъ путный листъ“ Гдѣ е?
А, ево га. Подписанъ „у Семеновски“ Добро,
добро, све ѣе быти учинѣно. „Дозволите безъ
комплимента загрлити себе и старымъ пріате-
лѣмъ и другомъ“ — а, наипосле погоди. и тако
далѣ и тако далѣ Но, баѣушко — рече,
кадъ писмо прочита и на страну мой путный листъ
остави — „све ѣе быти учинѣно: ты ѣеши быти про-
изведенъ за офицера у *** полку, и да време губію
не бы, то у ютру одма у тврдиню Бѣлогорску по-
хити, гдѣ ѣеши быти у команди капетана Миронова,
доброгъ и поштеногъ човѣка. Ты ѣеши се тамо у
служби, коя ти предстои, научити дисциплини. У
Оренбургу ты немашъ никаква посла; беспосленость
е шкодљива за млада човѣка. А данасъ укажи ми
любавъ да кодъ мене ручашъ.“

То е све горе, помислимъ у себи: одъ какве
ми е то файде было, што самъ готово іошть у утро-
би материной сержантъ гвардіе быо! Кудъ ме е то за-
вело? У *** полкъ и у глыву тврдиню на грани-
ци кирхиско-кайсацки пустиня Я самъ ручаю
кодъ Андріе Карловића съ нѣимъ и нѣговымъ ста-

рымъ ађутантомъ. Строга нѣмачка економія цар-
ствовала в за нѣговомъ трапезомъ, и я мыслимъ, да
е страхъ: видити кадкадъ по едногъ госта више за
своіомъ трапезомъ, узрокомъ одъ прилике быо, што
самъ я тако хитно у гарнизонъ упућенъ. Другій данъ
опростимъ се съ ѣенераломъ, и поћемъ на мѣсто мо-
га опредѣлѣня.

Глава III.

Тврдиня.

Мы въ Фортеціи живемъ.

Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ;

А какъ лютые враги

Придутъ къ намъ на пироги,

Зададимъ гостямъ пирушку;

Зарядимъ картечью пушку.

Войничка пѣсма.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорска тврдиня одстаяла е четрдесетъ врстій одъ Оренбурга. Путь се пружао по не равномъ брегу Яика. Рѣка се іошть нѣ была замрзла, и нѣни су густы таласи тужно лупали о тврде, бѣлымъ снѣгомъ покривене брегове. Свуда у наоколо простирале су се кирхиске пустинѣ. Я се пустимъ у мысли, по већой чести печалне. Гарнизонскій животъ мало е имао за мене радости. Я самъ себи капетана Миронова ваображавао, мога будућегъ начелника, и представляо самъ га себи као строга и срдита старца, да ништа друго не зна осимъ свое службе, и да е готовъ свога подчинѣногъ за найманию бездѣлицу у тавницу бацити, и ту о сувомъ хлѣбу и води држати. Међутимъ почело се смркавати. Мы смо ишли доста брзо. Е ли далеко іошть тврдиня? — запытамъ мога кочіяша. — „Нѣ далеко“ — одговори онъ. „Ено већъ се види.“ — Я погледимъ на све стране, надаюћи се да ћу видѣти высоке и яке бедеме, куле и шанчеве; но ништа не видо, окромъ едногъ бѣдногъ сеоца, обграђеногъ тарабомъ одъ греда. На одной страни стаяла су три или чети-

ри пласта сѣна, у полакъ снѣгомъ завейна; а на другой една накривлѣна вѣтреняча, съ вѣтрилима одѣ лике, лѣньиво спуштенима. — Гдѣ е тврдиня? — запытамъ съ удивлѣнѣмъ. — „Та ето є,“ — одговори кочіашъ, показуюћи сеоце, и съ тимъ рѣчма мы у-нотра уѣмо. На капиі смотримъ єданъ забаталѣнъ гвозденъ топъ, улице су были узке и криве, куѣе низке и по веѣой чести сламомъ покривене. Я заповѣдимъ да тера къ команданту, и за часъ зауставе се кола предъ дрвеномъ куѣицомъ, саграѣеномъ на високомъ мѣсту близу дрвене цркве.

Нико пред-а-ме изишао нѣе. Я поѣмъ у ходникъ и отворимъ врата одѣ предсобице. Старый єданъ инвалидъ сѣѣаше на столици, пришиваюћи угасито-модру закрпу на лакать зеленога мундира. Я му речемъ да ме пріяви. „Уѣите, баѣушко“ — одговори инвалидъ; „наши су кодъ куѣе.“ Я уѣемъ у чисту собицу по старински намѣштену. У роглу стаяо є орманъ съ посуѣемъ; на зиду висила є диплома офицерска подѣ станломъ у раму; около нѣ виѣаху се дрвене иконице, представляюће заузѣе Кистрина и Очакова, и избиранѣ невѣсте и погребѣ мачка. Кодъ прозора сѣдила є баба у ѣурку съ марамомъ на глави. Она є мотала конце, ков є држао, на разширенимъ рукама, єданъ, у офицерскомъ мундиру, грбавый стараць. „Кое добро баѣушко?“ — запыта она продужуюћи свой посао. Я одговоримъ, да самъ у службу дошао, и по дужности моѣой являмъ се гс-сподину капетану, и съ тима рѣчма обратимъ се старцу, мыслећи, да є онъ командантъ; но домаѣица уѣе мени у рѣчь. „Иванъ Кузмиѣ нѣе кодъ куѣе,“ рече она; „онъ є отишао къ отцу Герасиму у госте; но све єдно, баѣушко, я самъ нѣгова супруга. Молимъ, будите слободанъ. Сѣдите баѣушко.“ Она викине дѣвойку и рече іой да зовне редовника. Стараць є све єднако погледао на мене съ любопытствомъ. „Смѣмъ ли запытати“ — рече онъ: „у каквомъ сте полку изволѣли служити?“ Я задовољимъ нѣговомъ любопытству. „А смѣмъ ли запытати“ — настави онъ: „защо сте изволѣли преѣи изъ гвардіе у гарнизонъ?“ Я одговоримъ да є то была воля начелства. „Безъ сумнѣ за не пристойне гвардѣйскомъ офи-

циру поступке,“ — продужи не утомимый пытаоць. „Не говори у вѣтаръ“ — рече му капетаница, — „ты видишь да є младъ човѣкъ, съ пута дошао; нѣму нїє до тебе (држи те руке правїє) А ты, мой баѣушкуо“ — продужи она, обративши се къ мени — „немой се печалити, што су те у нашъ удалѣный предѣлъ послали. Ниси ты првый, ниси ни последний. Трии па ѣеши се спасти. Швабринъ Алекса Ивановичъ ето веѣтъ петъ година како є къ нама за смртоубисто доведенъ. Богъ зна, шта є онъ іошть сгрѣшио; онъ є, можда си ты то видїо, изишао иза града съ єднымъ поручикомъ, са мачевима ту є єданъ на другогъ ударїо, и Алекса Ивановичъ убїє поручика, па іошть предъ двоицомъ свѣдоцима. Шта бы садъ ты на то казао? А ко не може погрѣшити?“

У то тренуѣе уѣе редовникъ, младъ и красанъ козакъ. „Максимиѣу!“ — рече му капетаница. — „Одведи господина офицера на конакъ, но честить.“ „Разумѣмъ, Василисо Єгоровна“ — одговори редовникъ. — „Хоѣу ли нѣгово благородїє намѣстити кодъ Ивана Полежаєва?“ — „Не, Максимиѣу“ — рече капетаница: „у Полежаєва и тако є тесно; онъ є мой кумъ, а помысли, да смо мы нѣгови начелници. Одведи г. офицера како є ваше име и отачество, баѣушко?“ — Петаръ Андрїєвиѣъ. — „Одведи Петра Андрїєвиѣа къ Семену Кузову. Онъ є, хуля, пустїо свогъ коня у нашу забранъ. Но како Максимиѣу, є ли све на миру?“

— Све, хвала Богу, лагано одговори козакъ; — само капларъ Прохоровъ што се, за єдну чашу вреле воде, у банѣи съ Устиномъ Пугелиномъ потукао.

„Иване Игнатиѣу!“ — рече капетаница сѣдеѣемъ старцу. — „Иди испытай, ко є кривъ, ко ли правъ, Похоровъ или Устина. И обое казни. Но Максимиѣу, садъ иди съ Богомъ. Петре Андрїєвиѣу, Максимиѣъ ѣе васъ одвести на вашъ конакъ.“

Я се поклонимъ. Редовникъ одведе ме у куѣеракъ, стоеѣїй на високомъ брегу рѣке, на самомъ краю тврдиѣи. Половина куѣерка заузета є была породїцомъ Семена Кузова; друга є мени дата. Она се састаяла изъ єдне себе доста чисте, на двое преградомъ раздѣлѣне. Савельиѣъ є у нѣой спремао, а я стоеѣи гледао самъ крозь узацакъ прозорчиѣъ. Пред-

а-мномъ простирала се печална пустиня. Косо стаяше неколико земуница; по улици ишло е неколико кокошака. Баба, стоећи на врати, съ коритомъ, ранила е свинѣ, кое су їой друголюбнымъ крюканѣмъ одговарале. И гле у каквомъ самъ предѣлу осуђенъ было младость мою проводить. Я се смутимъ, съ прозорчића уклонимъ се, и не вечеравши легнемъ спавати, не сматраюћи на увѣштанѣ Савелѣића, кои са сакрушенымъ срцемъ повторяше: „Господи Боже! заръ нећете ништа ести? Шта ће милостива госпођа рећи, ако се дѣте разболи?“

Другїй данъ у ютру текъ што се я облачити станемъ, врата се моя отворе, и къ мени уђе еданъ младъ офицеръ, помаленъ, съ лицемъ црнымъ, ружнымъ, но не обично живымъ. „Извините ме“ — рече ми онъ француски — „што я безъ церимоніе долазимъ съ вама познати се. Синоћъ дознамъ да сте дошли; желя видити еданпутъ човѣческо лице, тако е са мномъ овладала, да я истрпити не мого. Вы ћете се о томъ увѣрити, кадъ овдѣ кое време проживите.“ — Я самъ се досѣтио, да е то было онай офицеръ, што е изъ гвардіе за удвой исписанъ. Мы смо се одма познали. Швабринъ ніе было сасвимъ глупъ. Разговоръ е нѣговъ было оштаръ и занимљивъ. Онъ ми съ великомъ веселости опише породицу команданта, нѣгово саобраштенѣ и предѣлъ, у кои е мене судбина завела. Я самъ се изъ срца смѣяо, кадъ къ мени онай истый инвалидъ уђе, кои е у предсобици команданта мундиръ крпїо, и именовъ Василисе Ёгоровне позове ме къ нѣима на ручакъ. Швабринъ се обећа са мномъ одма доћи.

Идући къ кући команданта, на отвореномъ мѣсту спазимо мы око двадесетъ стары инвалида съ дугачкими косама у тробугольнымъ шеширима. Они су ставлѣни были у фронтъ. Напредъ е стаяо командантъ, старацъ крѣпакъ и висока узраста, у калпаку и у китайскомъ одѣлу. Видећи насъ дође къ нама, рече мени неколико ласкавы рѣчїй, и стане опетъ командирати. Мы се зауставимо, да промотримо вѣштбаи; но онъ насъ замоли, да идемо къ Василиси Ёгоровной, обећаваюћи се да ће и онъ за нама таки доћи. „А овдѣ“ — рече — „немате ништа гледати.“

Василиса Ёгоровна дочека насъ просто и радостно, и са мнома, као да ме одъ Богъ зна када познае, обходила се. Инвалидъ и Палашка поставляху трапезу. „Шта се мой Иванъ Кузмићъ данасъ тако забавио?“ — рече капетаница. „Палашко, зови господина на ручакъ. А гдѣ е Маша?“ — Тада уђе у собу дѣвойка око осамнаестъ година, лѣпа, округлы образа, румена, съ плавима за уши сглаженима власима, кое су у нѣ чисто горѣле. При првомъ погледу нѣ ми се тако допала. Я самъ е слабо погледао, ерѣ ми е Швабринъ Машу, капетанову ћерку, савимъ за просту описао. Марія Ивановна сѣла е у рогаль и почела е шити. Међутимъ донесе се ело. Василиса Ёгоровна, не видећи мужа, по друїй путъ Палашку по нѣга пошаль. „Кажи господину, да гости чекаю, оладиће се ело; хвала Богу вѣштбанѣ неће утећи; доспѣће и другїй путъ навикати се.“ — Капетанъ се брзо покаже. „Шта е то, мой баћушко“ — рече му жена, „ело е давно донешено, а ты не долазишѣ.“ — Слушай Василисо Ёгоровна — одговори Иванъ Кузмићъ — я самъ се са службомъ занимаю, я самъ войнике вѣштбаю.

„Па, добро!“ — прослови капетаница. — „Тoliko се хвалишѣ, да войнике учишѣ, но нити ће они што научити, нити иѣ ты умѣшѣ чему научити. Да си сѣдио кодъ куће и Богу да си се молио, много бы болѣ было. Драги гости, молимъ, изволите за трапезу.“

Мы сѣдосмо ручати. Василиса Ёгоровна ни трене не еднo не ћутећи засипавала ме е пытанѣмъ: ко су мои родители, есу ли живи, гдѣ живе, и какво е нѣино станѣ? Чувши, да у отца мога има триста селяка, „тако е то!“ — рече; „има на свѣту и богаты людї! А у насъ, мой баћушко, све су душе еднa дѣвойка Палашка, и хвала Богу, живимо прилично. Еднa е само несрећа: што е Маша, кѣи наша, дѣвойка за удаю, а каква е у нѣ прїя: честый чешаль, четка, новаца три копѣйке (Боже прости), текъ у купѣль да оде. Ако се какавъ добаръ човѣкъ не нађе, то ће она вѣчито дѣвойкомъ остати.“ — Я погледимъ на Марию Ивановну; она се сва зарумени, и сузе їой готово кануше на танѣирѣ. Мени

е жао было, и зато поведемъ другій разговоръ. Я самъ слушаю — речемъ не башъ умѣстно — да Башкирци на вашу тврдиню напасти намѣраваю. „Одъ кога си, бабушко, ты то чуо?“ запыта Иванъ Кузмиѣъ. — Мени су то у Оренбургу казивали — одговоримъ я. „Торокуше!“ — рече командантъ. „Мы одавна ништа не чуемо. Башкирци су народъ уstraшенъ, и Кирхизци су паметн научени. Не бой се, неће они на насъ ударити; а ударе ли, то, я бу ий тако побити, да за десетъ година оданути неће.“ — И вы се не страшите, — продужимъ я, окренувши се капетаници — у тврдинѣ овой, тако опасности изложенной, живити? — „Обвикли смо се, мой бабушко,“ — одговори она. „Има томе веѣъ двадесетъ година, како су насъ овамо изъ полка премѣстили, сачувай Боже, како самъ се я ти проклеты не Християна бояла! Кадъ самъ видала нѣине шубаре одъ рисовине, бывало е како тако — но кадъ самъ слушала нѣинъ урликъ, вѣруй ми любезный мой, да самъ одъ страха умирала. Садъ самъ се тако привикла, да се ни съ мѣста не креѣмъ, кадъ намъ доѣу и кажу, да веѣъ зликовци око тврдинѣ урличу.“

— Василиса Ёгоровна врло е слободна госпоѣа — примѣти Швабриѣъ. — Иванъ Кузмиѣъ може то засвѣдожити.

„Да, треба да знашъ,“ рече Иванъ Кузмиѣъ; „ово нѣе баба плашльивого десетника.“

— А Марія Ивановна? — запытамъ я: е ли и она тако слободна као вы?

„Е ли слободна Маша?“ — одговори нѣна Мати. „Нѣе. Маша е плашльива. Она, и кадъ се топъ избади, уплаши се и сгрози. Кадъ е, томе има веѣъ двѣ године, Иванъ Кузмиѣъ, на мой именданъ, изъ нашегъ топа пуцао, то она, голубица моя, у мало одъ страха умрла нѣе. Одъ то доба изъ тогъ проклетогъ топа и не пуцаю више.“

Мы устанемо иза трапезе, капетанъ съ капетаницомъ оде спавати, а я поѣмъ къ Швабрину, кодъ кога цѣло вече проведемъ.

Г л а в а IV.

Удвой.

— Инъ изволь, и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру.

Княжнинъ.

Прошло е неколико недѣля, и животъ мой у тврдинѣ Бѣлогорской было ми е не само сносанъ, веѣ и пріятанъ. У куѣи команданта было самъ при-мльнъ као роѣакъ. Мужъ и жена были су люди ве-ома поштени. Иванъ Кузмиѣ, одъ войничкогъ сына официромъ поставши, было е човѣкъ не ученъ и простъ, но сасвимъ поштенъ и добаръ. Жена е нѣгова съ нѣимъ управляла, и то се са нѣговомъ безбрижльи-вости слагало. Василиса Ёгоровна и на дѣла слу-жебна пазила е као на своя домаѣа, и управляла е тврдинѣомъ тако добро, као и своіомъ куѣицомъ. Марія Ивановна нѣ се веѣ мене устручавала. Мы смо се познали. Я самъ у нѣой нашао паметну, разумну и чувствителну дѣвойку. Я самъ се съ овомъ породичомъ читаво сродіо было, шта више и съ Ива-номъ Игнатиѣмъ, ѣоравымъ гарнизона поручикомъ, о комъ е Швабринъ измышлявао да е у некой забра-нѣной свези съ Василисомъ Ёгоровномъ, о чему ни помыслити нѣ было; но Швабринъ се зато нѣ едіо.

Я будемъ произведенъ за официра. Служба моя нѣ ми была теретна. У богоспасаемой тврдинѣ нѣ было надзираваня; ни вѣштбаня, ни страже. Коман-дантъ по своіой воли учіо е самъ кадъ и кадъ сво-е войнике, но до тога іоштъ нѣ могао съ нѣима у-спѣти, да бы сви знати могли кое е страна десна, кое ли лѣва. Швабринъ е имао неколико францу-

ски кнѣига. Я почнемъ читати, и у мени пробуди се
желя къ литератури. Ютромъ самъ читао и у пре-
водима упражнявао се, а кадкадъ и у сачиняваню сти-
хова. Ручавао самъ готово свагда кодъ команданта,
гдѣ самъ обично остатакъ дана пробавляо, куда в
по некадъ у вече долазіо и отаць Герасимъ са же-
номъ своіомъ Акулиномъ Памфиловномъ, найразго-
ворніомъ госпођомъ у свой околинѣ. Съ А. И. Шва-
бриномъ, разумѣва се, виђао самъ се свакій данъ;
но одъ дана на данъ бывао ми е говоръ нѣговъ све
не поволянїи. Свакидашня шала нѣгова на пагубу
части породице команданта мени се сасвимъ не до-
падаше, особито примѣтбе о Марїи Ивановной. Дру-
гогъ друштва у тврдинѣ не быаше; но я другогъ
ни желіо нисамъ.

Не сматраюћи на предсказано, Башкирци
нису се узбуњивали. Миръ е царствовао око наше
тврдинѣ. Но миръ буде нарушенъ брзо између насъ.

Я самъ већъ казао, да самъ се съ литературомъ
занимао. Покушеня моя за ондашнѣ време была су
врло добра, и Александеръ Петровићъ Сумароковъ,
после неколико година, похвалио ѣ е. Еданпутъ слу-
чайно напишемъ пѣсмицу, коя се мени допадне. По-
знато е, да списатели подъ видомъ савѣта, обично
ишту и траже благонаклоногъ слушателя. И тако,
кадъ я мою пѣсмицу препишемъ, понесемъ е къ Шва-
брину, кои е еданъ у цѣлой тврдинѣ могао оцѣпи-
ти производъ стихотворца. После краткогъ предго-
вора, извадимъ я изъ цепа мою артию и прочитамъ
му слѣдуюће стихове:

Любавны с' клонимъ мыслѣй,
У туги боравимъ;
О Машо! твой лнкъ милый
Текъ да заборавимъ.

* * *
Плѣнивше м' очѣ твоѣ,
Божества красный строй,
Смутише дане мое,
Срушише покой мой.

* * *
Но кадъ ты Машо! мою
Любавну дознашь страсть,
Пружѣ ми руку твою,
Не дай ме у пропасть.

— Како ти се ово допада? — запытамъ я Швабрина, очекуюћи похвалу, као што е заиста и требало да ме похвали. Но на велику мою увреду, Швабринъ, обично снисходителанъ, рѣшительно ми рече да пѣсма моя не валя ништа.

А зашто? — запытамъ га, сакриваюћи свою увреду.

„Зато“ — одговори онъ — „што су таки стихови достойни текъ мога учителя Василя Кирилића Треѣаковскомъ, и што ме здраво на нѣгову любовну збирку опоминю.“

Тада узме онъ одъ мене артию и почне не милостиво свакій стихъ и свако писмо испытивати, ругаюћи ми се најбезобразниимъ начиномъ. Я га не могло дуже трпити, изтргнемъ му изъ руку мою артию и речемъ му, да му за живота мога одъ сада никада моя сачинѣня показивати нећу. Швабринъ се и на ову претню насмие. „Видићемо — рече онъ — хоћешъ ли рѣчь свою одржати; стихотворцима е потребанъ слушатель, као Ивану Кузмићу чаша водке предъ ручакъ. А каква е то Маша, предъ којомъ ты свою иѣжну и любовну страсть изяснявашъ? Да нив Марія Ивановна?“

— То се тебе не тиче — одговоримъ му я наиргођенъ — ма која да е она. Не требама ни твогъ миѣнія ни твогъ одобрѣня.

„Охо! самолюбивый стихотворче и смѣрный любезниче!“ — продужи Швабринъ, све већма и већма мене раздраживаюћи; „послушай мой савѣтъ: ако желишь успѣти, то те савѣтуемъ да се пѣсмама не помажешъ.“

— Шта то значи господине? изволите ми изяснити.

„Съ драге вољѣ. То значи, ако хоћешъ, да ти Марія Миронова съ вечера долази, то у мѣсто пѣсмама подай јој паръ минѣуша.“

Кривъ се у мене узмути. А зашто ты о нѣй тако мыслишь? — запытамъ, едва свое негодованѣ уздржаваюћи.

„Зато,“ одговори онъ съ адскимъ подсмѣванѣмъ, „што по искуству познаемъ нѣну ѣудъ, и обичай.“

— Ты лажешъ ниткове — викнемъ я у ярости — ты лажешъ самымъ безстыднымъ начиномъ.

Швабринъ се промѣни у лицу. „То те неће тако проћи“, рече онъ, стискуюћи ми руку. „Вы ћете ми дати сатифакцію.“

— Изволи; кадъ годъ хоћешъ! — одговоримъ я обрадовавши се. У то магновенъ было самъ готовъ растрѣи га.

Я тай часъ одѣмъ къ Ивану Игнатиѣу, кога съ игломъ у руци затечемъ: онъ е по заповѣсти капетанице низао варганъ за сушенъ на зиму. „О, Петре Андриѣвиѣу!“ — рече онъ видећи мене; „добро дошли! Како васъ е Богъ донео? смѣмъ ли пытати, коимъ сте добромъ дошли?“ Я му у мало рѣчій кажемъ, да самъ се съ Алексомъ Иванићемъ свадио, а да нѣга, Ивана Игнатиѣа, молимъ, да ми секундантъ буде. Иванъ Игнатиѣъ пазливо саслуша мене и погледи ме попреко. „Вы сте извольли казати“, — рече онъ мени — „да ћете Алексу Иваниѣа убити, и желите да я ту будемъ свѣдокъ? Е ли тако, смѣмъ ли пытати?“

— Тако е, тако. „Молимъ Петре Андриѣвиѣу! Шта е то! зашто есте се вы съ Алексомъ Иванићемъ посвађали? То е велика несрећа! Кавгу не свршуе глава. Онъ е васъ псовао, а вы нѣга изгрдите, онъ васъ по плећи, а вы нѣга по уву, по другій и по трећій путь — па се разиђите: а мы ћемо васъ помирити. А е ли то добро дѣло, ближнѣгъ свога убити? И добро, ако бы вы нѣга и убили, Богъ съ нѣмъ; и я самъ не маримъ за нѣга. Но ако онъ васъ убіе? Ко ће онда быти лудъ? смѣмъ ли пытати?“

Разсуђаваня благоразумногъ поручика мене не поколебаше. Я останемъ при моіой намѣри. „Како вамъ драго“ — рече Иванъ Игнатиѣъ, „радите, како знате. А зашто я ту свѣдокъ да будемъ? Изъ коегъ узрока? Е смѣмъ ли пытати, зашто да едни гледе, кадъ се други туку? Хвала Богу, я самъ ишао на Шведа и на Турчина, свега самъ се доста нагледао.“

Я му коекако дужность секунданта изяснявати станемъ, но Иванъ Игнатиѣъ никако ме поняти не могао. „Воля ваша“ — рече онъ. „Кадъ морамъ

већъ мѣшати се у то дѣло, то идемъ къ Ивану Кузмићу, да му званично явимъ, да се у Фортеціи злочинство, противно царскому интересу, учинити намѣрава; можда ће господинъ командантъ изволѣти надлежне мѣре предузети“

Я се уплашимъ и станемъ Ивана Игнатића молити да команданту ништа не казуе; и силомъ га на то наговоримъ; онъ ми се обећа, и одъ нѣга одемъ.

Вече, по момъ обичаю, проведемъ кодъ команданта. Я самъ се трудіо да будемъ весело и равнодушанъ, трудіо самъ се да не дођемъ у какво подозрѣнѣ и хтѣо самъ свако питањѣ избѣћи; но признаемъ, да я нисамъ быо тако ладнокрванъ, као што се обично сви хвале, кои су се у момъ положаю налазили. Тогъ вечера я самъ дошао у неку нѣжностъ и умиљнѣ. Марія Ивановна допадне ми се болѣ него обично. Мысао, може бити, да е садъ последній путъ гледимъ, уливала е у мое очи нешто на нѣой трогателно. И Швабринъ дође. Я га одведемъ на страну, и извѣстимъ га о момъ разговору съ Иваномъ Игнатићемъ. „Што ће нама секунданти?“ рече ми онъ ладнокрвно; „бимо се безъ нѣи.“ Мы уговоримо бити се иза пластова, кои изванъ тврдинѣ быяху, и то у седамъ сатій у ютру. Мы смо се разговарали по видимомъ тако дружелюбно, да е Иванъ Игнатићъ одъ радости изванъ себе быо. „Требало е тако одавно“ — рече онъ мени пріятельскимъ начиномъ; „мршавъ миръ е болій одъ дебеле парнице, а и не поштенъ е пріятанъ.“

„Шта е то Иване Игнатићу?“ — рече капетаница, која е у роглу у карте гледала; „я нисамъ чула.“

Иванъ Игнатићъ примѣти на мени, да самъ се смутіо, и опоминюћи се свогъ обећаня, збуни се и самъ назнаде шта ће одговорити. Швабринъ му у помоћ притече.

„Иванъ Игнатићъ“ — рече онъ — „ободрава насъ на помирѣнѣ.“

— А съ кимъ си се тако, мой баћушко, завадіо?

„Мы смо се доста опако съ Петромъ Андріевичемъ посвађали.“

— А зашто?
„За малу бездѣлицу: за пѣсмицу, Василио Ёгоровна.“

— Нашли сте зашто ћете се свађати! за пѣсмицу! . . . а како се то догодило?

„Ето како: Петаръ Андрієвићъ сачинио є овы дана пѣсму и данасъ є кодъ мене пѣвао, а я на то опетъ мою милу запѣвамъ:“

Капетанска кћери,

Не скитай с' по ноћи.

Породи се распра. Петаръ Андрієвићъ быо се мало расрдіо; но после є размыслио да свакій може пѣвати, што му є угодно. Съ тымъ се и стварь сврши.“

Безобразлукъ Швабрина мене у мало не доведе у бѣснило: но нико, осимъ мене, грубо нѣгово изяснѣиѣ поняті не могаше, по свой прилици, што нико на то ни пазіо ніє. Одъ пѣсмице дође разговоръ на стихотворце, и командантъ примѣти, да су сви такови люди неваляли и найвеће піянице, и савѣтовао ме є пріятельски, да се стихотворства оканемъ, зато, што є тай посао военной службы противанъ и што никакву ползу не приноси.

Присутство Швабрина было є за мене не сносно. Зато се я опростимъ съ командантомъ и нѣговымъ породцомъ; дођемъ кући, проотримъ мой мачъ; опицамъ му врхъ и легнемъ спавати, казавши Савельићу да ме у ютру у седамъ сатій пробуди.

Сутраданъ у назначено време я самъ већъ быо за пластовима и очекивао самъ мога супарника. Наскоро и онъ дође. „Насъ ће овдѣ затећи,“ рече онъ мени: „морамо похитити.“ Мы скинемо мундире, останемо у самимъ прслуцима и мачеве истргнемо. У исто магновенѣ покаже се иза пласта Иванъ Игнатићъ іоштъ съ петъ инвалида. Онъ насъ позове къ команданту. Мы смо се морали повиновати: войници насъ обколе, и мы пођемо у тврдиню за Иваномъ Игнатићемъ, кои є свечано насъ водіо, корачаюћи съ удивителномъ важности.

Мы уђемо у командантску кућу. Иванъ Игнатићъ отвори врата, и викне: „довео самъ ій!“ Часъ дочека Василиса Ёгоровна. „О, баћушци мои!“

Шта е то одъ васъ? како? зашто? у нашої тврди-
ни да се смртоубійство догоди! Иване Кузмићу,
овай часъ съ нѣма у тавницу! Петре Андриѣвићу!
Алексо Иванићу! однашите ваше мачеве, дайте, дай-
те. Палашко однеси те мачеве па остави. Петре
Андриѣвићу! Я се одъ тебе томе нисамъ надала. Ка-
ко те савѣсть гризла нѣ? Што се тиче Алексе Ива-
нића, онъ е за убійсто и изъ гвардіе исписанъ, онъ не
вѣруе ни у Господа Бога; а зашто ты? ты томъ ста-
зомъ да поѣшъ?

Иванъ Кузмићъ слагао се у свему са своіомъ су-
пругомъ и рекао е: „Есть, Василисо Ђгоровна, ты
право имашъ. Удвои су у военимъ законима строго
забранѣни.“ Међутимъ Палашка узме наше мачеве и
однесе ѿ у орожницу. Я самъ се морао засмѣяти.
Швабринъ е сачувао свою важность. „При цѣломъ
момъ къ вама уваженію“ — рече онъ ладнокрвно — „я
не могу то да вамъ не примѣтимъ, што тако врло о
нама обезпокояваюћи се, насъ вашемъ суду подвр-
гавате. Оставьте вы то Ивану Кузмићу, то е
нѣговъ посао.“ — О, мой баћушко! одговори капе-
таница, — заръ мужъ и жена нѣ една душа и едно
тѣло? Иване Кузмићу! Што зѣвашъ? Овай часъ
затвори ѿ, но обашка, не дай ѿмъ ништа само хлѣ-
ба и воде, да бы ѿ тако лудило прошло, па и отаць
Герасимъ нека ѿмъ да епитимію, да се Богу моле,
да ѿмъ Богъ опрости, и да се покаю предъ людма.

Иванъ Кузмићъ нѣ знао шта ће радити. Марія
Ивановна была е сасвимъ бледа. Мало по мало бу-
ра се утиша, капетаница се ублажи и насъ натера
да другъ друга полюбимо. Палашка донесе намъ на-
ше мачеве. Мы одемо одъ команданта, по види-
моме, помирили. Иванъ Игнатићъ насъ е пратио. —
Како се вы стыдили нисте, речемъ му я срдито, ка-
зати за насъ командаданту, после дане ми рѣчи, да
то учинити нећете? — „Као што е Богъ светъ, я
то Ивану Кузмићу казао нисамъ“ — одговори онъ.
„Василиса Ђгоровна дознала е одъ мене то све. Она
е све и уредила безъ знаня команданта. У осталомъ
хвала Богу! кадъ се то тако свршило.“ Съ тимъ рѣчма
онъ се кући врати, а Швабринъ и я останемо сами. На-
ша се стваръ тако свршити не може — речемъ я нѣ-

му. „Не, заиста“ — одговори Швабринъ; „вы ћете мени за вашу дрзкостъ съ вашомъ крви одговарати; но на насъ ће безъ сумњ мотрити. Неколоко дана мы се морамо претварати. Видићемо се опетъ!“ — И мы се растанемо, као да ништа међу нама не има.

Вративши се къ команданту, я по обичаю момъ сѣднемъ поредъ Маріе Ивановне. Иванъ Кузмићъ нѣ быо кодъ куће, Василиса Ёгоровна занимала се домаћимъ посломъ. Мы смо се полагаю разговарали. Марія Ивановна нѣжно ми е казивала, да су се сви моіомъ сваћомъ са Швабриномъ узнемирили были. „Я самъ говото — казиваше она — обамрла, кадъ су ми казали, да сте се вы са мачевима борити наумили. Као люди страни! за едну рѣчь, кою сте за недѣлю дана заборавити могли, готови сте были изсѣћи се и жртовати не само животъ но и савѣсть и срећу оны, кои Но я самъ увѣрена, да вы нисте навгу заметли. Заиста Алекса Ивановичъ е кривъ.“

А по чему вы тако судите, Маріо Ивановна?

„По томе . . . што е онъ подпрдивало! Я не маримъ за Алексу Ивановича, онъ е мени сасвимъ не сносанъ: и я бы Богъ зна како желила, да се и я нѣму не допадамъ. И то бы у мени страхъ мой умирило.“

— А како вы мыслите, Маріо Ивановна? допадате ли се вы нѣму или не?

Марія Ивановна застыди се и зарумени. „Мени се чиня“ — рече она — „да му се допадамъ.“

— По чему вамъ се то чини?

„По томе, што е онъ мене просіо.“

— Просіо! Онъ васъ просіо? Када?

„Прощасте године. Два мѣсеца пре вашегъ долазка.“

— И вы нисте пошли?

„Како што видите. Алекса Ивановичъ човѣкъ е паметанъ, и одъ добре породице, и добро стои; и као што мыслимъ, наипосле ѣу се морати подъ вѣнцемъ съ нѣиме предъ свыма полюбити Али я опетъ? нипошто не бы рада была! то замене нѣ ни каква срећа?“

Рѣчи Маріе Ивановне отворе ми очи и болѣ ме обавѣсте. Я самъ већъ дознао, шта е Швабрина у срце дирнуло. Безъ сумњ примѣтіо е онъ, да се я и

Марія Ивановна радо погледамо, и желіо в насъ завадити. Рѣчи, коє су поводъ нашой сваѣи дале, учине ми се іоштъ гадніма, кадъ у мѣсто грубы и непристойны погрда, увидо у нѣма измышлѣну клевету. Желя, казнити дрзкогъ злорѣчивца, постане у мени іоштъ силнія и само самъ на згодну прилику чекаю.

За дуго чекао нисамъ. Другій данъ, сѣдећи я за елегіомъ и гризећи перо стихъ очекуюћи, прохуи Швабринъ мимо могъ прозорчиѣа. Я оставимъ перо, узмемъ мачъ и поѣмъ за нѣмъ. „Зашто оклевамо“? — рече ми Швабринъ, — „на насъ садъ не мотре. Сиѣймо се къ рѣци. Тамо насъ нико узнемирити неће.“ Мы поѣмо ѣтећи. Спуштаюћи се по не равномъ путу, зауставимо се кодъ рѣке и мачеве извадимо. Швабринъ є быо вѣштїи одъ мене, но я ячїй и слободнїи, єрѣ monsieur Бопре, бывши некада войникомъ, дао ми є неколико урока у бореню, коима самъ се сада ползовао. Швабринъ нїє се надао да ѣе у мени тако опасногъ противника наѣи. Мы за дуго єданъ другоме ништа учинити не могосмо; наипосле примѣчаваюћи да Швабринъ ма-лаксава, почнемъ живо на нѣга наилазити и утерамъ га готово у саму рѣку. У то чуємъ, да мене поименце неко изъ свега гласа виче. Я се окренемъ и видимъ Савельїѣа, трчеѣа нѣ мени по найнеравнїємъ путу У то исто магновенїѣ я будемъ силно у десно плеѣе ударенъ, и лишенъ чувства паднемъ на землю.

Глава V.

Любавь.

Ахъ ты, дѣвка, дѣвка красная;
Не ходи, дѣвка, молода замужъ;
Ты спроси, дѣвка, отца, матери,
Отца, матери, роду племени;
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданго.

Пѣснь народна.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, вспомнешь.

То исто.

Дошавши къ себи, за дуго време не мого знати, шта се са мною сбыло. Лежао самъ на постельи у не познатой соби, и осеѣао самъ велику слабость. Пред-а-мною стаяо е Савельиѣ са свѣѣицомъ у руци. Я самъ видіо завоіомъ себе умотана. Мало по мало разведе ми се мысли мое. Я се опоменемъ мога удвоя, и увѣримъ се, да самъ ранѣнъ. У исто магновенѣ отворе се врата. „Шта е? како е?“ чуемъ шапѣуѣи гласъ, одъ кога я задркнемъ. — Све у единакомъ станю, — одговори Савельиѣ уздишуѣи; — ништа о себи не зна ето веѣтъ петый данъ. — Я самъ се хѣо окренути, но нисамъ могао. Гдѣ самъ я? ко е овдѣ? речемъ усиливаюѣи се. Маріа Ивановна доѣе къ моіой постельи и наклони се на мене. „Шта е? Како се осеѣате?“ рече она. Хвала Богу, одговоримъ слабымъ гласомъ. Есте ли вы, Маріо Ивановна? Кажите ми я не имадо крѣпости више говорити, и уѣутимъ. Савельиѣ уздане. Радость се засія на нѣговомъ лицу. „Дошао е къ се-

би,“ — повтораваше онъ. „Хвала теби владико! Но бѣхушко Петре Андрієвићу! ты си мене уплашио! Ё ли ти лакше? ово є већъ петый данъ!“ . . . Марія Ивановна уђе му у рѣчь. „Не говори съ нѣмъ много, Савельићу,“ — рече она. „Онъ є іошть слабъ.“ Она изиђе и полагано затвори врата. Мысли су се мое колебале. И тако, я самъ быо у кући команданта. Марія Ивановна долазила є къ мени. Я самъ хтѣо Савельића за коєшта пытати, но стараць є умотао главу и запушио уши. Я на силу склопимъ очи и брзо заспимъ.

Кадъ се пробудимъ, викнемъ Савельића, но у мѣсто нѣга видимъ предъ собою Марію Ивановну; анѣлскій гласъ нѣнъ мене є поздравляо. Не могу изразити сладость чувства, коя су са мною у то магно-венѣ овладала. Я є узмемъ за руку, метнемъ іой руку на мое устне и обліємъ сузама умилѣня. Маша руку свою нѣ трзала . . . и садъ се нѣне устне косну мои и я осѣтимъ нѣнѣ жаркій и теплый полюбавъ. Оганъ прође крозь мене. Мила, добра Марію Ивановна — речемъ іой я — буди моя жена, учини ме срећнымъ. — Она се тргне. „Бога ради умирите се“ — рече узевши руку свою одъ мене. „Вы сте іошть у опасности, рана се може позледити. Чувайте се ма за мою любовь.“ Съ тимъ рѣчма она изиђе, оставивши ме умилнымъ чувствомъ опоена. Срећа є моя ускрсла. Она ће бити моя! она мене люби! Та є мысао испуњавала све мое суштествованѣ.

Одъ тогъ часа мени є мало по мало боль бывало. Мене є лѣчио полковный берберинъ, єрь у тврдинѣи другогъ лѣкара не быаше, и, хвала Богу, добро ме є видао. Младость и природа ускорише мое оздравлѣнѣ. Сва породица команданта старала се за мене. Марія Ивановна нѣ одъ мене одлазила. Разумѣва се да самъ при првой удобной прилици осѣнаня моя нѣой изявио, и Марія є трпѣливо саслушала мене. Она безъ свакогъ притворста каза ми да ме воли, и къ томе іошть дода да ће се и родители нѣни срећи нѣной радовати. „Но промысли се, красото моя“ — рече она; „да ли се неће твои родители томе противити!“

Я се замислимъ. О нѣжности материной я се сумняю нисамъ, но познаваюћи нравъ и начинъ мышлѣня отчиногъ, осећаю самъ, да га любовь моя тронуту неће, и да ће онъ јоу сматрати као слабостъ младогъ човѣка. Я то Маріи Ивановной чисто-срдечно исповѣдимъ, и научимъ съ найумилнѣомъ краснорѣчивости писати отцу и искати одъ нѣга родительска благослова. Я покажемъ писмо Маріи Ивановной, и она га нађе тако убѣдительно и трогательно, да ни сумняла нѣ о успѣху нѣговомъ, и преда се чувствима нѣжногъ срца са свымъ поузданѣмъ младости и любви.

Са Швабриномъ се помиримъ првы дана, кадъ самъ оздравію. Иванъ Кузмиѣ, укораваюћи ме за удвой, рече ми: „Есть, Петре Андріевичъ, требало бы да самъ те затворию, но ты си и безъ тога казнѣнъ. Алекса Иваниѣ затворенъ е у магазину о хлѣбу и води, и маѣ е нѣговъ на сахранѣ кодъ Василисе Ёгоровне. Нека га нека трпи, да бы се покаяо.“ — Я самъ себе среѣннымъ осећаю, што самъ сачуваю у срцу чувство не покварено. Станемъ за Швабрина молити, и добрый командантъ се са своіомъ супругомъ сугласи, и они се рѣше нѣга ослободити. Швабринъ дође къ мени, изясни се да одвеѣтъ жали, што се тако съ нама догодило. Призна да е онъ быо кривъ, и молю ме е да я све забывимъ. Я, будући да одъ природе нисамъ быо злопамтило, опростимъ му искрено и за нашу сваѣу и за рану, кою ми е онъ задао. У клеветѣ нѣговой видію самъ увреду ожалѣненгъ самолюбѣя и одбачене любви, и великодушно извиняваю самъ несреѣногъ мога супарника.

Я брзо оздравимъ, и могао самъ веѣтъ и у мой конакъ преселити се. Съ нестрпѣливости очекиваю самъ одговоръ на послано писмо, ма и да му се нисамъ надаю, и стараю самъ се како ѣу заглушити жалостна моя предчувствования. Василиси Ёгоровной и нѣномъ мужу я јошѣ ништа казаю нисамъ; но да самъ јѣмъ и казаю, не бы јѣто ни найманѣ зачудило. Ни я ни Марія Ивановна одъ нѣи наша чувства сакривали нисмо, и мы смо напредъ веѣтъ увѣрени были, да ће се они сугласити.

Найпосле вѣданпуть у ютру Савельиѣ дође къ мени, држеѣи писмо у руци. Я писмо узмемъ съ трепетомъ. Адресъ е было написанъ рукомъ отца моего. Изъ того самъ видіо да што важно у нѣму написано быти мора, будуѣи е мени обично мати свагда писала, а отаць е само по неколико редака доле подписао. За дуго га распечаѣивао нисамъ, и прочитавао самъ торжественный надписъ: „Сыну моему Петру Андріевиѣу Гриневу, у Оренбуржку губернію у Бѣлогорску тврдиню.“ Я самъ се трудіо по рукопису дознати расположенъ душе, у каквомъ е писмо писано было; найпосле распечатимъ га, и у првима редовима видимъ, да е сва моя любовна надежда осуѣена. Садржай писма было е слѣдуюѣій:

„Сыне мой Петре! Писмо твоє, у комъ си ты одъ насъ родительскій благословъ искао и моліо да се на то сугласимо, да ты Марию Ивановну, кѣерь Миронову, себи испросишъ, добыли смо 15. овога мѣсеца, но не само што ти ни благослова моего, ни сугласія дати не намѣравамъ, но спремамъ се къ теби доѣи, да те за невалялство твоє помети научимъ, не сматраюѣи на твой офицерскій чинъ; будуѣи си доказао да ниси достоянъ мачъ пасати, кои ти е дарованъ да нѣимъ отечество бранишъ, а не да идешъ на удвой съ такимъ разузданикомъ, као што си и ты самъ. Одма ѣу писати Андрію Карловиѣу, и молиѣу га, да те премѣсти изъ Бѣлогорске тврдинѣ ма кудъ даль, гдѣ бы те лудило проѣи могло. Мати твоя чувши о твоѣмъ удвою и да си ранѣнъ, одъ жалости разболи се и садъ лежи. Шта ѣе быти одъ тебе? Молимъ Бога, да се поправишъ, ма да се и не смѣишъ надати нѣговой великой милости. Твой отаць А. Г.“

Читанъ овога писма побудило е у мени разна осеѣаня. Жестока израженя, у коима отаць мой нѣе штедливъ былъ, яко су ме ожалостила. Презиранъ, коимъ се онъ о Маріи Ивановной изясніо, учинило се мени не само не пристойно но и не справедливо. Мысао, да ѣу изъ тврдинѣ Бѣлогорске премѣштенъ быти, мене е ужаснула, но найвеѣма ме е огорчило извѣстіе о болести матере. Срдіо самъ се на Савельиѣа, не

сумняюћи, да є онъ родителъ мое о удвою момъ извѣстію. Ходаюћи горе и доле по моіой узацкой соби, зауставимъ се предъ нѣмъ и речемъ му угрожа-тельно: Заръ ты ниси съ тимъ задоволянъ, што теби благодарити имамъ, што самъ ранѣнъ и што самъ цѣло мѣсець дана близу гроба было, већъ хоћешъ и ма-теръ мою да уморишъ? Савельићъ є было као гро-момъ пораженъ. „За Бога господине!“ — рече онъ готово плачући — „Шта ты то говоришъ? Я уз-рокъ, што си ты ранѣнъ? Богъ види, я самъ тр-чаю, да тебе моима грудима заклонимъ одъ мача А-лексе Иванића! Старость проклета издала ме є. А шта самъ учинію матери твоіой?“ — „Шта си учи-нію? — одговоримъ я. Ко те є молю, да пишешъ и мене обтужишъ? већъ ако си поставлѣнъ кодъ мене за шпіуна? — „Я? я тебе обтужио?“ — одго-вори Савельићъ у сузама. „Господе и царе небесный! Та ето прочитай шта ми пише милостивый господинъ, па ћешъ видети, каква самъ я доношена о теби пи-саю.“ Тада извади изъ цепа письмо, и я прочитаю слѣдуюће:

„Срамъ те буди, матора псино, што ты не па-зећи на мой строгій налогъ, ниси ми явіо о момъ сыну Петру Андрієвићу, и што су ме туђини прину-ђени были извѣстити о нѣговомъ не ваяломъ влада-нію. Заръ ты тако испуњавашъ твою дужность и мою волю? Я ћу тебе, маторога пса, послати да свинѣ пасешъ, за друго и ниси, кадъ си утаю исти-ну и несташлукъ младогъ човѣка. Настоящимъ заповѣдамъ ти, да ми одма пишешъ, да ме извѣ-стишъ о нѣговомъ здравлю, о комъ ми являю да се опоравляти починѣ, на комъ є мѣсту ранѣнъ и є ли се добро нѣгова рана залѣчила.“

Овымъ се очевидно освѣдочи, да є Саве-льићъ было пред-а-многъ правъ и невинъ, и да самъ га я укоромъ и подозрѣванѣмъ моимъ напрасно о-жалостію. Я самъ искаю одъ нѣга опроштенья, но стараць є было не утѣшенъ. „Ето шта самъ доче-као“ — повтори онъ: „ето съ каквомъ милости го-спода моя мене награђую! Я самъ матора псиина, свинарь, и іошть и узрокъ твоє ране! Не, господи-

не Петре Андрієвићу, нисамъ я, но узрокъ е томе проклетый мусъ; онъ е тебе гвозденимъ ражнѣмъ борити се учио, да бы се у прилици одъ зла човѣка одбранити могао. Ето, зашто е мусъ плаћанъ, и нашто су трошени новци!“

Но ко се то потрудио, да отца мога извѣсти о момъ владаню? Ђенералъ? но онъ чини ми се да се о мени ни бринуо није: а Иванъ Кузмићъ није дужанъ было могъ отца о удвою момъ извѣштавати. Я самъ дуго о извѣстителю мыслио. Найпосле подозревао самъ на Швабрина. Онъ е еданъ имао за то узрока, чимъ бы ме изъ тврдинѣ удалить, и са породицомъ команданта раставити могао. Я поћемъ да Маріи Ивановной о свему овомъ јавимъ. Она ме сретне на врати. „Шта е съ вама?“ — рече ми она како ме опази. „Како сте бледи!“ — Свему е край; — одговоримъ я, и дамъ јој отчино писмо. Она одъ страха побледи. Прочитавши, поврати ми писмо дркћућомъ рукомъ и рече дркћућимъ гласомъ: „Види се да ми није суђено Сродници ваши не примаю ме у свою породицу. Буди у свему воля божія! Богъ болѣ зна одъ насъ, шта е за насъ добро. Мы безъ нѣгове воли не можемо ништа. — Петре Андрієвићу, будите вы баремъ срећни.“ То быти не могу! — викнемъ я, узевши е за руку; ты мене любишь, я самъ на све готовъ. Айдемо, паднимо предъ ноги твои родителя, они су люди прости, они нису ватрени горделивци Они ће насъ благословити мы ћемо се вѣнчати а тамо, съ временомъ, я самъ увѣренъ, мы ћемо умолити отца мога, мати ће молити за насъ; онъ ће мени опростити „Не, Петре Андрієвићу“ — одговори Маша — „я безъ благослова твои родителя за тебе поћи нећу. Безъ благослова нѣинога ты среће имати нећешъ. Покоримо се воли божіей. Кадъ наћешъ твою сућеницу, кадъ се у другу залюбишь — Богъ съ тобомъ, Петре Андрієвићу; а я ћу за васъ обоє“ Ту се она заплаче и оде одъ мене, я самъ хтѣо за нѣомъ у собу ући, но осећао самъ, да нисамъ у станю было самъ собомъ владати, и вратимъ се кући.

Я самъ сѣдіо погруженъ у дубокомъ очаянью, но Савельиѣ наѣданпутъ прекине моя размышляваня. „Ето господине“ — рече онъ, даваюѣи ми написаный листь артіе; — „види, есамъ ли я обтужитель свога господина, и трудимъ ли се посваѣати отца са сыномъ.“ Узмемъ артію изъ руку нѣговы, то е было нѣговъ одговоръ, и ево га одъ слова до слова:

„Господине Андрія Петровиѣу, отче нашъ милостивый!

„Милостиво ваше писмо прямио самъ, у комъ сте се изволѣли на мене, роба вашеѣ, срдити, да я на срамоту мою заповѣсти господске не испунывамъ: — а я, не матора псина, я самъ вѣрный слуга вашъ, господске самъ налоге испунывао, и усрдно служіо самъ свагда, и сѣде самъ власи у служби кодъ васъ доживіо. Я о рани Петра Андріевиѣа ништа вамъ писао нисамъ, зато, да васъ не бы гласомъ овымъ напрасно ожалостіо, као што е госпоѣа, мати наша Авдота Василѣвна, разболѣла се, и я ѣу се за здравлѣ нѣно Богу молити. А Петаръ Андріевиѣ ранѣнъ е подъ десно плеѣе, подъ саму кость, у дубльини едноѣ и пол' палца, и лежао е у куѣи комайданта, гдѣ смо га мы съ брега донели, и лѣчіо га е овдашній берберинъ Стѣланъ Парамовиѣ: и садъ е Петаръ Андріевиѣ, хвала Богу, здоровъ, и о нѣму ништа вамъ зло писати немамъ. Командантъ, видимъ, да е съ нѣимъ задоволянъ, а Василиса Ёгоровна сматра га као роѣеноѣ сына. А што се съ нѣимъ тай случай догодіо, то онъ, као младиѣ, укора не заслужуе: конъ има четири ноги, па опетъ посрне. А вы сте изволѣли писати, да ѣете ме послати да свинѣ пасемъ, и та ваша господска воля нека буде. После овоѣ кланямъ се робски.

Вѣрный робъ вашъ

Архиѣ Савельиѣ. “

Читаюѣи писмо доброга старца, нисамъ могао задржати се, да се неколико путіѣ не насмѣемъ. Одговорити отцу я нисамъ было у станіо, а да бы се успокоила мати, писмо Савельиѣа мени се учини да е довольно.

Одъ тога часа станѣ се мое промѣни. Марія Ивановна редко е са мною говорила, и свакояко избѣгавала ме е. Кућа командантова постала ми е равнодушна. Мало по мало научимъ се кодъ куће у самоћи сѣдити. Василиса Ђгоровна съ почетка за то ме е укоравала; но видећи мое упорство остави ме на миру. Съ Иваномъ Кузмићемъ виђао самъ се само онда, кадъ е служба изискивала. Са Швабриномъ сретао самъ се редко, и не съ вольомъ, тимъ више, што самъ примѣчавао у нѣму сакривену злобу, кое ме е у момъ подозрѣваню утврђавало. Животъ мой учини ми се не сносанъ, паднемъ у мрачно очаянѣ, кое су самоћа и безпосленость подранъивале. Любавъ се моя распальивала у самоћи, и одъ часа на часъ све ми се већма теготно учини. Я изгубимъ волю къ читаню и кнѣжежности. Душа ми моя клоне. Я самъ се бояо, да ѣу или съ ума сиѣи или у распустный животъ ступити. Не очекивани догађаи, кои су на цѣлый животъ мой великій упливъ имали, учине у души мојој сильный и благій потрясъ.

Г л а в а VI.

Пугачевщина.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывать.

Пѣснь.

Пре него што къ описиваню чудны догаѣая, кои су се са мноми и пред-а-мноми сбыли, приступимъ, дужанъ самъ казати неколико рѣчій о положаю, у комъ се съ концемъ 1773. године губернія Оренбуржка налазила.

У овой пространой и богатой губерніи живило є много полудивльи народа, кои су пре краткогъ времени признали владу руски царева. Ныне честе побуне, и метежи, непознаванѣ закона и граѣанскогъ живота, лакомысленость и жестокость принудила су правительство, да є морало увѣкъ на нѣи пазити и старати се, како ће їй у покорности задржати. Тврдинѣ се саграде по мѣстима, коя су зато удобна была, у кое по веѣой чести козаке, давнашнѣ обитателѣ яицки брегова, населе. Но яицки козаци, кои су дужни были миръ и безопасность предѣла овогъ чувати, одъ некогъ времена постали су сами за правительство не мирни и опасни поданици. Године 1772. направе они у главномъ граду буну. Причина ове была є строгость ѣенерал-маіора Траубенберга, кои є войнике, да бы їй у дужной покорности задржати могао, врло строго држао. Слѣдствомъ ове буне Траубенбергъ є на варварскій начинъ убієнъ, своевольна промѣна учини се у управляю, и наипосле умври се буна картачима и строгомъ казни.

То се случило на неко време предъ моимъ до-
лазкомъ у тврдиню Бѣлогорску. Све є већъ было
мирно, или мыслило се да є тако; власть є све на
лако узимала и вѣровала є мнимомъ раскаяню лукавы
бунтовника, кои су у потаи злобили, и за поновлѣнѣ
безпоредка удобну само прилику очекивали.

Обраћамъ се къ моіой повѣсти.

Бданпутъ у вече (то є было у почетку Октобра
1773. године) сѣдио самъ кодъ куће самъ, слушао самъ
хуку вѣтра и мотрио самъ крозь прозоръ на облакъ
мимо мѣсеца летећій. Дођу ме звати къ командан-
ту. Я се одма оправимъ. Кодъ команданта наћемъ
Швабрина, Ивана Игнатиѣа и козачкогъ редовника.
У соби не быаше Василсе Ёгоровне, ни Маріє Ива-
новне. Командантъ поздрави се са мномиъ лицемъ
спуштенымъ. Онъ забрави врата, све насъ посади,
осимъ редовника, кои є кодъ врата стаяо, извади ар-
тію изъ цепа и рече намъ: „Господо офицери, важна
новина! Слушайте, шта пише ѣенералъ.“ Затимъ
метне наочари и прочита слѣдуюће:
„Господину команданту тврдинѣ Бѣлогорске, капета-
ну Миронову.“

Тайно.

„Овымъ вамъ даємъ на знанѣ, да є побѣгши ис-
подъ страже донскій козакъ Емелянъ Пугачевъ учи-
ніо не опростителну дрзкость тимъ, што є име по-
койногъ императора Петра III. на себе узео, и ску-
піо айдучку чету, коіомъ прави побуне у яицки-
ма населбинама, и већъ є узео и разоріо неколико твр-
диня, свуда грабећи и палећи. Зато господине капе-
тане, како ово примите, одма нужне наредбе издай-
те, како ћемо поменутогъ злочинца и самозванца
надвладати моћи, а буде ли можно, савршено и уни-
штити га, ако се на тврдиню вама повѣрену у-
стреми.“

„Нужне наредбе издати!“ — рече командантъ
скидаюћи наочари и артию савіаюћи. „Чуй ты, лако
є то казати. Злочинацъ овай, чини ми се, да є силанъ,
а у насъ свега сто тридесетъ момака, не рачунаюћи
козаке, на коє се слабо ослонити можемо, не буди
ово теби на укоръ речено, Максимићу (редовникъ се

насмѣ). Садъ господо офицери! морамо штогодъ радити. Будите спремни, уредите карауле, и ноѣне страже: за случай нападаня, забравляйте врата, а войници нека буду спремни. Ты Максимѣу, пази добро на твое козаке. Топъ прегледайте и добро изчистите. А у осталомъ никомъ не откривайте, да у тврдинѣи о томъ нико пре времена не дозна.“

Издавши ове налоге, Иванъ Кузмиѣ насъ распусти. Я изиѣмъ заедно са Швабриномъ, размышляваюѣи о томе, што смо чули. Шта мыслишь ты, како ѣе се то свршити? — пытао самъ нѣга. „Богъ зна“ — одговори онъ; „видиѣемо. Я ту за сада юшть ништа важно не видимъ. Ако пакъ“ Ту се онъ замысли, и у замыслѣности почне звиздати Француску арію.

Не сматраюѣи на све наше предосторожности, гласъ о появлѣню Пугачева разнео се по свой тврдинѣи. Иванъ Кузмиѣ, ако є и уважавао веома свою супругу, ни зашто на свѣту не бы юѣ тайну одкрію, коя му є службено повѣрена была. Добывши писмо одъ ѣенерала знао є онъ доста вѣштымъ начиномъ Василису Ёгоровну изъ куѣе оправити, казуюѣи юѣ, да є отаць Герасимъ добыю изъ Оренбурга нека чюдна извѣстїя, коя у великой тайности држи. Василиса Ёгоровна одма се у госте попадїи справи, и, по савѣту Ивана Кузмиѣа, поведе собомъ и Машу у друштву, да юѣ самой не бы време было дуго.

Иванъ Кузмиѣ, оставши самъ кодъ куѣе, одма пошлѣ по насъ, а Палашку, да не бы нашъ разговоръ чула. затвори у комарицу.

Кадъ се Василиса Ёгоровна куѣи врати, ништа одъ попадїе не чувши, дозна, да є, у време нѣногъ одсуства, Иванъ Кузмиѣ у куѣи савѣтъ држао, и да є Палашка была затворена. Она се сѣти, да є мужъ ню преварію, и почне га испытивати. Но Иванъ Кузмиѣ приуготовію се быю на то. Онъ се ни мало смутію ніє, и бодро є своіѣй любезной супруги одговорію: „Чуй любезна моя, бабе су наше наумиле у будуѣе пеѣи грїяти сламомъ, а будуѣи да одтуда несреѣа догодити се може, зато самъ строгу заповѣсть издао, да бабе у напредакъ пеѣи сламомъ не грїю, веѣъ пруѣмъ и ганѣвима.“ — А зашто си затворію Па-

лашку? — пытала є капетаница. — Зашто є бѣдна дѣвойка у комарици сѣдити морала, докѣ се мы вратили нисмо? — Иванъ Кузмиѣ на пытанѣ ово нѣ се приуготовіо быо; онѣ се збуни, и нешто не умѣстно одговори. Василиса Ёгоровна увидила є коварство мужа свога: но знаюѣи, да одѣ нѣга ништа дознати неѣе, прекине своя пытаня, и поведе разговорѣ о киселимѣ краставцима, коє є Акулина Памфиловна правила посве некимѣ особитымѣ начиномѣ. Цѣлу ноѣ Василиса Ёгоровна нѣ могла заспати а нѣ се никако могла сѣтити, шта є то было у глави мужа нѣногѣ, што она не ѣбы знати могла.

Другій данѣ, враѣаюѣи се изѣ трапезаріє, смотри она некако Ивана Игнатиѣа, кои ваѣаше изѣ топа крпе, пильке, коштице, и свакояко ѣубре, коє су дѣца у топѣ набацала. „Шта то значе та воєна приуготовлѣня?“ — мыслила є командантовица; „да не очекую нападаня одѣ Кирхизаца? Па зашто бы то одѣ мене Иванъ Кузмиѣ таіо“ Она викне Ивана Игнатиѣа съ тврдомѣ намѣромѣ дознати одѣ нѣга тайну, коя є нѣно женско любопытство мучила.

Василиса Ёгоровна учини му неколико примѣтбій, особито што се домоводства тиче, као судія, кои предѣ собомѣ стоеѣегѣ кривца сасвимѣ о другомѣ предмету пытати починѣ, да бы га тимѣ на одговоре предосторожніимѣ учиніо. После поѣути неколико минута, изѣ дубока уздане и вртеѣи главомѣ рече: „Господи Боже мой! какве су то новости! Шта ѣе изѣ тога быти?“

— Госпоѣо! — одговори Иванъ Игнатиѣѣ. Богѣ є милостивѣ; у насѣ є доста войника, барута много, я самѣ топѣ изчистіо. Лако ѣемо одпорѣ Пугачеву дати. Богѣ неѣе дати, да насѣ свиня прождере!

„А какавѣ є то човѣкѣ тай Пугачевѣ?“ — пытала є командантовица.

Сада Иванъ Игнатиѣѣ примѣти, да є тайну одкріо, и метне єзыкѣ меѣѣ зубе. Но веѣѣ є было доцне. Василиса Ёгоровна принуди га да іой све искаже, обеѣаваюѣи се да о томѣ никомѣ другомѣ ни слова казати неѣе.

Василиса Ёгоровна одржала є свое обеѣанѣ и никоме ни рѣчи казала нѣе, осимѣ попадіи, и то са-

мо зато, што є крава нѣна іоштѣ у полѣ ишла, и што су є лако злочинци отерати могли.

Скоро се већ свуда по тврдинѣ о Пугачеву говорило, само различно. Командантъ пошлѣ редовника съ налогомъ, да све у наоколо населбине и тврдинѣ обиђе, и све добро промотри. Редовникъ врати се после два дана и яви, да є у пустинѣ, одъ прилике на шестдесетъ врстѣй удалѣной, на много мѣста ватру видіо, и чуо одъ Башкираца, да иде велика сила. Више нїе могао ништа извѣстно казати, будући да далѣ ићи нїе смѣо.

У тврдинѣ међу козацима учини се не обичный покретъ: они су се по свима улицама у гомиле скупляли, полагаю разговарали, и кадъ су драгона или гарнизонскогъ войника видели, разилазили се. Они су о свему извѣштени были. Юлай, покрштеный Калмукъ, о свему извѣсти команданта. Извѣстія редовника, команданту донешена, по рѣчма Юлая, была су лажлива; по повратку свомъ, лукавый овай козакъ объявіо є своимъ другарима, да є было у бунтовничкомъ стану предъ самымъ нѣинымъ предводителемъ, да га є овай къ себи пустіо и дуго се съ нѣимъ разговарао. Командантъ безъ оклеваня стави редовника подъ стражу а Юлая на мѣсто нѣгово постави. Новость ова примѣна є была кодъ козака съ явнымъ негодованѣмъ. Они су у гласъ роптали, и Иванъ Игнатиѣ, кой є наредбу команданта испунио, слушао є своимъ ушима, како су они говорили: „Видиѣшъ како ѣеши и ты проѣи, гарнизонскій пацове!“ Командантъ є мысліо, да у тай данъ испыта свога апсеника; но редовникъ є исподъ страже утекао, безъ сумнѣ помоѣи свои единомысленика.

Новый случай умножи безпокойство команданта. Башкирца єдногъ ухвате, и кодъ нѣга наѣу побунителна писма. Приликомъ овомъ командантъ мысліо є опетъ свое офицере сазвати, и зато є опетъ хотѣо удалити Василису Ёгоровну подъ лѣпымъ изговоромъ. Но будући є Иванъ Кузмиѣ было човѣкъ сасвимъ простодушанъ и праведанъ, зато и не могаше другогъ начина измыслити, осимъ оногъ, кой є већ єданпутъ употребіо было.

„Чуешъ ты Василисо Ёгоровна,“ — рече онъ покашлюючи. „Отацъ Герасимъ добыю е, говоре, изъ града“ — Да, да, Иване Кузмићу, — уће му у рѣчь командантовица; ты хоћешъ опетъ да купишь савѣтъ, да се о Емилянѣ Пугачевѣ безъ мене савѣтуете; но нећешъ ме садъ преварити.“ — „Иванъ Кузмићъ избежи очи. „Но, любезна“ рече онъ, — „кадъ ты већъ све знашь, то ћемо се мы и предъ тобомъ савѣтовати.“ — Тако, тако, любезный мой — одговори она: похити, пошлѣи по офицере.

Мы се скупимо опетъ. Иванъ Кузмићъ у присуству свое жене прочита нама позиванъ Пугачева, писано некимъ самоукиимъ козакомъ. Разбойникъ явля, да безъ одлаганя намѣрава на нашу тврдиню ударити, позива козаке и войнике у свою чету, а заповѣднике увѣштава, да се не противе, грозећи їмъ казни у противномъ случаю. Позывъ быо е написанъ грубима, но силнима израженїима, и могао е произвести опасно упечатлѣнїе на умове просты людїй.

„Какавъ е то нитковъ!“ — викне командантовица. „Како онъ сме їошть нама предлагати: да предъ нѣга изићемо, и заставе предъ нѣгове ноге да положимо! О, сынъ е онъ пасїи! Та заръ не зна да смо мы одъ четрдесетъ година у служби и да смо се свашта, хвала Богу, нагледали? Да ли се їошть налази и таки заповѣдника, кои ће разбойника послушати?“

— Мыслимъ, да се не налази, — одговори Иванъ Кузмићъ. Но чуе се, да е зликованъ већъ многе тврдинѣ освоїо.

„То е знакъ, да се онъ осилїо“ — примѣти Швабринъ.

— Садъ ћемо се одма о нѣговой сили извѣстити — рече командантъ. — Василисо Ёгоровна, дай ми ключъ одъ амбара. Иване Игнатићу, доведи Башкирца, и кажи Юлаю да донесе овамо камцію.

„Почекай, Иване Кузмићу“ — рече командантовица, съ мѣста уставши. „Склони Машу ма кудъ найпре изъ куће, зашто она кадъ чуе яукъ, уплашиће се. А право да кажемъ, и я башъ то радо не слушаю. Съ Богомъ остайте.“

Испыть съ помоћи камціе у судилиштима тако е было у старо време уобичаєнь, да е, кадъ га е благодатный указъ уништио, дуго време безъ свакогъ дѣйства остаяо. Мыслили су, да е необходимо потребно было за обличєнь преступника, да самъ призна — мысао не само не основана, но шта више сасвимъ противна здравоме юридичноме смыслу: зашто, ако се одрицанъ подъ судомъ стоеѣга не прима за доказателство нѣгове невиности, то и признанъ нѣгово тимъ ѣе манъ доказательствомъ быти нѣгове повиности. И данасъ іошть кадкадъ слушаемъ одъ стары судія, гдѣ жале што се овай варварскій обичай уништио. У наше іошть време нико се о томъ сумняо нїе, ни судїе, ни суѣеници, да се достаточанъ испытъ безъ камціе учинити може. И тако налогъ команданта некога одъ насъ нїе у удивлѣнь и трепеть довео. Иванъ Игнатиѣ оде по Башкирца, кои е кодъ команданта у амбару подъ затворомъ было, и за неколико минута невольника доведу у предсобіцу. Командантъ заповѣди да га пусте предъ нѣга.

Башкирацъ едва преко прага прекорачи (онъ е было у кладама) и скинувши високу свою капу, стане кодъ врата. Я погледимъ на нѣга и сprozимъ се. Никада тога човѣка заборавити неѣу. Онъ е могао имати око седамдесеть година. У нѣга не быяше ни носа ни ушїю. Глава му е была обріяна, у мѣсто браде имаѣаше само неколико сѣды длака; онъ е было малєнь, мршавъ и грбавъ; но мале очи нѣгове іошть су као ватра сѣвале. „Аха!“ рече комадантъ; познавши по страшнимъ нѣговимъ билѣгама єдногъ одъ бунтовника, 1741. године казнѣногъ. „Та ты си старый вукъ, было си веѣѣ еданпутъ у нашемъ кавезу. Види се, да не бунтуєшъ сада првый путъ, кадъ ти е та луда глава тако жигосана. Доѣи ближе; говори, ко те е послао?“

Старый Башкирацъ ѣутао е и гледао у командта као каква будала. „Шта ѣутишъ?“ продужи Иванъ Кузмиѣ; „или будало не разумѣшъ руски? Юлає, запытай га вашимъ єзыкомъ, ко га е послао у нашу тврдию?“

Юлай повтори на татарскомъ єзыку пытанъ Ивана Кузмиѣ; но Башкирацъ погледао е у нѣга

съ тимъ истымъ изражаємъ и ни слова не одговори.

„Садъ ћешъ,“ рече командантъ, „ты проговори. Дѣцѣ! скините съ нѣга ту одрпаницу, и протрите му мало леѣа. Гледай Юлає, добро на нѣга!“

Два инвалида почну съ Башкирца свлачити халѣине. Лице несрећника виѣаше се смућено. Онъ погледаше на све стране, као дивіе звѣрче, кадъ дѣци у руке доѣе. Кадъ еданъ одъ инвалида узме нѣга за руке и метне ѣ себи око врата, дигне га на своя плеѣа, а Юлай узме камцію и замане: тада бѣдный Башкирацъ уздане слабымъ и молећимъ гласомъ, и гибаюћи главомъ отвори уста, у којима у мѣсто языка мицаше се само кратка одрубина.

Кадъ се сѣтимъ, да се то у вѣку момъ догодило, и да самъ како у томъ, тако и у свакомъ другомъ призрѣнію велику промѣну подъ благимъ императоромъ Александромъ доживію, морамъ се дивити брзомъ успѣху човѣческе просвѣте, и распространѣнію правила човѣколюбля. Младый човѣче! ако записци ови мои у твоє руке доѣу, признай да су најболѣ и најпробытачнѣе измѣне у роду човѣческомъ, коє происходе одъ побольшаня людске нарави, безъ сваки насилны потряса.

Сви будемо поражени. „Но“ — рече командантъ, „мы одъ овогъ ништа дознати не можемо. Юлає, одведи га опетъ у амбаръ. А мы, господо, коє о чему іошть да се посавѣтуємо.“

Мы станемо о нашемъ положаію разсуѣавати, у томъ Василиса Ёгоровна, задувана и уплашена, уѣе у собу.

„Шта се съ тобомъ збыло?“ запыта командантъ.

— Зло! — одговори Василиса Ёгоровна. Нижнеозерная ютрось в узета. Слуга отца Герасима овай чась вратіо се одтудъ. Онъ в видію, кадъ су в узели. Командантъ и сви офицери тамо су обѣшени. Сви су войници зароблѣни. Гледай, кои чась злочинци ѣе быти и овдѣ.

Не очекиванный овай гласъ силно в мене поразію. Командантъ нижнеозерске тврдинѣ, миранъ и скроманъ, младъ човѣкъ, быо в мени познать; пре два мѣ-

сеца дана ишавши изъ Оренбурга са своіомъ младомъ женомъ, свратіо се къ Ивану Кузмићу. Нижне-озерная одстаяла е одъ наше тврдинѣ двадесетъ и петъ врстій. Одъ часа на часъ и мы смо Пугачева очекивати морали. Судбу Маріе Ивановне живо самъ себи представляю, срце е у мени ређе куцало.

Слушайте, Иване Кузмићу! — речемъ я команданту. До последнѣгъ издисая мы смо дужни тврдиню бранити; о томъ не треба ништа ни говорити. Но мы треба да се и о безопасности женски лица постарамо. Оправите ій у Оренбургъ, ако се іошть може, или кудъ далѣ, у болю и ячу тврдиню, куда неће злочинци моћи продрети.

Иванъ Кузмићъ окрене се къ своіой жени и рече іой: „Шта велишъ любезна, бы ли добро было, да васъ мало по далѣ оправимъ, докъ мы овдѣ съ бунтовницама воюємо?“

— Погодіо си! — А гдѣ е такова тврдиня, у кою ѣулета не бы улетала? Зашто намъ е Бѣлогорска опасна? Хвала Богу! двадесетъ и двѣ године поживили смо у нѣой, видели смо и Башкирце и Кирхисце! А сада ћемо и Пугачеву одпоръ дати!

„Добро, любезна“, повтори Иванъ Кузмићъ; „ты остай, кадъ се у тврдиню нашу уздашъ. Но шта ћемо съ Машомъ? Добро ће бити ако одпоръ дамо и непріятеля одбіємо: но ако злочонци узму тврдиню?“

— Онда Ту Василиса Ёгоровна у највећемъ трепету ућути.

„Не Василисо Ёгоровна,“ продужи комадантъ примѣчавајући, да су рѣчи нѣгове нешто на ню дѣйствовале, може бити садъ првый пруть у нѣговомъ животу. „Маша овдѣ остати не може. Пошљимо е у Оренбургъ къ куми нѣной; тамо има и войника и топова доста, а и бедеми су одъ камена. А и тебе бы савѣтовао да съ нѣомъ идешъ. Истина да си ты годинама стара, но промысли се, шта ће бити съ тобомъ, ако на јуришъ тврдиню узму.“

— Добро, — рече командантовица — нека буде тако, Маша нека иде; а мене не моли и не саняй о томъ, да ћу те оставити. Я се подъ старостъ съ тобомъ ра-

стати нећу, нити ћу у туђој земљи гробъ себи тражити. Овдѣ самъ живила, овдѣ ћу и умрети.

„Е добро,“ рече командантъ. „Садъ намъ ништа дакле не треба одлагати. Иди оправляй Машу. У јутру, чимъ се зора укаже, оправимо е на путъ, даћемо јој да е одпрате неколико наоружаны людій, ма да е у насъ и мало войника. Гдѣ е Маша?“

— Кодъ Акулине Памфиловне, — одговори командантовица. Нѣой се позлило, кадъ е чула да е узета Нижнеозерная; боимъ се, да ће се разболѣти. Господи Боже шта мы дочекасмо!

Василиса Ђгоровна оде да спрема на путъ кћерь свою. Разговоръ се кодъ команданта продужи; но я ее у тай већъ мѣшао нисамъ, нити самъ шта слушао, Марія Ивановна покаже се на ужини, бледа и исплакана. Мы смо ужинали ћутећи, и устанемо иза трапезе пре обичая, опростимо се съ цѣломъ породицомъ, и кућама разићемо. Но я хотимице заборавимъ мой мачъ, вратимъ се по нѣга и осећао самъ да ћу Марию Ивановну саму наћи. Тако е и было. Она сретне мене на врати, и преда ми мачъ. „Опростите Петре Андриѣвићу“ рече она у сузама; „мене шило у Оренбургъ. Будите живи и срећни; може бити, да ћемо се, ако божія воля буде, мы јоштъ надгодъ састати; а ако не“... Ту се она гласно заплаче. Я е загрлимъ. — Опрости анђеле мой — речемъ я — опрости, мила моя. желѣо моя; ма се шта са мною збыло, вѣруй, да ће последня моя мысао и последня моя молитва о теби бити. Падши мени на груди, плакала е. Я е съ жаромъ полюбимъ и брзо изъ себе изићемъ.

Глава VII.

Юришъ.

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Равно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И не рангу себѣ высокаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладнику кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народна пѣсма.

Я ту ноћъ нити самъ спавао, нити самъ се свла-
чю. Я самъ се спреміо быо, да се у зору наѣмъ
на градской капи, крозь кою е Марія Ивановна про-
ѣи имала, и тамо да се съ нбомъ опростимъ последний
путь. Я чувствова у себи велику промѣну; душа моя
колебаше се садъ веѣма него икада. Я самъ се рас-
танка плашіо, но осеѣао самъ неку сладку надежду;
грозіо самъ се на опасности, но осеѣао самъ у себи
неко благородно честолюбѣ. — Я препашемъ мачъ
и хтѣдо веѣъ изъ куѣе изиѣи, моя се врата отворе,
капларъ уѣе у собу и яви ми, да су наши козаци
ноћу сви изъ тврдинѣ изишли, узевши на силу со-
бомъ и Юлая, и да око тврдинѣ не познати люди обтр-
чаваю. Мысао, да Марія Ивановна неѣе моѣи избѣ-
ѣи, уплаши ме; я на брзу руку каплару издамъ неке
заповѣсти, и одна къ команданту похитимъ.

Већъ е свитало. Я самъ трчао по улици, но чу-
виъ да ме вичу. Станемъ. „Куда ћете вы?“ рече И-
ванъ Игнатићъ, трчећи за мномиъ. „Пугачъ е дошао.“
— Ели отишла Марія Ивановна? — запытамъ я са дрк-
ћућимъ срдцемъ. — „Ніе“ — одговори Иванъ Игна-
тићъ: „путъ е у Оренбургъ заузетъ, тврдиня е обсъ-
днута. Зло е, Петре Андрієвићу!“

Мы поћемо на бедеме, самомъ природомъ узвы-
шене и палисадима укрѣплѣне. Тамо се већъ ску-
пляху сви жители тврдинѣ. Гарнизонъ е стаяо подъ
оружѣмъ. Топъ е био напунѣнъ. Командантъ е о-
билазио свою малобройну войску. Предстоећа опас-
ность одушевлявала е старога войника бодрости не-
обычномъ. По пустинѣ, у не далекомъ одъ тврди-
нѣ одстаяню, ишло е око двадесетъ людѣй. Они бы-
яху козаци, но међу нѣма налазаше се и Башкира-
ца, кои се лако по своима рисовимъ капама, и по
кожусима распознати могоше. Командантъ обилазећи
свою войску, говорио е войницима: „Но, дѣцо, бори-
мо се данасъ за майку государню, и покажимо цѣ-
ломъ свѣту, да смо мы люди поштени и вѣрни!“ Вой-
ници у гласъ изаве свое усрдіе. Швабринъ е стаяо
покрай мене и непрестано гледао на непріятеля.
Людѣ, идући по пустинѣ, примѣтивши кретанѣ у
тврдинѣ, скупѣ се у гомилу, и почну се међу со-
бомъ савѣтовати. Командантъ заповѣди Ивану Игна-
тићу, да управѣ топъ на гомилу нѣмъ, и самъ га
подпали. Ђуле зазвижди и преко нѣхъ прелети, не
учинивши нѣма никаква вреда. Они се таи часъ ис-
предъ наши очію разбѣгну, и пустиня остане празна.

Тада се покаже на бедему Василиса Егоровна
и съ нѣомъ Маша, не хотѣвша безъ нѣхъ остати. „Но,
шта е?“ рече командантовица. „Како иде баталія?
Гдѣ е непріятель?“ — Непріятель ніе далеко, — од-
говори Иванъ Кузмићъ. — Даће Богъ, све ће бы-
ти добро. Шта, Машо, ты се страшишь? — „Не
страшимъ се, татице,“ — одговори Марія Ивановна;
„кодъ куће кадъ самъ сама, већма ме е страхъ.“ Та-
да погледи на мене, и съ умиляванѣмъ насмѣши се. Я
силомъ стиснемъ балчакъ мога мача, опоминюћи се да
самъ га синоѣ добыо изъ нѣне руке, као на зашти-
ту мое любезне. Срдце е у мени горѣло. Я самъ

желіо доказати, да самъ достоянъ было нѣного повѣреня, и съ нестрпльivosti очекивао самъ рѣшително тренуће.

У то време иза горе, налазеће се пол' врсте одъ тврдинѣ, укажу се нове на конѣима гомиле, и пустина брзо напуни се множиномъ людій, наоружаны копляма и стрѣлама. Међу њима на бѣломъ коню яшио є човѣкъ у богатомъ одѣлу, съ голомъ сабљомъ у руци; то є было самъ Пугачевъ. Онъ стане, нѣга обколе, и као што се виђаше, по нѣговой заповѣсти четири човѣка оддѣле се и у найвећемъ трку подъ саму тврдиню дођу. Мы у њима познамо наше издаице. Еданъ одъ њи држао є надъ капомъ листъ артиє, у другогъ на коплю была є натакнута глава Юлая, кою скинувши, баци є къ нама. Глава несрећного Калмука падне предъ ноге команданта. Издаице викали су: „Не пуцайте, изилазите на полѣ къ господару. Господаръ є овдѣ!“

„Даћу я вама!“ викне Иванъ Кузмићъ. „Дѣцо! пуцайте,“ войници пукну. Козакъ, што є држао писмо, залюля се и падне съ коня, други побѣгну на трагъ. Я погледимъ на Марию Ивановну. Поражена видећи крвавую главу Юлая, оглуноута пуцнявомъ, виђаше се као безъ памети. Командантъ зовне каплара и заповѣди му, да донесе листъ изъ руку убіеногъ козака. Капларъ изиђе у полѣ и врати се, еодећи за узду коня убіеногъ козака. Онъ преда писмо команданту. Иванъ Кузмићъ прочита га у себи и после на парчадъ издере. Бунтовници међутимъ све се већма за битку спремаху. Наскоро почну ђуладъ око наши ушю звиздати, и неколико стрѣла забоду се около насъ у землю и у палисаде. „Василисо Егоровна!“ — рече командантъ. „Овдѣ бабе немаю посла; склони Машу, видишъ, дѣвойка є ни жива ни мртва.“

Василиса Егоровна, уплашена одъ долећући ђулета, погледи у пустиню, на коіой се све веће кретанѣ виђаше; после окрене се къ мужу и рече му: „Иване Кузмићу, у божіой є власти и животъ и смрть: благослови Машу, Машо приступи къ отцу.“

Маша, бледа и дрићући, дође къ Ивану Кузмићу; падне предъ нѣмъ на колѣна и до землѣ поклонил се. Старый командантъ прекрсти в трипутъ; после дигне, и полюбивши в рече съ промѣнѣнымъ гласомъ: „Машо, буди благословена. Моли се Богу: онъ тебе оставити неће. Ако се нађе добаръ човѣкъ, дао вамъ Богъ любовь за савѣтъ. Живите, као што смо мы живили съ Василисомъ Ёгоровномъ. Но, прости, Машо. Василисо Ёгоровна, одведи в што скорѣ.“ (Маша му падне на груди и заплаче се.) — Полюбимо се и мы, рече плачући, командантовица. Опрости, мой Иване Кузмићу. Опрости ми, ако самъ те у чему увредила. — „Опрости, опрости, любезна!“ рече командантъ, загрливши свою супругу. „Но, доста! Идите, идите кући, и кадъ одете, обуци Машу у сарафанъ (дугачка проста женска халѣина). — Командантовица съ кѣри удали се. Я погледимъ за Маріомъ Ивановномъ, она се осврне и мане на мене главомъ. Тада се Иванъ Кузмићъ окрене къ нама, и сва пажня нѣгова устремил се на непріятеля. Бунтовници стрче се око своего предводителя, и одма се почну съ коня силазити. „Сада стойте твердо“, рече командантъ; „садъ ће на юришъ“ У исто магновенѣ разлегне се страшанъ крикъ и вика, бунтовници потрче къ тврдинѣ. Топъ нашъ напунѣнъ в быо картачемъ. Командантъ ий пусти да се приближе, и опетъ опали. Картачъ падне у средину гомиле. Бунтовници раздвоѣ се на обѣ стране и разиђу. Предводитель нѣинъ остане самъ напредъ Онъ замане сабљомъ, и чиняше се да ий съ жаромъ поощтраваше Крикъ и вика преставша за време, тай часъ съ нова обнови се. „Но дѣцо“, рече командантъ. „отвораите врата, удрите у бубанъ. Дѣцо! напредъ, на потайна врата, за мномя.“

Командантъ, Иванъ Игнатићъ и я за часъ будемо иза бедема тврдинѣ; но уплашенный гарнизонъ съ мѣста не покрене се. „Шта вы, дѣцо, стоите?“ викне Иванъ Кузмићъ. „Умрети, у битки умрети, дужность в войника!“ У то магновенѣ бунтовници на насъ насрну и у тврдиню увуку се. Бубанъ уђути, гарнизонъ баци оружѣ, мене свале на землю, но я устанемъ и одма съ бунтовницима у тврдиню уђемъ.

Командантъ ранѣнъ у главу, стаяо в меѣу зликовцима, кои су одъ нѣга ключеве искали. Я му притрчимъ у помоѣ, неколицина козака ухвате ме и поясемъ вежу, преговараюѣи ми: „Сада ће бити вама господаревымъ непослушницима!“ Насъ су турали по улицама; жители су изилазили изъ куѣа съ хлѣбомъ и соли. Гласъ звона са звоника чуо се. У то видну изъ гомиле, дагосподаръ на пѣяци чека и ту зароблѣнике и роблѣ прима. Народъ поѣе къ пѣяци насъ потераю тамо.

Пугачевъ е сѣдио на столици у ходнику командантова дома. На нѣму е было лѣпъ козачкѣй кафтанъ, обшивенъ златнымъ широкимъ портомъ. Високъ одъ самура калпакъ са златнима ресама было му е натученъ на нѣгове зверкаюѣе очи. Лице нѣгово учини се мени познато. Козачке старѣшине нѣга су окружавале. Отаць Герасимъ, бледъ и дркѣуѣи, стаяо е у ходнику съ крстомъ у рукама, и виѣаше се, да га е за предстоѣѣе жертве ѣутеѣи молио. На пѣяци саграде брзо вѣшала. Кадъ се мы приближили, Башкирци растураю народъ, и насъ предъ Пугачева доведу. Гласъ звона на звоннику уѣути, наступи глува тишина. „Ко е командантъ?“ запыта самозванаць. Нашъ редовникъ изиѣе изъ народа, и покаже Ивана Кузмиѣа. Пугачевъ грозно погледи на старца и рече му: „Како си се ты смѣо мени, твоему господару, противити?“ Командантъ изнемогавши одъ ране, скупилъ последнѣ силе, и одговори постояннымъ гласомъ: „Ты ниси мой господаръ, ты си айдукъ и самозванаць, чуй!“ Пугачевъ намргоди се и мане бѣломъ марамомъ. Неколько козака узму старогъ капетана и однесу къ вѣшалима. На овима, на пречаги горе виѣаше се: нагрѣеный безчувственный Башкираць, кога смо мы пре єдногъ дана испытывали. Онъ е држао у рукама уже и за єданъ минутъ видимъ я бѣдногъ Ивана Кузмиѣа подигнута у воздухъ. За нѣимъ приведу къ Пугачеву Ивана Игнатиѣа. „Закуни се,“ рече нѣму Пугачевъ, „господару Петру Теодоровиѣу!“ — „Ты ниси нашъ господаръ“ — одговори Иванъ Игнатиѣъ, повторяюѣи рѣчи капетана свогъ. — „Ты си айдукъ и самозванаць.“ Пугачевъ опетъ мане марамомъ и добрый поручикъ ви-

саше покрай свога старогъ начелника.

Редъ е было на мене. Я самъ гледао смѣло на Пугачева, приправляюћи се повторити одговоръ великодушны мой другара. Но я на не описану мою смутню видимъ, у средини бунтовнички старѣшина, Швабрина съ подсѣченомъ у наоколо косомъ у козачкомъ кафтану. Онъ се приближи къ Пугачеву, и каза му неколико рѣчій на уво. „Вѣшайте га“, рече Пугачевъ и не погледавши на мене. Я почнемъ читати молитву у себи, приносећи Богу искрено каянѣ за све мое грѣхе, и молећи га за спасенѣ свою, кои су близу срдца моего. Мене одтураю подъ вѣшала. „Не бой се, не бой се,“ повторявали су мени губители, може быти и заиста желећи мене охрабрити. У то чуемъ я вику: „Причекайте несрећници! о-проштено му е!“ Губители стану. Гледимъ: Савельиѣ клечи предъ ногама Пугачева. „Отче роѣный!“ говоріо е бѣдный стараць. „Зашто боярско дѣте да убіеши? Одпусти га, ты ѣеши се за нѣга добро наплатити, а за примѣръ и страву другима заповѣди, да мене старца обѣсе!“ Пугачевъ даде знакъ, и съ мене тай часъ скину уже и одпuste ме. „Бабушка нашъ сміловао се на тебе,“ говораху мени. У томъ магновенію не могу казати да самъ се избавлѣню моме обрадовао, но не могу ни казати да самъ сажалѣвао о нѣму. Чувствования моя была су сасвимъ смущена. Мене на ново приведу къ самозванцу и ставе ме предъ нѣмъ на колѣна. Пугачевъ пружи ми свою жиласту руку. „Полюби руку, полюби руку!“ говорили су око мене. Но я самъ волю и найлюбу казанѣ претрипити, него ли овако подло понизити се. „Бабушко Петре Андрієвићу!“ шаптао е Савельиѣ, стоѣћи за мною и гураюћи ме. „Немой быти упоранъ! Шта те то стае? плюни па полюби злик . . . - (пфуй) полюби га у руку.“ Я се не макнемъ. Пугачевъ спусти руку рекавши смѣюћи се: „Нѣгово благородіе можда е одъ радости полудило. Дигните га.“ Мене дигну и оставе слободна. Я самъ гледао на продуженѣ ужасне комедіе.

Жители се почну заклиняти. Они су долазили еданъ по еданъ, цѣливали су крстъ и кланяли се самозванцу. Ту су стояли и гарнизонски войници. Военый кроачъ, држећи у руцѣ тупе свое маказе,

подрезивао їмъ в косе. Они се отресаше и одлазише къ руци Пугачева, онъ їмъ опрашташе и примаше їй у свою чету. Све в то одъ прилике за три сата траяло. Найпосле Пугачевъ са столице устане, и у спроводу свои старѣшина сиђе се съ ходника. Нѣму приведу бѣлогъ коня, украшеногъ богатымъ покровцемъ. Два козака узму га за руке и посаде у сѣдло. У то магновенѣ чу се женскій яукъ. Неколько айдука изтураю у ходникъ Василису Ёгоровну, разчупану и голу нагу. Ёданъ одъ нѣи обукао в быо нѣнѣ прѣнякъ на себе. Други су носили перине, сандуке, посуђе, кошулѣ и све покуѣство. „Браћо моя!“ викала в несрећна баба. „Допустите, да се душа моя покае. Отци роѣени, одведите ме къ Ивану Кузмићу.“ У то она погледи на вѣшала и позна свогъ мужа. „Зликовци!“ викне она у изумлѣню. „Шта сте съ нѣмъ учинили? Свѣте мой, юначка войничка главо! не поразише тебе ни баїонети пруски, ни ѣулета турска, ниси у часной битки изгубіо животъ свой, већъ погинуо си одъ утекшега обѣшеняка!“ — Умирите матору вѣштицу! — рече Пугачевъ. На то в младый ёданъ козакъ удари сабљомъ по глави, и она падне мртва на степене ходника. Пугачевъ одяши; народъ потрчи за нѣмъ.

Глава VIII.

Не званный гость.

Незванный гость хуже Татарина.

Пословица.

Піяца была е пуста. Я самъ све на едномъ мѣсту стаяо, нисамъ никако могао у поредакъ дове-сти мысли, смуѣне тако ужаснима догађаима.

Неизвѣстность о судьбине Маріе Ивановне мене е яко мучила. Гдѣ е она? шта е съ нѣомъ? Е ли избѣгла? Е ли прибѣжиште нашла? . . . Пунъ жалостны мыслій, поѣмъ куѣи команданта . . . Све е было пусто, столице, трапезе, сандуци, орманови поломѣни, посуѣе поразбіяно, све разбацано. Я се сиѣмъ по узаной лѣствици, коя ме е у малу собицу водила, и првый путь садъ уѣмъ у собу Маріе Ивановне. Видимъ нѣну постелю, разбойницима разба-чену, орманъ быо е разлупанъ и пороблѣнъ, кандило е іоштъ предъ издртомъ икономъ шкильило. Огле-дало е высило на зиду према нѣму. . . . Гдѣ е была домаѣница смирене ове дѣвоячке ѣеліе? Страшне мы-сли мутиле су се по уму моме; я самъ ню у рукама разбойничкимъ себи ваображавао . . . Мое се срце скруши . . . Я се горко, горко заплачемъ, и гром-ко произнесемъ име мое любезне. У исто магнове-нѣ чуемъ тихій шумъ, и иза ормана покаже се Пала-ша, бледа и дркѣуѣи.

„О, Петре Андрієвићу!“ рече она, плѣснувши се рукама. „Какавъ данъ! каква несреѣа!“

— А Марія Ивановна? — запытамъ я нестр-пљиво. Гдѣ е Марія Ивановна?

„Господична е жива,“ одговори Палаша. „Она е сакривена кодъ Акулине Памфиловне.“

— Кодъ попадіе! — викинемъ я съ ужасомъ. —
Боже мой! та тамо е самозванацъ! —

Я изтрчимъ изъ себе, полетимъ у домъ свеште-
ника, ништа не видеѣи нити чувствуѣи. Ту се раз-
легаше вика, смѣхъ и пѣсме Пугачевъ се ча-
стіо са своимъ друговима. Палаша е за мнома трча-
ла. Я е пошлѣмъ, да полагамо Акулину Памфиловну
изазове. За часъ попадія доѣе къ мени у сѣницу
съдпразнымъ убрусомъ у руци.

— Бога ради! гдѣ е Марія Ивановна? — запы-
тамъ е не изяснителнымъ колебанѣмъ.

„Лежи, моя голубица, кодъ мене на постелѣи, у
другой соби,“ одговори попадія. „Но, Петре Андрі-
евићу, каква насъ несрећа снаѣе, али хвала Богу, све
е срећно прошло: зликовацъ текъ што е сѣо да ру-
ча, кадъ е она, моя голубица, узданула! Я
самъ готово обамрла была. Онъ е чуо! „А ко то,
бабо, кодъ тебе уздише?“ — Сродница моя, я му од-
говоримъ, господаре, разболила се, и већъ одъ двѣ не-
дѣлѣ лежи. — „А е ли млада та твоя сродница?“ —
Млада е господаре. — „Покажи ми, бабо, твою срод-
ницу.“ — Я самъ се тако была уплашила, да нисамъ
знала шта ѣу радити. — Господаре, дѣвойка е тако
изнемогла, да не може къ твојой милости доѣи. —
„Ништа, бабо, я ѣу самъ иѣи да е видимъ.“ И ока-
яникъ, оде у другу собу; шта мыслишь? уздигне за-
вѣсу, погледѣи е ястребовимъ очима и ништа
више. Богъ га изнесе! И вѣруешъ ли, я и старацъ
мой већъ смо се мученичкой смрти приправили бы-
ли. Срећомъ, она, моя голубица, нѣе нѣга познала.
Господи Боже! какавъ смо мы празникъ дочекали!
Но шта да речемъ! бѣдный Иванъ Кузмићъ, ко бы
помыслио! А и Василиса Ёгоровна? А и Иванъ
Игнатићъ? А зашто су нѣга? А како су васъ
поштедили? А шта е одъ Швабрина, Алексе Ивани-
ћа? Онъ се ошишао и садъ се кодъ насъ съ нѣи-
ма части. Одметникъ, казаѣу ти штогодъ. Како самъ
я о болной сродници казала, таки е онъ, вѣруй ми,
погледао на мене, као ножемъ да ме е пробо, но нѣе
ме издао, хвала му зато.“ — У то магновенѣ разле-
гне се крикъ пѣяны гостию и гласъ отца Герасима.
Гости су искали вина, домаѣинъ е викао свою попа-

дію. „Петре Андрієвићу,“ рече она, „садъ се не могу съ вама више разговарати, зликовци пѣваю у велико. Зло є, чувайте се, можете пасти пияныма у руке. Простите Петре Андрієвићу. Шта ће бити, быће; а васъ Богъ пеће оставити!“

Попадія отиде. Я колико толико успокоєнь поћемъ на свой конакъ. Пролазећи мимо пияце, опазимъ неколико Башкираца, кои су се турали около вѣшала, и опанке съ обѣшєны скидали; съ тешкомъ мукомъ задржимъ кипєће негодованъ у мени, видећи како се за маловажне ствари отимаю. По тврдинъи трчали су разбойници, и офицерске куће плячкали. Са своєю страна чуо се крикъ пияны плячкаша. Я доћемъ кући. Савельићъ сретне ме на доворотку. „Хвала Богу!“ викне онъ кадъ ме види. „Я самъ мыслію, да су зликовци тебе ухватили. Но, господине Петре Андрієвићу! знате ли да су одъ насъ све однєли, новце, одѣло, постєлю, кошуль, посуће — ништа нису оставили. Али хвала Богу, кадъ су тебе жива одпустили! А єси ли господине познао арамбашу?“

— Нисамъ, а ко є онъ?

„Како господине! ты си заборавіо оногъ пияницу, кои є одъ тебе ћурдію у гостіоници отєо. Зєчю ћурдію сасвимъ скоро нову, и онъ, скотъ, кадъ є навлачю, распорила се!“

Я се удивимъ. Сравняваюћи Пугачєва съ моимъ калаузомъ, наћемъ се пораженъ. Я се увѣримъ, да є Пугачєвъ и онъ єдна иста особа, и сѣтимъ се, зашто є онъ мене поштедіо. Я нисамъ чудна обстоєтельства моимъ умомъ схватити могао: дѣтиня ћурдія, поклонѣна єдномъ калаузу, избавила є мене одъ вѣшала, и пияница, кои се по крчмама скита, обсаћує тврдинъи и потряса царство!

„Хоћєте ли што єсти?“ запыта Савельићъ, не промѣнићъ у свомъ обичаю. „Кодъ куће нема ништа, тражићу, да вамъ ма шта сготовимъ.“

Оставши самъ, пустимъ се у мысли. Шта самъ имао радити? остати у тврдинъи, коя є у руци зликовца, или за нѣговомъ четомъ поћи, нє ми као офицеру пристойно было. Дужность є изискивала, да се я на таковомъ мѣсту наћемъ, гдѣ бы у садаш-

нѣмъ смутнимъ обстоятелствима отачаству момъ полезанъ быти могао Но любовъ силно є у мени дѣйствовала, да я кодъ Маріє Ивановне останемъ, и да будемъ нѣнъ заштитникъ и покровитель. Ма да самъ я предвиѣао, да ѣе се обстоятелства ова што скоріє промѣнити морати, то опетъ опасность нѣну нисамъ себи могао безъ трепета представить.

Мысли мое долазкомъ єдногъ козака прекииуте буду, кои ми яви, „да великій господаръ мене къ себи позыва.“ — Гдѣ є онъ? — запытамъ я готовъ повиновати се.

„У командантовомъ дому,“ одговори козакъ. „После ручка было є баѣушка нашъ у купатилу, а садъ се одмара. Но, ваше благородіє, по свему видимо, да є онъ знатна особа: за ручкомъ є два печена прасета изволю изести, а пів толико, да ни Тарасъ Корачкинъ не може издржати, дао є купѣлску метлу Томки Бикбаєву, да га ладномъ водомъ истрезни. Нема се кудъ: нѣму заиста много треба, и важанъ є човѣкъ. А у купатилу чуємо, да є показао царске свое знаке на грудима: на єдной страни двоглавый орао, съ педля великій, а на другой особа нѣгова.“

Я нисамъ држао за нужно съ козакомъ о мнѣнію нѣговомъ препирати се, но съ нѣмъ одма къ командантовомъ дому поѣмъ, ваображаваюћи себи како ѣу се съ нѣмъ састати и како растати. Читатель може себи лако представить, да я нисамъ было сасвимъ ладнокрванъ.

Почело се веѣ смрковати, кадъ самъ я у куѣу команданта ушао. Вѣшала, са своима жертвама, доводила су ме у ужасъ. Тѣло бѣдне командантовице іоштъ є лежало подъ ходникомъ, кодъ когъ су два козака стражу чувала. Козакъ, кои ме є довео, одє тай часъ да ме пріяви, и вративши се одведе ме у ону собу, у коіой самъ се я нѣжно съ Маріємъ Ивановномъ праштао.

Видимъ не обично позоріє, за трапезомъ уредно поставлѣномъ, пуномъ чаша и стакала, сѣдіо є Пугачевъ съ десетъ старѣшина козачки, подъ капама и у шаренимъ халыинама, сви разгріани виномъ, румены образа и разжарены очію. Меѣу нѣима не быяше ни Швабрина, ни нашего редовника, новы рат-

ны одпадника. „А, ваше благородіе!“ рече Пугачевъ, видећи мене, „добро дошли, вама часть, молимъ, изволите сѣсти.“ Сабесѣдници направе ми мѣсто. Я ѣхтећи сѣднемъ край трапезе. Сусѣдъ мой, младъ козакъ, узрастанъ и лѣпъ, наліе ми чашу простого вина, кое се я ни додирнуо нисамъ. Съ любопытствомъ погледао самъ све редомъ. Пугачевъ сѣдіо є на првомъ мѣсту, наслонивши се на столъ и подупревши браду своіомъ широкою шакомъ. Черте лица нѣгового, правилне, и доста пріятне, ништа свирѣпо не показиваху. Онъ се често окретао човѣку єдномъ око педесетъ година, називаюћи га садъ грофомъ, садъ Тимотеиѣмъ, а кадкадъ увеличаваюћи га дѣдомъ. Обходили су се међу собомъ сви као другари, и никакого особитога почитаня предводителю своемъ указивали нису. Разговарали су се о сутрашнѣмъ предугећу, о успѣху побуне, и о будущима дѣйствима. Свакій є говоріо и предлагао своя мнѣнія, и съ Пугачевымъ слободно о гдѣкоима стварма препирао се. И на овомъ тако чудесномъ военномъ савѣту заключено буде, на Оренбургъ ићи: покретъ дрзновеный и као што се чуло, нѣ быо несрећно окончанъ! За полазакъ, сутрашній данъ одреди се. „Но, браћо“, рече Пугачевъ; „одпѣваймо, на сонъ грядущій“ мою любезну пѣсму. Чумакове, почни!“ Сусѣдъ мой танкимъ высокимъ гласомъ почне, а сви други у гласъ помагаху:

Немой мати зелена дубраво,
Немой твоимъ танкимъ шумитъ лишѣемъ,
Немой мени, доброе младићу,
Задавати бриге и старости.
Я ѣу сутра предъ судію ићи
А самъ царъ не быти ми судіа.
Царъ господаръ пытати не мене:
Ты дѣране, ты рѣшѣанскій сыне,
Кажн мени куда си бродіо,
У айдуке кога си водіо,
Да ли имашъ многіе другара?
А я ѣу му 'вако говорити:
Свѣтлый царе! све ѣу ти казати,
Теби ѣу се исповѣдитъ право:
Я самъ им'о четири другара,
И іоштъ къ томе єдногъ вѣрного слугу.
Првый другаръ бы ми помрчина,
Другій другаръ анцаръ за поясомъ,

Трекій другаръ мой под-а-мноу вранацъ,
А четвртый зелена дубрава,
Стрѣла моя бы ми вѣрный слуга.
А царъ ꙗко ми на то одговоритъ:
О дѣране, о ришанскій сыне,
Ты си добро айдуковатъ знао,
И знао си добро одговаратъ,
Зато ꙗко се смилувати на те,
Сградиꙗ ти на средѣ поля кулу,
Одъ растова два дебела стуба,
И пречагу меꙗу нѣма одну.

Ніе можно исказати, какво е дѣйство произвела у меня простонародна пѣсма ова о вѣпалима, пѣвана людма, коима су вѣпала већъ нимѣнѣна. Нѣова грозна лица, устројностъ гласова, унило изражаванѣ, кое су они рѣчма и безъ тога изразителныма придавали — све е потресло мене некимъ поетичнымъ ужасомъ.

Гости попиу јошѣ по одну чашу, устану иза трапезе и опросте се съ Пугачевымъ. И я самъ хотѣо то учинити; но Пугачевъ рече ми: „Сѣди, я хотѣу съ тобомъ да се разговарамъ.“ — Мы останемо.

За неколико минута мы смо обонца ѣутали. Пугачевъ гледао е на мене управо, кадкадъ лѣвымъ окомъ намигиваюћи съ удивительнымъ изражаванѣмъ лупежства и насмѣшливости. Найпосле онъ се насмѣе, и то съ таковымъ не притворномъ веселости, да самъ и я самъ гледећи на нѣга, смѣяти се морао, и самъ не знаюћи зашто.

„Како, ваше благородіе?“ рече ми онъ. „Еси ли се уплашио быо, кадъ су ти мои момци уже на вратѣ натакли? Я мыслимъ да ти се небо помрачило было... И быо бы заиста обѣшенъ, да се ту твой слуга десіо нѣе. Я самъ одма тогъ старца познао. Но еси ли ты мыслио, да е онай човѣкъ, кои е тебе на путѣ извео, быо самъ великій господаръ? (Тада узе на себе видъ важный и таинственный.) Ты си пред-а-мноу свакояко кривъ, но я самъ те за твою доброту помиловао, зато, што си ты мени учинио услугу, кадъ самъ я принуѣенъ быо крити се одъ мои непріятеля. Ты ꙗещъ се о томъ увѣрити! Я ꙗко тебе јошѣ већма помиловати, кадъ добыемъ мое царство! Обѣнавашъ ли ми се, да ꙗещъ ме усрдно служити?“

Пытанѣ зликовца и нѣгова дрзновеностъ учи-
ни ми се тако забавна, да самъ се насміяти морао.

„Зашто се ты смієшъ?“ запыта онъ мене на-
мргоѣнѣ. „Или ты не вѣруєшъ, да самъ я великій
господаръ? Одговори ми право.“

Я се смутимъ. Я не мого скитницу за владателя
признати; а не мого га у очи варалицомъ назвати.
Я самъ се колебао. Пугачевъ намргоѣнѣ очекивао
є мой одговоръ. Найпосле (іошть и садъ са задовољ-
ствомъ опоминѣмъ се тога магновенія) надвлада у ме-
ни чувство къ дужности надъ слабости човѣческомъ.
Я одговоримъ Пугачеву: Чуй, я ѣу ти праву исти-
ну казати. Разсуди, могу ли я тебе за господара при-
знати? Ты си човѣкъ разуманъ: тимъ бы само ви-
діо, да самъ я лукавъ.

„Ко самъ я, по твоѣмъ умствованію?“

— Богъ те знао; но ма да си ко, ты се са
многъ шалишъ, а твоя є шала опасна.

Пугачевъ на мене оштро погледі. „Тако, ты
не вѣруєшъ,“ рече онъ, „да самъ я господаръ Петаръ
Теодоровиѣ? Но, добро. А заръ среѣанъ нема
среѣе? Заръ у старо време Грипка Отрепѣвъ нїє
царствовао? Мысли о мени шта хоѣшъ, но одъ мене
не изостай. Шта є теби до други? Ты нити си попъ
нити калуѣръ. Послужи ты мене вѣрно, а я ѣу те-
бе фелдмаршаломъ, и кнезомъ направити. Но, шта
мыслишъ?“

— Неѣу, одговоримъ я постоянно. Я самъ ро-
ѣный дворанинъ: я самъ заклетву положіо госпо-
ѣи императрици: теби служити не могу. Но
ако ты мени управо добро желишъ, то одпусти ме у
Оренбургъ.

Пугачевъ се замысли. „Ако те одпустимъ,“ ре-
че онъ, „то хоѣшъ ли се обеѣати, да неѣешъ про-
тивъ мене воєвати?“

— Како ти я могу то обеѣати? — одговоримъ.
Самъ знашъ, да то не стои на моіой вољи: запо-
вѣде ли мени иѣи противъ тебе — иѣиѣу, да шта
знамъ. Ты си и самъ начелникъ, и ты одъ свои по-
слушностъ изискуєшъ. Шта бы изъ тога слѣдова-
ло, кадъ бы се я службе одрицао, кадъ се она одъ
мене изискивала буде? Глава є моя у твоіой вла-

сти: пустишь ли ме — спасао те Богъ; казнишь ли ме — судію ти Богъ; я самъ теби истину казао.

Пугачеву допадне се моя искреность. „Тако ће и бити,“ рече онъ, ударајући мене по плећи, „ко друге казни, биће и самъ казньнъ, ко другима прашта, опростиће се и нѣму. Иди на четири стране свѣта — куда хоћешъ, и ради шта хоћешъ. У јутру дођи и яви ми се, а садъ иди па спавай, и мени се већ склапаю очи.“

Я оставимъ Пугачева и на улицу изиђемъ. Ноћъ е была тиха и ладна. Мѣсець и звѣзде здраво су свѣтили и освѣтлявале піяцу и вѣшала. У трврдинъи было е све мирно и тавно. Само у крчмама свѣтляше се ватра и разлегаше се гласъ сакупльны піяница. Я погледимъ на кућу свештеника. Капія и врата была су затворена. Виђаше се у нѣму све да е у миру.

Дођемъ на мой конакъ. Савельићъ е у одсуству момъ о мени старао се. Гласъ о ослобоженію момъ обрадуе нѣга не исказано. „Хвала теби влади-ко!“ рече онъ прекрстивши се. „Како се зора укаже, оставићемо трврдиню, и иђићемо куда насъ очи водиле буду. Я самъ мало стотовіо вечере, прихвати се господине, па лези, и проспавай до ујутру, као у христовомъ наручю.“

Я нѣговъ савѣтъ послушамъ, вечерао самъ добро и пріятно, заспао самъ на голимъ даскама, уморенъ душевно и физично.

Глава IX.

Растанакъ.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой;
Грустно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы съ душой.

Херасковъ.

У ютру рано пробуди мене бубанъ. Я поѣмъ на мѣсто скупштине. Тамо се веѣхъ скупляху гомиле Пугачеваца около вѣшала, на коима су іошѣ вѣсиле ючерашнѣ жертве. Козаци стояли су на брежуль-ку, войници были су подѣ оружѣмъ. Заставе виле су се. Неколико топова, меѣу коима и нашѣ познамъ, быяху веѣхъ за путованѣ на лаветама намѣштени. Сви жители были су ту, и очекивали самозванца. Предѣ ходникомъ командантова дома држао є козакъ за уздицу єдногъ прекрасногъ бѣлогъ коня кирхійскогъ. Я самъ тражію очима тѣло командантовице. Однели су га были мало на страну и рогозомъ покрили. Найпосле Пугачевъ изиѣе на полѣ. Народъ скине капе. Пугачевъ стане у ходнику и са свима поздрави се. Ђданъ одѣ старѣшина донесе му кесу пуну бакарны новаца, и онъ іѣе стане разбацивати. Народъ є съ викомъ, єданъ преко другогъ падаюѣи, новце купію, и ово се нѣе сврѣшило, а да се неки не осакатише. Пугачева окружавали су главни нѣгови савѣтници. Меѣу нѣима стаяо є и Швабринъ. Погледи наши сретали су се; у моемъ погледу онъ є могао прочитати презрѣнѣ, у нѣговоме изражаваше се искрена злоба и притворна насмѣшливость. Пугачевъ, смотривши мене у гомили, мане на мене гла-

вомъ и зовне ме къ себи. „Чуешъ“, рече онъ. „Иди одма у Оренбургъ, и объяви одъ мов стране губернатору и свыма ѣенералима, нека ме до недѣль дана очекую. Посавѣтуй їй да ме са сыновномъ любви и послушанїемъ дочекаю; ако не, то їй строга очекуе казанъ. Срећанъ путь, ваше благородїе!“ После окрене се къ народу и рече, показуюћи на Швабрина: „Ово вамъ є, дѣцѣ, новъ командиръ. Слушайте га у свачему, а онъ ѣе мени за васъ све и за тврдиню одговарати.“ Са ужасомъ саслушао самъ те рѣчи: Швабринъ постає начелникомъ тврдинъ, а Марїя Ивановна остає у нѣговой власти! Боже, шта ѣе быти съ нѣомъ! Пугачевъ се сиѣе съ ходника. Нѣму приведу коня. Онъ хитро скочи на коня, не очекуюћи козаке, кои су га хтѣли подїи.

У то време, изъ гомиле народа, изиѣе Савельїиъ, приступи къ Пугачеву, и пружи му єданъ листъ артиє. Я нисамъ могао знати, шта ѣе изъ тога изиѣи. „Шта є то?“ запыта съ важности Пугачевъ. — „Прочитай, па ѣеши изволити знати“ — одговори Савельїиъ. Пугачевъ прими артию и дуго є съ видомъ значажности разгледаше. „Шта ты тако мудро пишешъ?“ каза онъ наипосле. „Наше свѣтле очи не могу ту ништа разабрати. Гдѣ є мой старїи секретаръ?“

Младиѣъ єданъ у капларскомъ одѣлу притрчи къ Пугачеву. „Читай да чуемъ“, рече самозванацъ даваюћи му артию. Я самъ особито желїю знати, о чему є мой старацъ Пугачеву писао. Старїи секретаръ громогласно стане читати слѣдуюће:

„Двѣ хальїне одъ миткала и свїле пругасте, шесть рубалѣ.“

— Шта то значи? рече намрштень Пугачевъ.

„Заповѣди далѣ да се чита“ — одговори спокійно Савельїиъ.

Старїи секретаръ продужи:

„Мундиръ одъ танке зелене чѣе, седамъ рубалѣ.“

„Чакшире бѣле сукнене, петъ рубалѣ.“

„Дванаєсть парїй кошуля одъ холандскогъ платна съ манцетама, десетъ рубалѣ.“

„Пивничацъ съ посуѣемъ за чай, двѣ рублѣ и полъ“ . . .

— Какво е то зановетанѣ? — прекине Пугачевъ, шта е мени до твога пивничца, и до кошуля съ манцетама? —

Савельиѣ проговори и стане се изяснявати. „То е, господару, изволите видети, списакъ господиновогъ добра, кое су зликовци развукли.“

— Какви зликовци? — запыта грозно Пугачевъ.

„Кривъ самъ: зарекао самъ се,“ одговори Савельиѣ. „Зликовци, не зликовци, твоя су челядь то све однела. Не срдѣ се, заповѣди далѣ да се чита.“

— Дочитай, рече Пугачевъ.

Секретаръ продужи:

„Огртачъ одъ цица, другій одъ тафота, поставлѣнъ памукомъ, четири рублѣ.“

„Лисичія бунда, пошивена црвенымъ скерлетомъ, 40 рубалѣ.“

„Юштъ зечія ѣурдія, твоіой милости у крчми поклонѣна, 15 рубалѣ.“

— А шта юштъ — викне Пугачевъ съ распалѣними очима.

Признаемъ, да самъ за бѣдногъ старца уплашио се быо. Онъ се опеть хѣаше у обяснѣня пустити; но Пугачевъ прекине му: „Како си се усудио къ мени доѣи съ такими безпослицама?“ викне онъ, узевши артию изъ руку секретара и бацивши е на образъ Савельиѣу. „Глупый старче! Покрали васъ: па каква е то несреѣа! Та ты си дужанъ матора старкельо! докле годъ живишь за мое, и мое челяди здравлѣ Богу се молити, зато, што и ты и твой господинъ не висите тамо међу другимъ моимъ противницима Зечія ѣурдія! Я ѣу теби дати зечію ѣурдію! Но знашь ли ты, да ѣу съ тебе живого кожу сдерати, да ѣурдію опервазимъ?“

— Како ти драго — одговори Савельиѣ, — я нисамъ човѣкъ слободанъ, и дужанъ самъ за господарско добро одговарати.

Пугачевъ виѣаше се у овомъ великодушанъ. Онъ се окрене и одяши, неказавши више ни рѣчи. Швабринъ и старѣшине ишли су за нѣимъ. Чета изиѣе изъ тврдинѣ у поредку. Стараць мой држао е у рукама свой списакъ и разгледао га съ видомъ дубокога сажалѣня.

Видеѣи онъ, да се я съ Пугачевымъ добро слажемъ, желіо є то на ползу нашу употребити; но мудра намѣра нѣгова нїє му по желїи испала. На усрдїє ово нѣгово, коє овдѣ мѣста не имаѣаше, нисамъ се могао одъ смѣха задржати. „Смѣй се, господине,“ рече Савельиѣ, „смѣй се, но докѣ станемо на ново наше домоводство устроявати, видиѣу, хоѣешъ ли се смѣяти.“

Я похїтимъ у куѣу свештеника, да се съ Марїомъ Ивановномъ састанемъ. Попадїя предсрѣтне ме са жалостнымъ извѣстіємъ. Ноѣасъ є Марїа Ивановна имала люту грозницу. Она є лежала дуго у несвѣсти. Попадїя одведе ме у нѣну собу. Я се приближимъ полагаю кѣ постелїи. Промѣна лица нѣного мене є поразила. Болестница мене нїє познала. Дуго самъ я стаяо поредъ нѣ, не слушаюѣи ни отца Герасима, ни добру жену нѣгову, кои су ме тѣшили. Мрачне мысли смуѣавале су мене. Станѣ бѣдне беззаштитне сироте, оставлѣне у средѣ злобы бунтовника, собствена моя немоѣ, устрашавали су мене. Швабринъ, Швабринъ найвеѣма є смуѣавао мое ваображенѣ. Снабдѣвенъ власти одъ самозванца, управляюѣи тврдиньомъ, у коїой остає несреѣна дѣвойка — невиный предметъ нѣгове ненависти, онъ є могао учинити сваѣта. Шта самъ имао дѣлати? Како їой помоѣи? Како є избавити изъ руку злочинца? Остало є єдно средство: рѣшїо самъ се поѣи у Оренбургъ, да позовемъ за ослобоѣенѣ тврдинѣ Бѣлогорске, и по могуѣству у томъ да садѣйствуемъ. Я се опростимъ са свештеникомъ и са Акулиномъ Памфиловномъ, жарко препоручуюѣи нѣой ону, кою самъ я веѣъ за свою жену поштовао. Узмемъ руку несреѣне дѣвойке, и полюбимъ є, орошаваюѣи сузама. „Опростите!“ говорила є мени попадїя, спроводеѣи ме; „опростите, Петре Андрїєвиѣу. Даѣе Богъ, па ѣемо се видити у болѣ време. Немоїте за насъ забравити, и пиѣите намъ по-чеѣѣе. Бѣдна Марїа Ивановна, осимъ васъ, нема ни утѣхе, ни покровителя.“

Изишавши на пїяцу, зауставимъ се за магновенѣ, погледавши на вѣшала, поклонимъ їмъ се, изи-

їемъ изъ тврдинѣ и поїемъ оренбургскимъ путемъ спровоїенъ Савельїемъ, кои одъ мене остао нїе.

Ишао самъ занятъ своима мыслима; но уѣдан-путь чуемъ коньскїй топотъ за собомъ. Осврнемъ се, видимъ изъ тврдинѣ трчеїегъ козака, кои башкирскогъ коня за узду држаше, и мени изъ далека знакъ даваше. Я станемъ, и брзо познамъ нашегъ редовника. Онъ, дотрчавши, сиїе се са свогъ коня и рече, даваюћи ми узду оногъ другогъ: „Ваше благородїе! Отацъ нашъ шилъ вамъ коня и бунду са свои леїа (за сїдло привезанъ быяше овчїй кожухъ). Иїошть“ — изговори запинюћи редовникъ — „шилъ вамъ онъ . . . по рублѣ новаца . . . но я самъ те изгубїо на путу: опростите великодушно.“ Савельїхъ погледи на нїга попреко и рече: изгубїо си! А шта ти то у нїдри звечи? Безсавїстниче! — „Шта ми звечи у нїдри?“ одговори редовникъ, ни мало не смуїуюћи се. „Богъ съ тобомъ старче! То звечи удица а не новци.“ Добро — речемъ я прекинувши распру. Благодарїи одъ мое стране томе, ко те є послао, а изгублїе новце кадъ се вратишъ потражи, и узми їй себи на водку. „Я самъ благодаранъ, ваше благородїе,“ одговори онъ враїаюћи се, „до вїка їу се за васъ Богу молити.“ Съ овима рїчма отрчи онъ натрагъ, држећи се єдномъ рукомъ за нїдра, и за магновенї изгуби се нама изъ очїю.

Я обучемъ кожухъ, попнемъ се на коня, иза мои леїа посадимъ Савельїа. „Ето, видишъ, господине,“ рече старецъ, „да я нисамъ ниткову бадава прошню дао; вїруй, добро є то было. Истина, да башкирска дртина и овчїй кожухъ ни полакъ тога не вреде, што су они, ниткови, одъ насъ покрали, и што си ты самъ нїму изволіо дати; али шта му драго, подмукломе псу треба се уклонити съ пута.

Глава X.

Обсада града.

Занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ на градъ онъ взоры.
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ, перуны скрывъ, въ нощи привести подъ градъ.

Херасковъ.

Приближуюћи се къ Оренбургу видимо мы гомили зароблѣника съ обрѣянима главама, и съ лицами, клѣштама одъ губителя нагрѣенима. Они су радили около града, подъ надзиранѣмъ гарнизонски инвалида. Ђдни су износили у колицама ђубре, засипали яме, други су мотикама копали землю: на бедему зидали носили су ђерпичъ, и градили су градску стѣну. На врати стража насъ заустави, и заиште одъ насъ путне листове. Како сержантъ чуе, да я долазимъ изъ тврдинѣ Бѣлогорске, одма ме управо у ђенераловъ дворъ одведе.

Я га нађемъ у башти. Онъ е прегледао ябуке, обнажене временомъ есенѣмъ, и помођи старогъ башчована брижљиво иѢ топломъ сламомъ умотаваше. На лицу нѢговомъ виђаше се спокойность, здравлѣ и задовольство. Онъ се мени обрадовао, и почне ме питати о ужаснима догађаима, коима самъ я очевидаць быо. Я му све кажемъ. Стараць е слушао мене са вниманѣмъ, а међутимъ подкресивао е ситно гранѣ. „Бѣдный Мироновъ!“ рече онъ, кадъ самъ я мою жалостну повѣсть свршио. „Жалимъ га, быо е добаръ офицеръ; а госпођа Миронова была е добра госпођа, и те каква майсторица сушити варганѣ. А шта

є съ Машомъ, кѣри капетана?“ Я одговоримъ, да є она остала у тврдинѣ у рукама попадіє. „Ай, ай, ай,“ примѣти генераль. „То є зло, веома зло. Дисциплини айдучкой не треба се повѣрити. Шта ће бити съ бѣдномъ дѣвойкомъ?“ Я одговоримъ, да тврдиня Бѣлогорска нїє далеко, и да ће нѣгова преузвышеность за ослобоженѣ бѣдны нѣны жителя, безъ сумнѣ, што скоріє послати войску. Генераль мане главомъ съ видомъ сажалѣваюћимъ. „Видићемо, видићемо,“ рече онъ. „Имаћемо іоштъ кадъ о томъ савѣтовати се. Молимъ, изволи доћи на чашу чая; данасъ ћемо држати военый савѣтъ. Ты намъ можешъ доста и извѣстно казати о бездѣлнику Пугачеву и о нѣговой войсци. Садъ иди па се одмори.“

Я поћемъ на конакъ, мени одрећеный, гдѣ є Савельићъ већъ урећивао, и ту самъ не стрпљиво назначено време очекивао. Читатель ће лако себи представити, да я нисамъ пропустио на савѣтъ отићи, кои є великій упливъ на мою судьбу имати морао. У назначеный сатъ я самъ већъ быо кодъ генерала.

Я затечемъ кодъ нѣга єдногъ одъ градски чиновника, чини ми се, директора мытника, дебела и румена старца, у жућастомъ кафтану. Онъ ме стане распытивати о судьбини Ивана Кузмића, кога кумомъ називаше, и често прекидаше мою рѣчь съ допунительнымъ пытанѣмъ, и наравоучительнымъ примѣтбама, коя пытаня ако и нису изяснявала у нѣму човѣка вѣшта у военомъ знаню, то опетъ одъ прилике одкривала су нѣговъ слободный и природный умъ. Међутимъ скупе се и други позвани. Кадъ сви посѣдаю, и свыма се по чаша чая донесе, генераль предложи веома ясно и пространо, у чему се стварь састои: „Садъ господа“ — продужи онъ — „треба намъ заключити, како ћемо дѣйствовати противъ бунтовника: *нападательно или одбранительно*? Свакій одъ овы начина има свою ползу и штету. Дѣйство нападательно дає намъ болю надежду на скоріє истреблѣнѣ непріятеля; дѣйство одбранительно болѣ є и безопаснїє. . . . И тако почећемо сбирати гласове по закономъ порядку, то єсть, почећемо одъ наймлаћегъ по чину. Г. прапорщикъ!“ продужи онъ у мене гледећи, „изволите намъ изяснити ваше мнѣнїє!“

Я устанемъ, и у мало рѣчій опишемъ найпре Пугачева и нѣгову чету, после докажемъ, да самозванецъ не може уредной войсци противустати.

На мое мнѣніе офицери су явно не годовали. Они су видели у нѣму преухитренность и дрзновеность младога човѣка. Подигне се жуборъ, и я чуемъ рѣчи: жутоклюнъ, изговорене єднымъ тихимъ гласомъ. Ђенераль окрене се къ мени и рече смѣшеи се: „Г. прапорщикъ! Први гласови на военомъ савѣту обично даю се на ползу ступаня нададетелны: то є законный поредакъ. Садъ ѣмо продужити сбиранѣ гласова. Г. колежскій савѣтникъ! кажите намъ ваше мнѣніе!“

Стараць у жуѣастомъ кафтану по-брзо попіє свою трећу чашу, по-добро съ румомъ разблажену, и одговори ѣенералу: Я мыслимъ ваша преузвышености, да не треба ни нападателно ни одбранително да дѣйствуємо.

„Како то, господине колежскій савѣтниче!“ гласнѣ рече зачуѣный ѣенераль. „Другогъ начина тактика не предлагає: ступанѣ одбранително или нападателно“

— Ваша преузвышености, ступайте подкупително.

„Е, хе, хе! мнѣніе ваше веома є благоразумно. Ступанѣ подкупително тактика допушта, и мы ѣмо се ползовати вашимъ савѣтомъ. Може се обеѣати за главу бездѣльника рубалѣ седамдесетъ или сто изъ тайне касе“

— И онда, уѣе у рѣчь директоръ мытница, быо я кирхійскій ованъ, а не колежскій савѣтникъ, ако намъ ти айдуци на овай начинъ, као што самъ я казао, не издѣду свога арамбашу, съ рукама и ногама у гвожђу окована.

„Мы ѣмо се о томъ іоштъ промыслити и посаѣтовати,“ одговори ѣенераль. „Но при свакомъ случаю, морамо се мы воєного прописа држати. Господо, дайте гласове ваше по закономъ реду.“

Сва се мнѣнія покажу противна моме. Сви су чиновници доказивали, да ніє можно у войску се поуздати, да є воєна среѣна не вѣрна, да треба обзирце поступати и овомъ подобна. Сви су доказива-

ли, да є паметніє остати иза сакривены топова за каменитымъ бедемомъ, него на слободномъ полю покушавати сређу оружя. Найпосле ђенераль, саслушавши сва мнѣнія, изтресе пепео изъ луле и слѣдуюће прослови рѣчи:

„Господо моя! я вамъ морамъ явити, да я, одъ мое стране, савршено съ мнѣніемъ господина прапорщика слажемъ се; єрь є ово мнѣніє основано на свима правиима здраве тактике, коя свагда готово нападателна ступаня одбранителныма предпоставля.“

Ту онъ стане, и почне пунити свою лулу. Самолюблѣ мое у мени є славило. Я гордо погледимъ на чиновнике, кои су међу собомъ шапутали съ видомъ незадовольности и безпокойства.

„Но, господо моя!“ продужи онъ пустивши, заедно съ дубокимъ уздисаємъ, густу струю дима одъ дувана, „я не смѣмъ узети на себе тако велику одговорность, кадъ се ради о безопасности повѣрены мени краєва нѣнымъ императорскимъ величествомъ, свемилостивомъ моіомъ государиньомъ. И тако я суглашавамъ се съ већимъ броемъ гласова, кои є рѣшію, да є паметніє и безопасніє у унутрашности града очекивати обсаду, а нападаня неприятельска силомъ артилѣріє (ако буде можно) одбіяти.“

Чиновници одъ свое стране насмѣшливо погледе на мене. Савѣтъ се разиђе. Я нисамъ могао доста начудити се слабости заслуженогъ ђенерала, кои, противъ собственогъ убѣђеня, рѣшію се слѣдовати мнѣніяма людій не вѣшты и не искусны.

За неколико дана после знаменитогъ овогъ савѣта, дознамо мы, да Пугачевъ, вѣранъ свомъ обећаню, приближує се къ Оренбургу. Я опазимъ войску бунтовника съ высине градски бедема. Мени се учини, да се брой нѣювъ десеторостручно увеличао одъ времена последнѣгъ юриша, кога самъ я быо свѣдокъ. У нѣи є было и артилѣріє, кою є покорію. Опоминюћи се, шта є савѣтъ рѣшію, предвиђаю самъ дуговременый затворъ у зидинама оренбуржкимъ, и у мало што се одъ туге заплакао нисамъ.

Неђу описивати оренбуржку обсаду, коя принадлежи исторіи, а не породичнымъ запискама. Казаћу

на кратко, да е ова обсада, по непазливости мѣст-
ногъ начелства, за жителѣ врло убиточна была, кои
су гладъ и свакояке неволѣ претрпѣти морали. Лако
се може помислити, да е животъ у Оренбургу быо не
сносанъ. Сви су съ униіемъ очекивали крайсвое суд-
бе; хукали су сви на скупобу, која е заиста была у-
жасна. Жители су се већ навикли на ђулета, ле-
тећа на домове нѣине, и юриши Пугачева нису већ
никакво любопытство за собомъ доносили. Я самъ
умирао одъ безпослице. Време е пролазило. Писма
изъ тврдинѣ Бѣлогорске добывао нисамъ. Сви су
путови были заузети. Растанакъ съ Маріомъ Ива-
новномъ быо е за мене не истрпљивъ. Неизвѣст-
ность о судби нѣной мене е мучила. У уединѣню
моме растеривао самъ бригу яшенѣмъ. Изъ милости
Пугачева я самъ имао доброгъ коня, съ коимъ самъ
дѣлю оскудну рану мою, и на комъ самъ свакій
данъ иза града противъ Пугачевльовы коняника изи-
лазіо. У походима овима по већой чести была е
побѣда на страни ситы и пїяны непрїательски коня-
ника. Слаби градски коняници нису їмъ могли одо-
лѣти. Кадкадъ изилазили су на полѣ и наши гладни
пїшаци; но дубльина снѣга сметала їмъ е съ непрї-
ательима удесно борити се. Артилѣрія бадава е гр-
мила съ высоки бедема, а у полѣ изилазити сбогъ из-
нурены коня не могаше. Тако е было наше воено
дѣйство! И ето шта су оренбуржки чиновници на-
зивали обзирности и благоразумлѣмъ.

Еданпутъ кадъ їй мы растерамо и доста подале-
ко одбіемо, натрчимъ я на козака, кои е иза свога
друштва остао, и готовъ самъ већ быо ударити га
моїомъ турскомъ сабљомъ, кадъ онъ скине кал-
пакъ и викне: „Здраво Петре Андрієвићу! Како
сте?“

Я га погледимъ, и познамъ нашего редовника.
Я самъ се не исказано нѣму обрадовао. Здраво Мак-
симићу — речемъ я нѣму. Еси ли давно изъ Бѣло-
горске?

„Нисамъ одавно господине Петре Андрієвићу:
синоћъ самъ стигао. Имате у мене писмо.“

— Гдѣ е? — викнемъ я.

„Ево га“, одговори Максимићъ, турајући руку у нѣдра. „Ја самъ се обећао Палаши да ћу га ма како вама донети.“ На то преда ми смотану артију, и тай часъ натрагъ отрчи. Ја е размотамъ, и съ трепетомъ почнемъ слѣдуюће редове читати:

„Божія е воля была, да лиши мене уеданпутъ и отца и матере: я немамъ на земљи ни сродника ни покровителя. Притичемъ къ вама, знајући, да сте вы свагда мени добро желили, и да сте вы свакомъ човѣку готови помоћи. Молићу Бога, да бы ово писмо како тако до васъ дошло! Максимићъ обећао се да ће вамъ га донети. Палаша чула е такође одъ Максимића, да васъ е онъ често изъ далека у биткама виђао, да ни мало себе не чувате, и не мыслите на оне, кои се са сузама за васъ Богу моле. Ја самъ дуго была болестна: а кадъ самъ оздравила, Алекса Иванићъ, кои е сада командантъ на мѣсто покойнога отца, принудіо е отца Герасима да ме уда за нѣга, претећи му Пугачевымъ. Ја живимъ у нашої кући подъ затворомъ. Алекса Иванићъ натеруе ме да поѣмъ за нѣга. Онъ говори, да ми е спасао животъ тимъ, што е прекрїо обману Акулине Памфиловне, која е казала зликовцима, да самъ я нѣна сродница. А я бы волѣла умрети, него постати женомъ такогъ човѣка, као што е Алекса Иванићъ. Онъ са мномя сасвимъ жестоко поступа, и прети ми, ако се не предомыслимъ и не сугласимъ, да ће ме одвести у логоръ къ зликовцу, и са мномя да ће бити, као съ Лизаветомъ Харловомъ. Ја самъ молила Алексу Иванића да мы допусти промыслити се. Онъ се сугласи на то, и да ми рокъ на три дана, и ако за три дана не поѣмъ за нѣга, да ме онда поштедѣти неће. Господине Петре Андрієвићу! вы сте единый мой покровитель; избавите мене несрећну. Умолите ѣенерала и све заповѣднике, да намъ пошлю помоћъ што скоріе, а доѣте и сами ако можете. Остаемъ ваша покорна несрећна сирота
Марія Ивановна.“

Прочитавши то писмо у мало съ ума сишао нисамъ. Ја се упутимъ у градъ безъ милосрдїя могъ коня шибаяћи. На путу самъ промышлявао и то и друго што за избавлѣнїе несрећне дѣвойке, но ништа не

мого измыслити. Доскакавши у градъ, одемъ одма къ ђенералу, и у собу къ нѣму утрчимъ.

Ђенералъ ходіо є и тамо и амо по соби пуше-
ћи. Видећи мене, стане. Безъ сумнѣ изгледъ га є
мой поразіо, онъ брижљиво извѣсти се о узроку мо-
га наглогъ долазка. Ваша преузвышености, каза му,
я къ вами прибѣгавамъ, као къ рођеномъ отцу; Бога
ради, немойте ми прошню одрећи: стваръ се тиче
среће цѣлогъ живота мога.

„Шта є то, господине?“ запыта ме изумљный
стараць. „Шта ти я могу учинити? Говори.“

— Ваша преузвышености, заповѣдите ми да
узнемъ єдну кумпанію войника и петдесетъ козака,
и пустите ме да очистимъ тврдиню Бѣлогорску.

Ђенералъ погледи на мене жалостиво, судећи
безъ сумнѣ, да самъ полудіо (у чему є готово и пра-
во имао).

„Како то? Очистити тврдиню Бѣлогорску?“ ре-
че онъ наипосле.

— Вама стоимъ добаръ зато, одговоримъ ватре-
но. Само молимъ дозволите ми.

„Не могу, младый човѣче“ — рече онъ врте-
ћи главомъ. „На тако великомъ растојанію непріа-
тель може васъ лако одцѣпити одъ саобраштеня съ
главномъ стратегичномъ точкомъ и добыти надъ ва-
ми савршену побѣду. Пресѣчено є саобраштенѣ....

Я се уплашимъ, видећи нѣга тако углубљена у
воєна разсуђеня, и похитимъ разбистрити га. Кѣи ка-
петана Миронова, кажемъ му, пише ми, она проси
помоћи; Швабринъ є натерує да пође за нѣга.

„То є дакле твоя молба? О, тай Швабринъ
превеликій є Sch-lm, и ако ми падне у руке, я ћу га
за 24 сата осудити, и стрѣляти подъ градскимъ вѣ-
шалима! Но садъ морамо трпити“

— Морамо трпити! — викнемъ я изванъ себе.
А онъ ће се међутимъ оженити съ Маріомъ Ивано-
вномъ!

„О!“ одговори ђенералъ. „То іошть ніє ни-
каква несрећа. То є іошть добро за ню; ако ню
Швабринъ узме, може є садъ заштићавати; а кадъ
га мы пушкарамо, онда, да ће Богъ, наћи ће она се-

би младоженю. Младе удовице не биваю дѣвойке, то естъ, хтѣо самъ реѣи, да ѣе младаѣ удовица пре себи наѣи мужа него дѣвойка.“

— Пре волимъ умрети, речемъ я у ярости, него ли ню Швабрину уступити!

„Ба, ба, ба, ба!“ проговори стараць. „Садъ видимъ, да си се ты у Марию Ивановну залюбио. О, то е сасвимъ другій посао! Бѣдный младићу! Но я опетъ ни на кои начинъ не могу ти дати кумпанію войника и петдесетъ козака. Та експедиція не бы была паметна, и я е не могу на свой одговоръ узети.“

Я спустимъ главу, очаянѣ са мною облада. Уведанпутъ мысао мени пролети крозь главу, а какова, видиѣе читатель, као што стари романтисте говоре, изъ сѣдуюѣе главе.

Глава XI.

Метежко село.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хотъ сроду онъ свирѣлъ.
„Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертепъ?“
Спросилъ онъ ласково.

А. Сумароковъ.

Я оставимъ генерала и похитимъ на мой конакъ. Савельиѣхъ ме сретне съ обичнымъ своимъ увѣщаванѣмъ. „Господине, добыю си опетъ волю, съ пѣнимъ разбойницама разговарати се! Пристон ли се то боярскомъ дѣтету? Незгоданъ часъ! ма ни за шта можешъ пропасти. И да си ишао разговарати се съ Турцима или Шведима, ни по яда, а ово е грѣхота и казати съ киме.“

Я му пресѣчемъ рѣчь съ пытанѣмъ: колико имамъ юштъ свега новаца? „За тебе доста,“ одговори онъ са задовольнымъ лицемъ. „Айдуци ма како да су преметали и тражили, опетъ иѣ нашли нису, я самъ иѣ знао тако сакрити.“ И съ тимъ рѣчма извади онъ изъ цепа дугачку завезану кесу, пуну серебра. Савельиѣху, речемъ му я, дай мени половину, а другу узми себи. Я идемъ у тврдиню Бѣлогорску.

„Баѣушко Петре Андриѣвиѣху!“ рече добрый старецъ дркѣуѣнимъ гласомъ. „Боишъ ли се ты Бога; како бы се отиснуо на путь у садашнѣ време, кадъ се нигдѣ одъ разбойника проѣи не може! Пожали баръ твоѣ родителѣ, кадъ самъ себе не жалишъ. Куда ѣнешъ? Зашто? Причекай мало, доѣи ѣ войска, отераѣе айдуке; онда иди куда годъ хоѣнешъ ма и на све четири стране свѣта.“

Я самъ было постоянь у моіой намѣри. Доцканъ е разсуђавати, одговоримъ я старцу. Я морамъ ићи, другчіє нїє. Не тужи, Савельићу; Богъ е милостивъ; мы ћемо се опетъ видети! Пази на себе, немой се бринутѣ, немой тужити. Купи, што ти нужно буде, ма како да е скупо. Новце те я теби покланямъ. Ако се за три дана я не вратимъ

„Шта е то господине?“ уђе ми Савельић у рѣчь. „Да я тебе самогъ пустимъ! То и на сну немой казати. Кадъ си се ты рѣшио ићи, то ћу и я за тобомъ, полагаю, пѣшке, я безъ тебе остати нећу. Шта, да я овдѣ сѣдимъ! безъ тебе за каменитомъ стѣномъ: вальда самъ полудіо? Воля твоя господине, а я безъ тебе остати нећу.“

Я самъ знао, да бы се съ нѣмъ бадава прео, и дозволимъ му да се за путь спрема. До по сата я сѣднемъ на доброгъ коня, а Савельић на мршаву и рому ключину, кою му е еданъ одъ градски жителя поклонію, не имаюћи е чимъ ранити. Мы дођемо къ градскимъ вратима, стража насъ пропусти. Мы изиђемо изъ Оренбурга.

Почне се смрковати. Путь е мой ишао покрай села Бердской, стана Пугачева. Правый путь покривенъ е быо снѣгомъ; но по свой пустыньи виђаше се трагъ коньскій, посвѣдневно поновляваный. Я самъ трчао, Савельић едва е по изъ далека за многъ ићи могао, и викао е за многъ често: „Лакше, господине, Бога ради, лакше! Проклета моя ключина не може да се држи за твоимъ дугоногимъ бѣсомъ. Куда хитишь? Вальда у сватове Петре Андрієвићу! Господи владико пропащѣ боярско дѣте.“

Скоро се засвѣтле ватре у Бердской. Мы смошли преко кланаца, природны укрѣплѣня села. Савельић одъ мене нїє изостаяо, повторяюћи жалостне свое молбе. Я самъ се надао да ћемо село срећно проћи, но уеданпутъ у сумрачку опазимъ предъ собомъ петъ селяка, наоружаны батинама, то е была предня стража Пугачевлѣвогъ стана. На насъ викну. Я не знаюћи паролю, хтѣо самъ ћутѣи мимо нѣи проћи, но они мене тай часъ обколе, и еданъ одъ нѣи ухвати коня мога за узду. Я изтр-

гнемъ саблю, и ударимъ тога по глави, капа му спадне, онъ се залюля и испусти изъ руке узду. Остали се забуне и побѣгну. Я се овимъ магновеньмъ ползуемъ, подбодемъ коня, и потрчимъ.

Помрчина приближуюће се ноћи могла е мене одъ сваке опасности избавити, да се само Савельићъ за мноми држати могао. Бѣдный стараць, на свомъ ромиомъ коню нѣ могао одъ пустихъ утехи. Шта самъ имао радити? Морао самъ га неколико минута чекати, и да бы се увѣрио о томъ, дали е онъ задржанъ, повратимъ коня, и упутимъ се да нѣга тражимъ.

Пошавши къ кланцу, чуемъ изъ далека вику, дреку и гласъ мога Савельића. Я похитимъ брже, и брзо видимъ се опетъ межу стражарима, кои су ме пре неколико минута зауставили были. Савельићъ е было межу нѣма. Они су свалили старца съ нѣгове ключине и спремали су се да га вежу. Долазакъ мой нѣ обрадуе, они съ викомъ нагрну на мене, и у едномъ магновению свале и мене съ коня. Еданъ одъ нѣи, као што се чиняше найстари, обяви нама, да ће насъ овай часъ къ господару водити. „А нашемъ баћушки,“ дода онъ, „на волѣи стои, хоће ли васъ одма обѣсити, или ће чекати данъ докъ сване.“ Я се нисамъ противіо; Савельићъ е слѣдовао примѣру моме, и стражари поведу насъ са славомъ.

Мы оставимо кланаць, и одемо у село. По свима кућама горѣла е ватра. Са свы страна чула се вика. Путемъ самъ сретао много людѣи, но мене нико опазіо нѣи, и у мене нико нѣи познао оренбургскогъ офицера. Насъ одведу къ едной кући, на рогию раскршѣи. На врати исте куће стаяло е неколико вински бурадѣи и два топа. „Ево и двораць“, рече еданъ одъ пратиоца, „овай часъ прѣявићу васъ.“ Онъ оде у кућу. Я погледимъ на Савельића, стараць се крстіо молећи се у себи Богу. Я самъ дуго чекао. Найпосле селякъ мой врати се и рече ми: „Улази, нашъ е баћушка заповѣдіо да офицера къ нѣму доведемо.“

Я ућемъ у оцакљу, или у двораць, како су е селяци називали. Она е освѣтлѣна была двѣма лоянима свѣћама, а зидови были су улѣплѣни златномъ артиомъ, у осталомъ столице, трапеза, умиваоница

о узицама, убрусь о клину, жарачъ у роглю, широка пећъ са отворенимъ вратима, у пећи лонаць — све е было као у обичной оцакли. Пугачевъ сѣдіо е у прочелю, на нѣму быяше богатый кафтанъ и высокая капа. Онъ се было подбочіо; хотећи тимъ неку важность показати. Около нѣга стаяли су неколико одъ знаменити нѣговы другара, съ видомъ притворне еднострастности. Примѣтити се могаше, да е гласъ о долазку офицера изъ Оренбурга побудіо у бунтовницама велико любопытство, и да су се они спремали да мене торжественно дочекаю. Пугачевъ како ме погледі, одма ме позна. Притворне важности нѣгове одма не стане. „А, ваше благородіе!“ рече онъ мени ватрено. „Како се владашь? одъ куда те Богъ донесе?“ — Я му одговоримъ, да самъ ишао моимъ посломъ, и да су ме люди нѣгови заставили. „А каквымъ посломъ?“ запыта онъ мене. Я нисамъ знао, шта ѣу одговорити. Пугачевъ, мыслећи, да се я нисамъ при свѣдоцима изразити хотѣо, окрене се къ своимъ другарима и рече їмъ, да изиђу. Сви послушаю, осимъ двоице, кои се съ мѣста магнули нису. „Казуй слободно предъ овима,“ рече мени Пугачевъ; „я одъ нѣи ништа не таимъ.“ Я погледимъ попреко на напрснике самозванца. Бданъ одъ нѣи, дебео и сгрблѣнъ старчићъ са сѣдомъ брадомъ, ништа примѣтително не имаѣаше на себи, осимъ плаветне ленте, надѣнуте преко плећа по жутой хальини. Никада неѣу заборавити нѣговогъ другара. Овай е было высокъ узрастомъ, снажанъ и широки грудій, и чиняше ми се да е имао око четрдесетъ и петъ година. Густа риѣаста брада, жуте шкиляве очи, носъ безъ ноздрва, црвене пеге на челу и на образима, придавале су нѣговомъ намрште-номъ лицу израженъ неизяснливо. Онъ е было у богатомъ прслуку, у кирхійскимъ хальинама и козачкимъ чакширама. Првый (како самъ после дознао) было е побѣгшій капларъ Бѣлобородовъ; другій Атанасіе Соколовъ (прозванный Хопушей), великій преступникъ, трипутъ побѣгшій изъ симбирски рудоконья. Не сматраюћи на чувства, коя су мене особито потресала, друштво, у комъ се я изъ ненада наѣмъ, сильно е развлячило мов ваображенъ. Но Пугачевъ до-

веде ме къ себи своимъ пытанѣмъ. „Казуй : каквымъ си посломъ ты изишао изъ Оренбурга?“

Чудна мысао дође мени у главу: мени се чиняше да провидѣнїе, кое ме по другій путь къ Пугачеву доводи, мени прилику дае, да намѣру свою у дѣйство приведемъ. Я се рѣшимъ овомъ ползовати се, и не имаюћи времена промышляти, хоће ли то быти добро или не, на што самъ се рѣшио, одговоримъ на пытанѣ Пугачева :

— Я самъ пошао у тврдиню Бѣлоговску, да избавимъ сироту, коіой се тамо обида твори.

Очи у Пугачева зажаре се. „Ко одъ мои людїй сме сироти обиду творити?“ викне онъ. „Ма да му в чело одъ седамъ педлїй, опетъ судъ мой избѣћи неће. — Казуй: кои в тай кривацъ.“

— Швабринъ в кривацъ — одговоримъ я. Онъ држи подъ затворомъ ону дѣвойку, кою си ты видїо болестну кодъ попадіе, и силомъ хоће съ нѣомъ да се вѣнча.

„Я ћу научити Швабрина!“ рече оштро Пугачевъ. „Онъ ће познати, како в кодъ мене по своіой ћуди радити и народъ обиђавати. Я ћу нѣга обѣсити.“

„Дозволи ми, да и я кою речемъ,“ прослови Хлопуша загушенымъ гласомъ. „Ты си се затрчао, кадъ си Швабрина командантомъ тврдинѣ поставїо, а садъ опетъ затрчавашъ се обѣсити га. Ты си већ ожалостїо козаке, учинивши дворанина нѣинымъ старѣшиномъ; не плаши баръ сада дворане, казнећи нѣи на ярву тужбу.“

„Не треба нѣи жалити, не треба нѣи штедити,“ рече старчићъ у плаветной ленти. „Швабринъ в заслужїо казанъ; а не бы сгорегъ было и овогъ господина офицера редомъ испытати, шта онъ изволѣва захтѣвати. Ако онъ тебе за господара не признае, то не може одъ тебе ништа искати, а ако те признае, то зашто в до данасъ сѣдїо у Оренбургу съ твоимъ непрїятельницама? Хоћете ли заповѣдити, да га одведемъ подъ затворъ, мени се чини да в нѣгова милость послана овамо къ нама одъ оренбургки заповѣдника.“

Логика старогъ зликовца мени се доста убѣдїтельна покаже. При мыслима, у чїима се рукама нала-

вимъ, студень прође крозь све мое тѣло. Пугачевъ примѣти мою смутню. „Како“ ваше благородіе?“ рече мени намигуюћи. „Фелдмаршалъ мой, чини ми се, да истину говори. Како ты мыслишь?“

Шала ова Пугачева мене ободри. Я спокойно одговоримъ, да се налазимъ у нѣговой власти, и да онъ може, што годъ хоће, са мною учинити.

„Добро“, рече Пугачевъ. „Садъ кажи, у каковомъ е станю вашъ градъ.“

— Хвала Богу — одговоримъ я: у добромъ.

„У добромъ?“ повтори Пугачевъ. „А народъ умире одъ глади!“

Самозванаць говорио е истину, но я, по дужности заклетве, станемъ га увѣравати, да су то све лажљиви гласови, и да у Оренбургу има довольно ране.

„Видишь“, прихвати старчићъ, „да онъ тебе на очигледъ вара. Сви бѣгунци досадъ еднако казую, да е у Оренбургу гладъ и поморъ, да тамо еду стрвине, и то у сласть: а нѣгова милость насъ увѣрава, да тамо има свашта доста. Ако ты Швабрина обѣсишь, то на иста вѣшала обѣси и овогъ младића, да се еданъ на другога не могу срдити.“

Рѣчи проклетогъ старчића, виђаше се, да су Пугачева смутиле. Но Хлопуша, на срећу, стане савсвимъ противно говорити. „Доста, Наумићу, доста“, рече му онъ. „Ты бы све потукао и повѣшао. А, да здравъ си ми и ты юнакъ. Осврни се мало и на душу. Та и самъ си већъ едномъ ногомъ у гробу, па бы и друге све потукао. Или мало е заръ крви на твојој савѣсти?“

— А какавъ си ми ты угодникъ? — одговори Бѣлобородовъ. Одъ кадъ ты тако милостивъ постаде?

„Безъ сумнѣ“, одговори Хлопуша, „да самъ и я грѣшанъ, и да е ова рука (ту онъ пружи свою коштуняву песницу, засуче рукавъ, и обнажи космату руку), и да е ова рука много христіанске крви пролила. Но я самъ убіо непріятеля, а не госта; на слободномъ полю и у тавной шуми, а не кодъ куће, сѣдећи за пећкомъ; танетомъ и борбомъ, а не бабскимъ наговоромъ.“

Стараць се на другу страну окрене, и рече: „безноздрваць!“

— Шта ты тамо старче съ испуцаномъ брадомъ брбляшь? — викне Хлопуша. Даћу я теби, безноздрваць; кои часъ, доћиће време; даће Богъ, омирисаћешъ и ты клѣште А садъ чувай се, да ти браду не исчупамъ!

„Господо ђенерали!“ — съ важности рече Пугачевъ; „што се вы сваћате, шта є мени до того, ма се све оренбуржке кучке о єдной греди люляле и ногама копрцале: но несрећа є, кадъ се пси између себе поколю. Но, помирити се.“

Хлопуша и Бѣлобородовъ не проговоре ни рѣчи и попреко єданъ на другоъ погледе. Я видећи, да є не обходно нужно да се овай нѣинъ разговоръ на другій измѣни, кои є лако на мою велику неугодность окончати се могао, окренемъ се къ Пугачеву и съ веселымъ лицемъ речемъ му: О! я самъ быо и заборавіо, да ти за коня и бунду благодаримъ, безъ тебе я не бы могао доћи до града и морао бы се смрзнути на путу.

Досѣтливость моя бы пробитачна. Пугачевъ се развесели. „Дугъ є лѣпъ кадъ се исплати,“ рече онъ, сміюћи се и очима жмигаюћи. „Садъ ми дакле кажи, каква ты имашъ посла съ томъ дѣвойкомъ, коіой є Швабринъ обиду учиніо? Да нїє ту каква любовъ умѣшана? но?“

— Она є моя невѣста — одговоримъ я Пугачеву, видећи благопріятну промѣну погоде, и не налазећи потребе сакривати истину.

„Твоя невѣста!“ викне Пугачевъ. „Што ми то пре ниси казао? Мы бы тебе досадъ оженили и на свадби твоіой провеселили се!“ Затимъ окрене се Бѣлобородову. „Треба да знате, фелдмаршале! да смо мы съ нѣговымъ благородіємъ стари пріятельи, стари познаници; сѣдите да вечерамо: старіє є ютро одъ вечера. У ютру ћемо видити, шта ћемо радити.“

Я самъ радъ быо те части одрѣи се, но другачіє нїє быти могло. Двѣ младе козачкинѣ, кѣри домаћина, поставе трапезу бѣлымъ чаршавомъ, донесу хлѣба, суве обарене рибе, неколико флаша вина и

рума, и я по другій путь наѣмъ се за єдномъ трапезомъ съ Пугачевымъ и нѣговымъ страшнымъ друш-твомъ.

Часть, кое самъ и я быо несреѣный учестникъ, продужавала се до дубоке ноѣи. Найпосле румъ над-влада друштво. Пугачевъ задрема, сѣдеѣи на своемъ мѣсту, друштво нѣгово устане и да и мени знакъ. Я изиѣмъ одма съ нѣима. По уредби Хлопуше, стра-жаръ одведе мене у одреѣеный ми конакъ, гдѣ на-ѣмъ и Савельиѣа, и гдѣ и мене съ нѣимъ заєдно подъ затворомъ оставе. Стараць видеѣи све шта се сбывало, быо є у такомъ изумлѣнью, да ме ништа запытао нїє. Стараць легне, и дуго є у помрчини уздисао и хукао; найпосле захрче; а я се предамъ мыслима, кое ми сву ноѣь ни на єдно магновєнѣ за-дремати не дадоше.

У ютру Пугачевъ пошлѣ по мене. Я одємъ кѣ нѣму. На вратима нѣговымъ стаяле су саонице, съ три татарска коня ухваѣена. Народъ се скупїо на у-лици. Я у ходнику сретнемъ Пугачева. Онъ є быо за путь спреманъ. На нѣму быяше скупоецѣна бун-да и кирхїйска капа. Синоѣнѣ друштво окружавало є нѣга. Онъ є узео на себе видъ єдно страстности, кое є яко противусловило свему што самъ синоѣъ видїо. Пугачевъ се весело са мномя поздрави, и рече ми да сѣднемъ съ нѣимъ у саонице.

Мы сѣднемо. „У тврдиню Бѣлогорску!“ рече Пугачевъ широкоплєѣемъ татарину, кои є конѣ те-рао. Крвь у жилама моима стане. Конѣи поѣу, звон-це зазвони, саонице полете

„Стани! стани!“ разлегне се гласъ мени позна-тый, и я видимъ Савельиѣа трчеѣа нама на сусрѣтъ. Пугачевъ заповѣди стати. „Баѣушко Петре Андрїє-виѣу!“ рече стараць. „Не оставляй ме старога, ме-ѣу овимъ разб“ А старый враже! рече Пуга-чевъ. Опєтъ насъ Богъ састави. Но, сѣди на об-лицу.

„Богъ те благословіо, господару, Богъ те бла-гословіо, роѣеный отче!“ говорїо є Савельиѣъ поса-ѣуюѣи се. „Да те Богъ сто година поживи, кадъ си на мене старца погледао и смиловао се. До вѣка ѣу

се за тебе Богу молити, а за зечію ѣурдію неѣу више споминати.“

Ова шала са зечіомъ ѣурдіомъ могла є найпосле увредити Пугачева. На среѣу, самозванаць или га нїє чуо, или се невѣштъ учиніо. Конѣи су трчали. Народъ є на улици стаяо и кланяо му се до землѣ. Пугачевъ нагибао є главу на обѣ стране. За едно магновенѣ мы изиѣемо изъ села, и упутимо се главномъ друму.

Лако се може представити, шта самъ я у то магновенѣ чувствовао. Надао самъ се, да ѣу се до неколико сатїй съ ономъ састати, кою самъ држао веѣтъ изгублѣномъ за мене Я самъ представляо себи магновенѣ нашегъ састанка Мыслио самъ такоѣе и о томъ човѣку, у чїи руку нахоѣаше се моя судба, и кои по особитомъ течаю обстоятелства, тайно са мномъ у великой свези быяше. Я самъ представляо себи нѣгову жестину и крволочность, нѣгову немилосрдность и богомрске обичає, и садъ као избавителя мое любезне, найвеѣма грозїо самъ га се. Пугачевъ нїє знао, да є она была кѣи капетана Миронова; озлоблѣный Швабринъ могао му є све одкрити; Пугачевъ є могао дознати истину и другимъ начиномъ Тада шта ѣе бити съ Марїомъ Ивановомъ? Ледъ проѣе крозь мое тѣло, и коса ми се на глави наєжи.

У томъ Пугачевъ прекине мое мысли, пытаюѣи ме:

„Што се ваше благородїє тако замыслило?“

— Како се не бы замыслио, — одговоримъ я нѣму. Я самъ офицеръ и дворанинъ, синоѣъ самъ се їоштъ борїо противъ тебе, а данасъ путуємъ съ тобомъ на єднимъ саоницама, и среѣна цѣлогъ могъ живота зависи одъ тебе.

„Шта?“ запыта Пугачевъ. „Ты си се уплашіо?“

Я одговоримъ, да, бывши єданпутъ одъ нѣга помилованъ, надао самъ се не само да ѣе ме поштедити, но да ѣе ми и помоѣи.

„Ты си честитъ младиѣъ, то Богъ види!“ рече самозванаць.

„Ты си видіо, да су мои омлађи погледали на тебе попреко, а стараць в и данасъ то потврђавао, да си ты шпіунъ, и да те треба на испытъ узети и обѣсити; но я се на то склоніо нисамъ,“ дода онъ, съ нижимъ гласомъ, да га Савельићъ и татаринъ не бы могли чути — „опоминюћи се твоє боце вина и зечиє ћурдіє. Ты видишъ, да я іошть такіъ крволокъ нисамъ, као што о мени ваша браћа говоре.“

Я опоминюћи се шта є у тврдинѣи Бѣлогорской починіо, не нађемъ за нужно съ нѣиме се прети, и ни рѣчи му не одговоримъ.

„Шта говоре о мени у Оренбургу?“ запыта, после краткогъ ћутаня Пугачевъ.

— Говоре, да є съ тобомъ тешко на край изићи; єдномъ рѣчи, дао си се ты познати за велика юнака.

На лицу самозванца виђаше се изображено самолюбѣ.

„Єсть,“ рече онъ съ веселымъ лицемъ. „Я воюємъ свуда сређно. Знаю ли кодъ васъ у Оренбургу о битки подъ Юзеевымъ? Ту є четрдесетъ ѣенерала убієно, и четири арміє зароблѣно. Шта мыслишъ: прускій краль бы ли се могао са мною клипка повући?“

Хвала айдука буде за мене забавна. Као што самъ мыслишъ, речемъ му я, ты се сравнивашъ съ Фридрихомъ.

„А съ Тедоромъ Тедоровићемъ? А како не? Съ вашима ѣенералима, видишъ, я се боримъ, а они су нѣга били. До сада є оружѣ мое было сређно. До краткогъ времена, докъ на Москву пођемъ, быће іошть сређніє.“

— А мыслишъ ићи на Москву?

Самозванецъ се нешто замысли, и рече полакше. „Богъ зна іошть како ће быти. Путови су мои стеснѣни, а и я самъ волю изгубіо. Момци се мои умаляваю. Они су айдуци. Я морамъ быти на опрезу; при првой прилиці они ће искупити вратъ свой моіомъ главомъ.“

— Тако, тако! — речемъ я Пугачеву. Не были было болѣ за тебе, да се ты самъ благовременно одъ

иѣи уклонишъ, и да прибѣгнешъ къ милосердности
государинѣ?

Пугачевъ се здраво насмѣ. „Не,“ одговори онъ,
„доцне е то за мене. За мене нема помилованя. Ра-
дићу као што самъ почео. Пакъ шта да Богъ. Гриш-
ка Отрепѣвъ, знашъ, царствовао є надъ Москвомъ.“

— А знашъ ли, како є онъ окончао? Нѣга су
бацили съ прозора, изсѣкли, спалили, пепео нѣговъ
у топъ метнули и избацили!

„Слушай“ — рече Пугачевъ съ особитымъ не-
кимъ удуновенѣмъ. „Приповѣдићу ти єдну сказку,
кою ми є у дѣтинству єдна стара калмучкина припо-
вѣдала: Ёданпутъ орао запыта гаврана: кажи, га-
вранъ-птицо, одъ чега живишъ ты на бѣломъ свѣту
триста година, а я свега само тридесетъ и три? —
Одъ тога, баћушко, одговори нѣму гавранъ, што ты
пѣшъ живу крвь, а я се ранимъ стрвинама. Орао
мысляше: дай де и мы да покушамо тимъ ранити се.
Добро, одлети орао и гавранъ. Они виде єдну конь-
ску стрвь; спусте се и стану. Гавранъ стане клюва-
ти и похвальвати. Орао клуне єданпутъ, клуне
другій путъ, мане крилма и рече гаврану: не брате
гавране; зашто триста година да се ранимъ стр-
виномъ, кадъ є болѣ єданпутъ наринити се живомъ
крви, па после, шта Богъ да! — Шта вели калмучка
сказка?“

— Хитроумна є — одговоримъ я нѣму. Но живи-
ти одъ убиства и хараня значи кодъ мене клювати
стрвину.

Пугачевъ погледи на мене съ удивлѣнѣмъ и ни-
шта не одговори. Насъ обоица, пустивши се свакій у
свое мысли, ућутимо. Татаринъ є пѣвао свою айдуч-
ку пѣсму; Савельићъ, дремаюћи, люляо се на обли-
ци. Саонице су летиле по гладкомъ зимнѣмъ путу.
... И я опазимъ сеоце на неравномъ брегу Яика съ
палисадима и звоникомъ — и за четвртъ сата ућемо
мы у тврдиню Бѣлогорску.

Глава XII.

Сирота.

Какъ у нашей у яблоньки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ;
Какъ у нашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери.
Снарядить-то се некому,
Благословить-то се некому.

Сватовска пѣсма.

Саонице се зауставе предъ ходникомъ командан-
тове куће. Народъ е познао звонце Пугачева и го-
милама трчао е за нѣмъ. Швабринъ истрчи предъ
самозванца у ходникъ. Онъ већъ нѣ имао браде и
быо е у козачко одѣло обученъ. Одметникъ помогне
Пугачеву са саоница сићи се, изясняваюћи му у под-
ломъ израженю свою радость и усрдность. Видећи ме-
не, онъ се смути; но брзо се охрабри, и пружи ми
руку говорећи: „И ты си дакле нашъ? Давно бы
требало!“ — Я се окренемъ одъ нѣга и ништа му
не одговоримъ.

Срдце мое у мени се запти, кадъ се мы у давно
мени познатой соби видимо, гдѣ е о зиду іоште и
садъ висила диплома покойнога команданта, као жа-
лостна епифанія прошастоме времену. Пугачевъ съ-
дне на онай диванъ, на комъ е често дремао Иванъ
Кузмићъ, уморенъ чанъканѣмъ свое супруге. Шва-
бринъ самъ понуди га съ водкомъ. Пугачевъ испіе
чашу и рече му, показуюћи на мене: „Послужи и
нѣгово благородіе!“ Швабринъ дође къ мени са сво-
іомъ понудомъ: но я по другій путь окренемъ се одъ
нѣга. Онъ се виѣаше самъ да нѣ свой. При обич-

ной нѣговой предосторожности, онъ е, безъ сумнѣ, видіо, да Пугачевъ съ нѣмъ нѣ задоволянъ. Онъ е дрктао предъ нѣмъ, а на мене е погледао съ негодованѣмъ. Пугачевъ е пытао о станю тврдинѣ, онепріятельской войсци, и овомъ подобна, и у еданпутъ изненада запыти га: „Кажи братацъ, какву дѣвойку ты кодъ тебе подъ затворомъ джишъ? Покажи ми е.“

Швабринъ побледи као мртавъ. Господаре, рече онъ дркѣуѣмъ гласомъ: Господаре, она нѣ подъ затворомъ она е болестна она лежи у малой собици.

„Одведи ме къ нѣой,“ рече самозванацъ, устауѣи съ мѣста. Изговарати се нѣ было мѣста. Швабринъ поведе Пугачева у собу Маріе Ивановне. Я самъ за нѣима ишао.

Швабринъ се заустави на степенима. „Господаре!“ рече онъ, „вы имате власть одъ мене захтѣвати, што годъ вамъ е повольно, но не пуштайте у спаваѣу собу къ моіой жени туѣина.“

Я се затресемъ. Шта? ты си оженѣнъ! речемъ Швабрину, готовеѣи се да га разстргнемъ.

„Лакше!“ рече ми Пугачевъ. „То е мой посао. А ты“ — настави онъ окренувши се къ Швабрину — „не мудруй и не пренемажи се: была она жена твоя, или не, я ѣу довести къ нѣой кога хоѣу. Ваше благородіе, айде за мною.“

На врати собице стане опетъ Швабринъ, и рече прекидльивымъ гласомъ: „Господаре, напредъ вамъ являмъ, да е она врло болестна, и одъ три дана веѣъ у вруѣици.“

— Отвори — рече Пугачевъ.

Швабринъ стане тражити по цеповима, и рече, да нѣ донео собомъ ключъ. Пугачевъ удари врата ногомъ, брава одскочи, врата се отворе, и мы уѣемо.

Я погледимъ, и обамремъ. На земљи, у селячкомъ одѣлу, сѣдила е Марія Ивановна, бледа, слаба, са забаруженомъ косомъ. Предъ нѣомъ е стаяо крчагъ, покривенъ комадомъ хлѣба. Видивши мене, она се препадне и викне. Шта се онда са мною стало — не опомниѣмъ се.

Пугачевъ погледѣ на Швабрина, и рече съ жалостнымъ насмѣхомъ: „Добаръ е у тебе лазаретъ!“ После оде къ Маріи Ивановной: „Кажѣ ми, голубице, зашто те твой мужъ тако казни? шта си му скривила?“

— Мой мужъ! — повтори она. Онъ нѣ мой мужъ. Я нигда нѣгова жена быти небу. Я волимъ умерети, и умребу ако ме не избавите.

Пугачевъ погледѣ грозно на Швабрина. „И ты си смѣо мене преварити!“ рече му. „Знашь ли бездѣлнече, шта си заслужио?“

Швабринъ падне на колѣна У то магновенѣ презрѣнѣ загуши у мени сва чувства ненависти и гнѣва. Мрзко е мени было гледати на дворанина валяюћа се предъ ногама исподъ казни утекшега козака. Пугачевъ се умекша. „Садъ бу ти опростити!“ рече онъ Швабрину: „но знай! да не ти се при првой погрѣшки и ова у рачунъ узети.“ После окре не се къ Маріи Ивановной и рече іой умильно: „Устай лѣпа дѣвойко; ты си слободна. Я самъ господаръ.“

Марія Ивановна оштро погледѣ на нѣга, и сѣти се, да предъ нѣомъ стои убица нѣны родителя. Она метне руке на очи и падне безъ чувства. Я полетимъ къ нѣой; но у то магновенѣ уне моя стара познаница Палаша, и почне хукати за своіомъ госпономъ. Пугачевъ изиђе изъ собице и насъ трое одемо у трапезарию.

„Шта, ваше благородіе?“ рече ми после Пугачевъ сміючи се. „Добыте лѣпу дѣвойку! Шта мыслишь, хоѣмо ли послати по попу, да неће се онъ што за свою сродницу противити? Я молимъ, я бу быти кумъ, Швабринъ старый свать; сакриѣмо се, — врата немо забравити!“

Чегѣ самъ се бояо, то се и догодило. Швабринъ чувши рѣчи Пугачева, изиђе изъ собе. „Господаре!“ викне онъ у иступлѣню. „Я самъ кривъ, я самъ вамъ слагао, но и Гриневъ васъ е преварио. Та дѣвойка нѣ сродница овдашнѣгъ попа: она е кћи Ивана Миронова, кои е казнѣнъ, кадъ е ова тврдина узета.“

Пугачевъ устремил на мене ватрене очи. „Шта е то?“ запыта ме замышленъ.

Швабринъ ти в истину казао — одговоримъ я съ постоянствомъ.

„А зашто ми ты ниси то казао?“ примѣтил Пугачевъ, у комъ се лице помрачавало.

— Ты самъ разсуди — одговоримъ я нѣму, в ли можно было твоима людма казати, да в кѣи Миронova жива. Та они бы ню изваракали. Ништа в не бы спасло!

„И то в истина,“ одговори Пугачевъ сміюћи се. „Мое піянице не бы несрећну дѣвойку поштедило. Добро в урадила майка попадія, што їй в преварила.“

Видѣи я да в онъ добро расположенъ, продужимъ овако: — „Я не знамъ како да ти кажемъ, и како да те назовемъ — а то башъ нећу ни да знамъ. ... Но Богъ види, да бы я животомъ моимъ радъ бы платити теби зато, што си ты мени учиніо. Само немой оно захтѣвати, што в противно части моіой и христіанской савѣсти. Ты си мой добротворъ. Доврши као што си почео: одпусти ме съ несрећномъ сиротомъ, па куда насъ Богъ одведе. А мы гдѣ годъ будемо, и ма съ тобомъ шта случилось се, молићемо се Богу за спасенъ грѣшне твоє душе“....

Виђаше се, да в сурова душа Пугачева была тронута. „Нека ти буде!“ рече онъ; „кога треба казнити, тога казимъ, коме треба опростити, томе праштамъ; то в мой обичай. Узми собомъ свою лѣпоту; води в куда хоћешъ, и дао вамъ Богъ любовь за савѣтъ!“

Тада се окрене къ Швабрину, и заповѣди му да ми изда пропустъ крозь све страже и тврдинъ нѣму подчинѣне. Швабринъ, сасвимъ оборенъ, стаяо в као окаменѣнъ. Пугачевъ оде прегледати тврдиню. Швабринъ га в спроводио, а я останемъ да се на путь спремимъ.

Отрчимъ у собицу. Врата су была затворена. Куцнемъ. „Ко в то?“ пытала в Палаша. Я се кажемъ. Милый гласъ Маріє Ивановне чу се иза врата. „Почекайте, Петре Андрієвићу. Я се преоблачимъ. Идите къ Акулини Памфиловной: я ћу овай часъ тамо быти.“

Я самъ послушао, и поѣмъ куѣи отца Герасима. И онъ и попадія притрче къ мени на су-срѣтъ. Савельиѣ е нѣи веѣъ приуготовіо быо. „Здраво Петре Андрієвиѣу“ рече попадія. — „Богъ васъ е опетъ довео, да се видимо. Како живите? Сви смо васъ свакиѣ данъ споминяли. А Марія Ивановна свашта е безъ васъ претрпила, голубица моя! . . . Кажите, любезный! како сте се вы то съ Пугачевымъ помирили! Како онъ васъ уморио нѣе? Добро, хвала зликовцу и зато!“ — Доста, бабо, — прекине рѣчь отаць Герасимъ. Не говори све, што знашь. *Нема спасенія у многомъ говору.* Баѣушко Петре Андрієвиѣу! уѣите унутра, молимъ покорно. Давно, давно се видели нисмо.

Попадія почне мене угошѣавати, чимъ е Богъ дао, а меѣутимъ говорила е не прекидно. Она ми приповѣди, коимъ е начиномъ Швабриѣ нате-рао нѣи, да му издаду Марію Ивановну: како е Марія Ивановна плакала, и нѣе хотѣла съ нѣима растати се; како е Марія Ивановна съ нѣомъ разговарала се свакиѣ данъ преко Палаше (дѣвойке слободне, коя е и редовника наговарала да кадгодъ у свое свирале свира), како е она усавѣтовала Марію Ивановну да мени пише писмо и т. д. Я одъ мое стране искажемъ іой на кратко мою исторію. Попъ и попадія крестили су се, кадъ су чули, да е Пугачевъ извѣштень о нѣиной обмани. „Насъ е сила часногъ креста спасла!“ говорила е Акулина Панфиловна. „Проведи, Боже, тучу мимо насъ. — О Алексо Иваниѣу, заиста си и не-валяо човѣкъ.“ У само то магновенѣ врата се отворе и Марія Ивановна уѣе съ умилнымъ лицемъ. Она е сбацила свое селячко одѣло, и обукла се по преѣаншѣмъ обичаю у одѣло просто и чисто.

Я е узмемъ за руку, и дуго нисамъ могао нирѣ-чи проговорити. Срце намъ е куцало и мы смо обое ѣутали. Домаѣини наши осѣте, да они нису за насъ и оставе насъ. Мы останемо сами, све е было забора-вљѣно. Мы смо говорили, и нисмо се могли нараз-говарати. Марія Ивановна приповѣди ми све, што годъ се съ нѣомъ случило, одъ како е тврдиня узета. Описала ми е савъ ужасъ нѣногъ положая, сва пыта-ня, коима е ню гнусный Швабриѣ подвргнуо. Мы смо

споминяли и некадашнѣ среѣнно време Мы смо обое плакали Найпосле, я станемъ нѣой объяснявати мое намѣре. Оставити нѣо у тврдинѣи подвластной Пугачеву и управляной Швабриномъ, было е не могуѣно. Нисамъ другѣе могао мыслити ни о Оренбургу, кои е свѣма неволяма обсаде и скорой пропасти изложенъ быо. У нѣи нѣе было ни едногъ сродника на цѣломъ бѣломъ свѣту. Я іой представимъ, да иде куѣи мои родителя. Она се съ почетка размышлявала, плашеѣи се строгости отца мога. Я е ублажимъ. Я самъ знао, да ѣе мой отацъ за среѣу држати и да ѣе за дужность признати кѣеръ едногъ заслуженогъ войника примити, кои е за отачество погинуо. Мила Маріо Ивановна! речемъ іой найпосле, я те веѣъ поштуемъ за свою жену. Чудна обстоятельства насъ су неразлучно саюзила; ништа на свѣту насъ не може разставити. Марія Ивановна саслушала е мене просто безъ притворне страшливости, безъ измышлѣны одговора. Она е осеѣала, да е судьба нѣна была саеди нѣна съ моіомъ. Но она повтори, да другѣе не може бити моя жена, но само са сугласѣмъ мои родителя. И я іой нисамъ противорѣчію. Мы се полюбимо срдачно, и искрено — и такимъ начиномъ све е было меѣу нама сврѣено.

После едногъ сата редовникъ донесе мени пропустъ, подписанъ рукомъ Пугачева и позове ме къ нѣму, именовъ нѣговымъ. Не могу изяснити шта самъ осеѣао, раставляюѣи се съ тимъ ужаснымъ човѣкомъ, изродомъ, — зликовцемъ — за све, — осимъ мене едногъ. Зашто истину да не кажемъ? — У то магновенѣ сильно саучестіе вукло е мене къ нѣму. Я самъ здраво желіо извуѣи нѣга изъ средине злочинаца, коима е онъ предводительствовао, и спасти нѣгову главу, докъ е іоштъ време было. Швабринъ и народъ, гомилаюѣи се около насъ, сбуне мене исказати све, чимъ е напунѣно было мое срце.

Мы се растанемо дружески. Пугачевъ видеѣи у гомили Акулину Панфиловну, преѣаше іой прстомъ и значайно на нѣо намигне, после сѣдне у саонице. Заповѣди терати у Берду, и кадъ се конѣи крену, то онъ іоштъ еданпутъ исправи се у саоницама, и викне мени: „Праштайте, ваше благородіе! Видиѣемо се о-

петъ гдѣгодъ.“ Мы смо се заиста и видели, но у каквимъ обстоятелствима!.....

Пугачевъ оде. Я самъ дуго гледао на бѣлу пустиню, по којой су летиле нѣгове саонице. Народъ се разиђе. Швабринъ се сакріе. Я се вратимъ у кућу свештеника. За нашъ одлазакъ све е већъ было спремно; я нисамъ хотѣо више чекати. Добро наше све е было сложено у старе командантове путне саонице. Кочіяши за часъ ухвате конѣ. Марія Ивановна оде опростити се съ гробовима свои родителя, кои су чело цркве саранѣни были. Отацъ Герасимъ, и жена нѣгова, стояли су у ходнику. Насъ трое съидемо у саонице: Марія Ивановна съ Палашомъ и я. Савельићъ се скупил на облицу. „Прости, Маріо Ивановна, моя голубице! праштай Петре Андріевићу, соколе сивый!“ говорила е добра попадія. „Срећанъ вамъ путь, и срећни обое были!“ Мы пођемо. На прозору командантске куће смотримъ Швабрина. Лице нѣгово представляло е црну злобу. Я нисамъ хотѣо веселити се надъ низвргнутымъ непріятелѣмъ, и окренемъ очи на другу страну. Найпосле мы на капию изиђемо, и навѣкъ оставимо тврдиню Бѣлогорску.

Глава XIII.

Тавица.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему,

Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.

— Извольте, я готовъ; но я въ такой надежды

Что дѣло объяснить дозволите мнѣ прежде.

Княженинъ.

Составши се тако изненада съ миломъ мени дѣвойкомъ, о коіой самъ іошть тога истога ютра тако горко узнемиренъ быо, нисамъ вѣровао себи и мыслію самъ, да е све, што годъ се са мною збыло, само пусто сновиѣнъ. Марія Ивановна, замышлѣна, погледала е часъ на мене, часъ на путь, и виѣшаше се, као да се іошть ніе освѣстила и къ себи дошла. Мы смо ѣхали. Срдца су наша еднако была уморна. Мы и не примѣчаваючи, после едно два сата, видимо се уеданпутъ близу тврдинѣ, такоѣе подвластне Пугачеву. Мы овдѣ промѣнимо конѣ. По брзини, коіомъ су ове упрезали, по прилѣжной услужливости брадатого козака, кога е Пугачевъ за команданта поставіо, я примѣтимъ, да су мене, хвала тороканю кочіяша, кои насъ е возіо, предусрѣтали као придворного любимца.

Мы поѣмо далѣ. Почне се смрковати. Мы се приближимо тврдинѣици, гдѣ се, порѣчма брадатогъ команданта, налазаше силна войска, која е ишла да се са самозванцемъ саедини. Мы будемо стражомъ зауставлѣни. На пытанѣ: ко путуе? кочіяшъ громогласно одговори: „господаровъ кумъ са своіомъ домащицомъ.“ Одма насъ гомила хусара обколи са ужасномъ викомъ. „Силази се ѣаволскій куме!“ рече

мени бркатый вахмистеръ. „Вѣтъ ты нешъ доѣи у
бувару, и съ твоіомъ домаѣицомъ!“

Я се сиђемъ са саоница и кажемъ ѿмъ, да ме одведу къ нѣиномъ начелнику. Видѣѿи офицѿра, войници престану вѿкати. Вахмѿстеръ поведе ме къ маіору. Савельѿиѿ одъ мене не оѿаѿаше, поговараюѿи у себи: „Ето ти и господаревъ кумъ! Изъ єднога зла у горе Господѿи владѿико! какавъ ѿе ово-ме быти край?“ Саонице полагаѿано поѿу за нама.

За петъ минута дођемъ къ кући, која є здраво освѣтлена была. Вахмистеръ остави мене подѣ стражомъ, а онъ оде да о мени яви. Онъ се тай часъ врати казавши ми, да ће нѣгово высокоблагородіе мене у свое време примити, а садъ є заповѣдіо, да ме подѣ затворъ, а домаћицу къ нѣму одведу.

— Шта є то? — викнемъ я у ярости. Вальда
ніє съ ума сишао?

„Не знамъ, ваше благородіє,“ одговори вахмистеръ. „Нѣгово высокоблагородіє заповѣдило є, да ставимъ ваше благородіє подъ стражу, а нѣно благородіє да одведемъ къ нѣговомъ высокоблагородію, ваше благородіє!“

Я се устремимъ на врата. Стражари и нису хтѣли мене задржавати, я управо утрчимъ у собу, у коіой су шесть офицера играли карте. Маіоръ е давао банкъ. Каково е было мое изумлѣнѣ, кадъ, погледавши на нѣга, познамъ Ивана Ивановича Зурина, кои е мене у симбирской гостіоници негда надиграо!

— Е ли можно? викнемъ я. Иванъ Ивановичъ!
еси ли ты?

„Ба, ба, ба, Петре Андрієвићу! хоћешъ ли узети карту?“

— Благодаримъ. Болѣ, заповѣди, да ме на конакъ одведу.

„Нашто ти конакъ? Остани кодъ мене.

— Не могу: я нисамъ самъ.

„Па доведи овамо и друга.“ и в 99. 6д. 6М

— Я нисамъ съ другомъ; я самъ... съ го-
спофомъ.

„Съ госпођомъ! А гдѣ си є уловио? Ехе, брате! (При овима рѣчма Зуринъ тако изразително зазвжди, да су се сви засмѣjali а я се савршено смутимъ.)

„Но“ продужи Зуринъ; „таки ће бити! Добы-
ћешъ конакъ. Но жао ми е Мы бы се прове-
селили по старомъ Хей кепече! А што овамо не
доведе те и ту куму Пугачева? можда се она стыди?
Кажу іой, да се не бои: господинъ е учтивъ, неће е
ничимъ увредити, само е малко загрлити.“

— Шта ты то велишъ? речемъ я Зурину. Ка-
ква кума Пугачева? То е кѣи покойногъ капетана
Миронова. Я самъ е избавіо изъ робства, и садъ е
водимъ на добро отца мога, гдѣ ѣу е и оставити.

„Како! Та мени су тако овај часъ о теби ка-
зали? Молимъ, шта то значи?“

— После ѣу ти све казати. А сада, Бога ради,
молимъ те, умири несрећну дѣвойку, коју су твои ху-
сари уплашили.

Зуринъ се одма дигне. Изиде самъ на улицу,
извини се предъ Маріомъ Ивановномъ доста слаби-
мъ изражајма, и заповѣди вахмистру да е у најлѣпшій
у граду конакъ одведу. Я останемъ за ту ноћ кодъ
нѣга.

Мы вечерасмо, и кадъ сами останемо, приповѣ-
димъ му све мое догађае. Зуринъ е мене съ внима-
нѣмъ саслушао. Кадъ я свршимъ а онъ мане главомъ
и рече: „То е, брате, добро; но едно нѣ добро: кои
те врагъ натента да се женишъ? Я самъ поштенъ
офицеръ, я тебе обманѣвати нећу; но вѣруй ты ме-
ни, да е женидба будалаштина. Куда ћешъ са же-
номъ, шта ћешъ съ дѣцомъ? Ей младости, лудости!
Послушай ты мене: одпусти ты капетанову кѣеръ.
Путь е у Симбрскъ безопасанъ. Я самъ га очистио.
Пошли е у јутру саму къ родитѣљима твоима; а ты
остани у мојој войсци. У Оренбургъ немашъ се на што
враћати. Можешъ опетъ пасти у руке бунтовници-
ма, а едва си се сада нѣи избавіо. У томъ ће
проћи и тебе ватра любви, и све ће бити ладно.“

Ма да се я и нисамъ съ нѣимъ у свему сугла-
шавао, опетъ самъ осећао, да е часть моя изиски-
вала, да се у войсци императрице наћемъ. Я най-
после одобримъ савѣтъ Зурина: да пошлѣмъ Марію
Ивановну къ моима родитѣљима, а я да останемъ у
нѣговой войсци.

Савельић дође да ме свуче; я му явимъ, да се спреми на путь, и да ће сутра съ Маріомъ Иваномъ одлазити. Онъ се као зачуди. „Шта є то-господине? Како бы я тебе оставіо? Ко ће за тобомъ ићи? Шта ће рећи родители твои?“

Знаюћи упорство старца мога, намыслимъ добротомъ и искренности обманути га. Друзе мой, Архипе Савельићу! речемъ му я. Не одреци ми, буди ми благодѣтель, послуга овдѣ мени оскудѣвати неће, а я нећу быти спокоянъ, ако Марія Ивановна безъ тебе на путь пође. Узслушашъ ли ню, слушаћешъ и мене, зато, што самъ се я тврдо рѣшио, ню, како обстоятелства допусте, себи за жену узети.

Тада се Савельић плѣсне рукама у неописаномъ удивлѣнію. „Оженити се!“ говораше онъ. „Дѣте хоће да се ожени! А шта ће рећи отаць, а шта ће мати казати?“

Дозволиће, заиста дозволиће, одговоримъ я, кадъ познаду Марію Ивановну. Я се уздамъ и у тебе. Отаць и мати теби ће вѣровати; ты ћешъ за насъ добру рѣчь рећи; хоћешъ ли?

Стараць є быо тронутъ. „Охъ, баћушко мой Петре Андрієвићу!“ одговори онъ. „Истина да си се ты рано науміо женити: но Марія Ивановна тако є добра, да є грѣхота ту прилику пропустити. Нека буде по вољи твоіой. Одвешћу є, анђела божія, и робски казаћу твоимъ родителямъ, да такой невѣсти и не треба мираза.“

Я благодаримъ Савельићу, и за ову ноћ останемъ на конаку кодъ Зурина. Я доћемъ у ватру и упустимъ се у великій разговоръ. Зуринъ се съ почетка са мноомъ радо разговарао; но мало по мало ставе реће говорити; наипосле у мѣсто одговора на какво пытанъ, онъ захрчи и заспи. Я ућутимъ и на скоро по примѣру нѣговомъ учинимъ.

Другій данъ у ютру одемъ къ Маріи Ивановной. Я іой кажемъ, шта самъ намыслио. Она то за добро нађе и тай часъ са мноомъ сугласи се. Войска Зурина морала є іоштъ тай данъ изъ града изићи. Ништа се ніє могло чекати. Я се ту растанемъ съ Маріомъ Ивановномъ, препоручимъ є Савельићу, дамъ іой писмо на мое родителѣ. Марія Ивановна пла-

кала є. „ Съ Богомъ, прашай Петре Андрієви-
ћу;“ рече она тихимъ гласомъ. „ Хоћемо ли се кад-
кадъ видети или не: то самъ еданъ Богъ зна; но я
никако на тебе заборавити нећу: до гроба ћешъ мога
ты остати у момъ срцу.“ Я ништа нисамъ могао од-
говорити. Люди су се око насъ искупили. Я нисамъ
се хтѣо предъ нѣма предати чувствима, која су мене
трзала. Найпосле она оде. Я се вратимъ къ Зурину,
смућенъ и ћутећи. Онъ хѣаше да ме развесели, я
самъ и самъ то желію, мы проведемо данъ у разго-
вору и шали, а у вече кренемо се на походъ.

То є было съ концемъ Фебруара. Зима, која є
затрућавала воєно напредованъ, пролазила є, и наши
ћенерали спремали су се къ узаямномъ дѣйствованю.
Пугачевъ є све єднако іошть стаяо подъ Оренбур-
гомъ. Међутимъ около нѣга войске су се саєдинява-
ле и са свію страна къ гиѣзду злочинаца приближа-
вале. Бунтовничка су села, видећи нашу войску,
предавала се, чете разбойника свуда су испредъ насъ
бѣжале, и све є предсказивало брзый и срећный
край.

На скоро кнезь Голицинъ, подъ тврдиньомъ Та-
тишчевой, разбіє Пугачева, растера нѣгове чете, О-
ренбургъ ослободи, и чиняше се, да є бунту послед-
ный и рѣшительный ударъ задао. Зуринъ є былъ у то
време одрећенъ противъ чета башкирски бунтовни-
ка, кои су се пре разбѣгли, него што смо їй мы
видили. Пролеће насъ затече у селу Татарской. Рѣ-
ке се разлію, и путови направи се непроходнима. Мы
смо се тѣшили у нашої беспослености мысли, да ће се
што скоріє ова крвава и жалостна война съ разбой-
ницама и дивляцима прекинути.

Но Пугачевъ нїє былъ ухваћенъ. Онъ се пока-
же кодъ симбирски залива, скупилъ тамо нове чете, и
на ново започне злочинства своя. Гласъ о нѣго-
вымъ успѣсима на ново се распространи. Мы дозна-
мо да є разорена тврдиня Симбирскъ. На скоро гласъ
о узећу Казана и о походу самозванца на Москву у-
плаши начелнике воинства, кои су безконечно дрема-
юћи у надежди презирали безсилность бунтовника.
Зуринъ добыє налогъ да пређе преко Волге.

Нећу описивати нашъ походъ и окончанъ вой-
не. У кратко ћу казати, да е неволя наша долази-
ла до највеће крайности. Правлѣніе было етсвуда
укинато; жители сакривали су се по шумама. Че-
те разбойничке свуда су злочинствовале; начелници
вобны одѣлѣня самовластно су казнили и помилова-
вали; станъ цѣлога пространога предѣла, гдѣ е сви-
рѣпствовао пожаръ, было е ужасно. . . . Недай
Боже! Руси више овакы безсмислены и безште-
дны побуна!

Пугачевъ е бѣжао. Нѣга е тоіо Иванъ Ивановичъ
Михельсонъ. Брзо се мы извѣстимо, да е онъ савр-
шено разбіенъ. Найпосле Зуринъ добые извѣстіе, да
е самозванацъ ухваћенъ, и тимъ скупа заповѣсть, да
се далъ не креће. — Я самъ скакао као дѣте. Зуринъ
се смѣао, и слежући раменима говорио: „Ты се
справляшъ за женидбу — но каяћешъ се.“

Но међутимъ особито неко чувство тровало е мо-
ю радость: мысао о зликовцу, обрзганомъ крви то-
лико невинны жертва, и о казни, коя га е очекивала,
мене е врло смућавала: Емелю, Емелю! мысліо самъ
я тужећи, зашто се не натаче на какавъ баіонетъ,
или не подвргну се подъ какавъ картачъ? Ништа
одъ тога боль за тебе не бы было. А шта ћешъ са-
да радити? Мысао о нѣму не разлучна е была у ме-
ни съ мысли о поштеди, съ коіомъ е онъ мене, у е-
дномъ одъ ужасны у животу нѣговомъ магновеня,
предусрѣо, и о избавлѣнію мое невѣсте изъ руку
гнусногъ Швабрина.

Зуринъ ми даде одпустъ. За неколико дана мо-
гао самъ се я опетъ наћи у средини мое породице, и
видити опетъ мою Марію Ивановну Но уе-
данпутъ ме неочекиванный громъ порази.

У онай данъ, кои самъ одредіо за мой одлазакъ,
у само то магновенъ, кадъ самъ се спремао, да се на
путь кренемъ, Зуринъ уђе къ мени у собу, држећи у
рукама артию, съ изгледомъ особито замышлѣнымъ.
То се косне срца могъ. Я се уплашимъ, самъ не
знаюћи одашта. Онъ оправил на полъ мога послу-
жителя и яви ми, да са мною има посла. Каквогъ?
— запытамъ га я узнемиренъ. — „Мала незгода“
рече онъ, пружаюћи ми артию. „Прочитай што самъ

овай часъ добыю.“ Станемъ читати: то е была заповѣсть на начелнике свою одѣлѣня, да мене у тавницу ставе, ма гдѣ да ме наѣу, и безъ оклевана у Казанъ подѣ стражомъ изслѣдователной комисіи оправе, коя е одреѣена была у послу Пугачева.

Артія мало ми не испаде изъ руке: „А шта знашь!“ рече Зурину. „Морашъ се повиновати. Безъ сумнѣ, морало е правителство о твоѣмъ пріятельству съ Пугачевымъ и о путованю съ нѣимъ како тако дочути. Но я се надамъ, да стварь ова никаква зла слѣдства имати неѣе, и да ѣешь се ты предѣ комисіомъ оправдати. Не бой се, па полази.“ Савѣсть е моя была чиста, я се суда бояо нисамъ: но мысао, да ѣу любезну мою може быти текъ после неколико іоштѣ мѣсецій видити — мене е устрашавала. Подвозъ е быо готовъ. Зуринъ се са мноѣмъ пріятельски опрости. Мене посаде на кола. Са мноѣмъ сѣдну два хусара съ голема сабляма, и я поѣемъ великимъ друмомъ.

Г л а в а XIV.

Судъ.

Мірская молва —
Морская волна.

Пословица.

Я самъ знаю, да самъ найвише зато быо кривъ, што самъ самовольно изъ Оренбурга отишао. Но я самъ се лако могао оправдати. Поединце на непріятеля изилазити, не само да ніе было забранъно, но іошть свима силама было е ободравано. Я самъ могао быти окривлѣнь за мою прекомѣрну наглость, а не за непослушность. Могао самъ и зато доћи у велико подозрѣнь, ако доказано буде, што самъ се више пута съ Пугачевымъ састаяо, а то су многи видели. На цѣломъ момъ путу мысліо самъ о чему ће ме пытати, и рѣшимъ се предъ судомъ иска-зати праву истину, надаюћи се, да ѣу се текъ тимъ само единымъ начиномъ оправдати и спасти моћи.

Доѣмъ у Казанъ, кои е быо опустошенъ и погорѣо. По улицама, у мѣсто домова, лежало е у гомилама углѣвлѣ, и подизали су се очаѣени зидови кућа безъ крова и прозора. Ово су были трагови, ков е Пугачевъ иза себе оставіо. Мене одведу у тврдиню, цѣлокупну, у средъ погорѣлогъ града. Хусари предаду ме стражареѣму официру. Онъ заповѣди, да се ковачъ доведе. На ноге ми метну путо и окую ме. После ме одведу у тавницу и оставе ме самогъ у одной тесной и мрачной собурини, меѣу голимъ стѣнама и съ единымъ прозорчиѣмъ, затворенымъ гвоздеомъ решеткомъ.

Таковий почетакъ ніе мени никакво добро предсказивао. Но я зато не изгубимъ надежду, и не дођемъ у очаянѣ. Я прибѣгнемъ къ утѣхи, коіой сви несређни прибѣгаваю: помолимъ се Богу съ чистымъ срцемъ и мирно заснимъ, не мыслии шта ће са мною быти.

Сутраданъ тавничный стажаръ мене разбуди, и яви ми, да ме зову у комисію. Два войника одпрате ме преко авліе у командантову кућу, зауставе се у предсобіици, а еданъ одъ нѣи оде унутра.

Я уђемъ у салу доста широку. За столомъ, покривенымъ артіяма, сѣдила су два човѣка, старый ѣнераль, изгледа строгаго и ладнокрвнаго, и младый гардійскій капетанъ, око двадесетъ и осамъ година, лѣпе споляшности, хитаръ и слободанъ у саобраштенію. Кодъ прозора сѣдіо е секретаръ за особитымъ столомъ съ перомъ за увомъ, нагнутъ на артію, готовъ записивати мое рѣчи. Почне се испытъ. Мене запытаю како се зовемъ и шта самъ? ѣнераль запыта, да ли самъ я сынъ Андриѣ Петровића Гринева? И на мой одговоръ рече сурово: „Ште-та, што тако поштенъ отаць има тако не достойногъ сына!“ Я спокойно одговоримъ: да се, ма како да су тужбе противъ мене велике, надамъ, да ћу се истинитима одговорима моима оправдати и опрати. Увѣраванъ мое нѣму се не допадне. „Ты си братаць брзъ,“ рече онъ мени намргођенъ; „но видели смо мы и таковы.“

Тада ме онай младый човѣкъ запыта: каквымъ случаемъ и у коѣ самъ доба стао у службу кодъ Пугачева, и у каквима е службама онъ мене употре-лявао?

Я съ негодованѣмъ одговоримъ, да я као офи-цирь и дворанинъ ни у какву службу кодъ Пугачева ступити и никакве дужности одъ нѣга примати ни-самъ могао.

„Но како,“ прослови мой испытатель, „двора-нинъ и офицеръ бы поштеђенъ одъ самозванца, кадъ е онъ у исто време све нѣгове другове безсрамно по-тукао? Како се истый тай офицеръ и дворанинъ части съ бунтовницама, прима одъ главногъ злочин-ца дарове, бунду, коня и новце? Одъ куда е прои-

зишло тако страно пріятельство, и на чему є оно основано, є ли на издайству, или по крайньої мѣри на гнусной и преступной малодушности?“

Я самъ было здраво ожаловѣнъ рѣчма гвардійскогъ офицера, и съ ватромъ поченемъ се правдати. Я самъ казиваю, како се почело мое познанство съ Пугачевымъ у пустыни, како ме є при узеѣу тврдинѣ Бѣлогорске познао и поштедіо. Я покажемъ, да є истина, да самъ безсавѣстно учинію, што самъ бунду и коня примію, но да самъ тврдию Бѣлогорску до последнѣ крайности бранію. Найпосле, я се позволю и на мога генерала, кои засвѣдожити може мою усрдность у време опасне обсаде Оренбурга.

Строгій стараць узме са стола отворено писмо и стане га на гласъ читати:

„На пытанѣ ваше преузвышености у обзире прапорщика Гринева, є ли онъ умѣшанъ у овдашнѣ побуне, и є ли одлазіо на састанакъ къ зликовцима, служби не дозвольный, и дужности заклетве противный, обяснити имамъ часть: истый прапорщикъ Гринева налазіо се у служби у Оренбургу одъ почетка Октября 1773. године до 24. Фебруара ове године, у кои є данъ онъ изъ града отишао, и одъ то доба нѣ се више у моіой командѣ появіо. А чує се одъ добѣгши, да є было кодъ Пугачева на селу, и съ нѣмъ да є одма отишао у тврдиню Бѣлогорску, у коіой є пре у служби налазіо се; што се тиче нѣговогъ владаня, то я могу...“ Ту прекине свое читанѣ и рече ми сурово: „Шта ћешъ садъ рећи на твое оправданѣ?“

Я самъ хотѣо продужити, као што самъ почео, и обяснити мою свезу съ Маріемъ Ивановномъ, тако искрено, као и све остало. Но уеданпутъ сѣтимъ се, да то неће бити добро. Мени дође у главу, ако нѣ споменемъ, то ће и нѣ комисія позвати на одговоръ, име ће нѣно међу именима гнусны злочинаца записано бити и она ће сама съ нѣма очи на очи изићи морати — та ужасна мысао тако мене порази, да се смутимъ и забунимъ.

Судіє мое, почевши, чиняше ми се, саслушавати одговоре мое съ некомъ благонаклоности, буду на ново предубѣђени противъ мене, видећи мою смутню.

Гвардійскій офицеръ рече, да ме изведу очи на очи са главнымъ обтужителѣмъ моимъ. Генералъ заповѣди довести *синохизъ* злочинца. Я се са живости окре- немъ къ вратма, очекујући долазакъ мога тужи- теля. За неколико тренућа загрме окови, врата се отворе, и уђе — Швабринъ. Я се зачудимъ нѣго- вой промѣни. Онъ е было страшно слабъ и бледъ. Коса нѣгова, не давно црна као смола, сасвимъ е о- сѣдила: широка брада нѣгова была е замршена. Онъ повтори обтуженя своя слабымъ но постояннымъ гла- сомъ. По нѣговимъ рѣчма, я самъ одъ Пугачева было по- сланъ у Оренбургъ за шпіуна; да самъ свакій данъ изила- зю на битку и предавао му писмена извѣстія о свему, шта се у граду ради; да самъ се наипосле явно предао самозванцу съ нѣимъ ишао изъ тврдинъ у тврдиню тру- діо се свакояко свое друштво у погибель довести, да бы нѣина мѣста заузети, и наградама, коя е самозва- нацъ раздавао, ползовати се могао. Я самъ саслуша- о нѣга ѣутећи и было самъ доволянъ еднымъ, што име Маріе Ивановне гнусный зликовацъ изустіо ніе; можда зато, што е у срцу нѣгово мѣ тиняла искра истога чу- ства, кое е и мене у ѣутаню задржавало, — но то макако да е было, име кѣри бѣлогорскога команданта ніе было произнешено у присуствѣ комисіе. Я се у- тврдимъ іошть болѣ у момъ намѣреню, и кадъ су ме судіе пытали: чимъ могу опровергнути доказиваня Швабрина, я одговоримъ, да се држимъ првога мога изяснѣня, и ништа друго за оправданѣ мое казати не могу. Генералъ заповѣди насъ извести. Мы изиѣ- мо одма. Я спокойно погледимъ на Швабрина, но не проговоримъ му ни рѣчи. Онъ се злобно насміе, при- хвати свое окове, претече мене и ускори свое кора- ке. Мене опетъ одведу у тавницу, и одъ то доба нису ме више испытывали.

Я нисамъ было очевидацъ свега, о чему бы ми требало читателя обавѣстити; но я самъ тако често о томъ приповѣдке слушао, да су се и найманъ по- дробности у мою память урезивале, и као да ми се чиняше, да самъ я свуда не видимо присуствовао.

Марію Ивановну са искренности, съ коіомъ су се люди стары времена одликовали, мои родительи приме. Они су видели благодать божію у томъ, што

су имали прилику усвоити и уродити несрећну сироту. Они се съ нѣомъ брзо сроде, зато, што нѣе можно было нѣю познавати, а не любити е. Моя любовъ къ нѣой моме се отцу већъ не чиняше да е лакомысленость — — — а мати е то и желила, да се Пера нѣнъ съ лѣпомъ капетановомъ ћеркомъ ожени.

Гласъ да су ме затворили, порази сву мою породицу. Марія Ивановна тако е просто исказала момѣмъ родителѣма чудно познанство мое съ Пугачевымъ, да е то не само нѣи ублажило, већъ су се они јоштъ томе изъ чистога срца сміяли. Отацъ нѣе могао вѣровати, да самъ се я могао у гнусно бунтовничко друштво умѣшати, кое е намѣравало низвергнути престолъ и истребити племе дворанско. Онъ е строго испитивао Савельића. Старацъ нѣе утаяо, да е нѣговъ младый господинъ бивао у гостима кодъ Емилька Пугачева, и да е зликовацъ милостивъ био према нѣму; но заклиняо се, да онъ ни за какво издайство чуо нѣе. Стари се ублаже, и съ нестрплѣнѣмъ добаръ гласъ очекиваху. Марія Ивановна врло е была ожалостѣена, но ћутала е; ерѣ е одвећъ была стыдљива и пазљива.

Прође неколико недѣля Уеданпутъ добѣе отацъ изъ Петербурга писмо одъ нашега сродника кнеза * * *. Кнезъ е нѣму писао о мени. После обичнога почетка, онъ му явля, да су подозрѣня на мене, да самъ се съ бунтовницима подразумѣвао, на несрећу, освѣдочена, да бы мене примѣрна казань постигла была, но да е государиня, уважаваюћи за слуге и године отца, рѣшила се помиловати преступнога сына, и избавляюћи нѣга одъ смртне казни, осудила га е само у удалѣный край Сибира на вѣчито заточенѣ.

Овай не очекиванный ударъ у мало што мога отца убио нѣе. Онъ изгуби обично свое постојанство и тугованѣ нѣгово (обично нѣмо) изливало се у горкима уздисаима. „Шта!“ говорае онъ изванъ себе. „Сынъ мой учествовао у умышляима Пугачева! Боже праведный, шта самъ дочекао! Государиня избавля га одъ казни! Е ли тимъ мени што лакше? Казань нѣе страшна: мой прадѣдъ умро е у битки, до последнѣга конца живота свога доказуюћи, да е по-

штовао свою савѣсть за светиню; и отаць мой постра-
дао е такође съ Волинскимъ и Хруштевымъ. Но дво-
ранинъ да нѣ вѣранъ своіой заклетви, да се савдини
съ разбойницима, съ убицама, съ бѣгуначкимъ проста-
цима! . . . Стыдъ и срамъ нашему роду! — Уплаше-
на нѣговымъ очаянѣмъ мати нѣ смѣла предъ нѣмъ
плакати и старала се како ће га ободрити, говорећи
да нѣ истина што се о мени мысли и што се о ме-
ни говори. Отаць мой быо е неутѣшанъ.

Марія Ивановна мучила се вѣhma одъ своіу. Бу-
дући увѣрена да самъ се я могао оправдати, да самъ
само хотѣо, нагађала е она истину, и држала е се-
бе са виновницю мое несреће. Она е сакривала одъ
своіу свое сузе и страданя, а међутимъ непрестано
мыслила е о средствима како ће мене спасти.

Еданпутъ у вече отаць е сѣдѣо на диванани,
преврћући листове придворногъ календара, но мысли
нѣгове были су далеко, и садашнѣ читанѣ нѣ произ-
водило надъ нѣмъ обичногъ свогъ дѣйства. Онъ е
звиздућкао старинскій маршъ. Мати ћутећи плела
е, сузе су кадкадъ капляле на нѣнъ посао. У едан-
путъ Марія Ивановна, коя е ту за своимъ посломъ
сѣдила, рече, да е не обходима нужда приморава у
Петрбургъ ићи, и да моли да е каквомъ приликомъ
тамо пошлаю. Мати се здраво ужасне и рече: „А
шта ћешъ ты у Петрбургу? . . . Заръ хоћешъ и ты
Марію Ивановна да насъ оставишь?“ Марія Иванов-
на одговори, да сва будућа судьбина нѣна зависи одъ
овогъ пута, да она као кћи човѣка, кои е за вѣр-
ность свою пострадао, иде искати покровительства и
помоћи у силны людій.

Отаць мой спусти главу: свака рѣчь, коя е нѣ-
га на мнѣ кривицу сына нѣговогъ опоминяла, бы-
ла му е досадна, и као бичъ за нѣга. „Иди любезна!“
рече онъ нѣойзи, уздишући. „Мы твоіой срећи прези-
поне правити нећемо. Дао ти Богъ за младоженю
доброгъ човѣка, а не обезчашћеногъ издаицу.“ Онъ
устане и изиђе напољъ.

Марія Ивановна оставши сама съ матеромъ, одъ
чести одкрѣіой своя намѣреня. Мати е моя плака-
ла, и молила е Бога да она срећно намѣру своіу ка
концу приведе. Марію Ивановну съ потребнимъ

стварма снабдѣду, и после неколико дана крене се она на путъ съ вѣрномъ Палашомъ и вѣрнымъ Савельиѣмъ, кои, силомъ одъ мене раставлѣнъ, тѣшю се по крайнѣй мѣри мысли, да служи нареченой моѣй невѣсти.

Марія Ивановна среѣно доѣе у Софію и дознавши, да се дворъ у то време у Царскомъ Селу налази, рѣши се ту остати. Ню одведу на конакъ у еданъ рогаль за преградкомъ. Жена надзирателя съ нѣомъ се одма упозна и каже іой да е она сродница придворногъ едногъ пеѣара и да се посветила у свѣ тайне придворногъ живота. Она е казивала, у кои сать государиня обично устае, каву пѣе, прохаѣа се, шта е изволила синоѣъ сама за трапезомъ говорити; кога е у вече къ себи пуштала; еднимъ словомъ Ана Власѣвна была е одъ неколико листовъ списакъ историчкѣй, кои бы драгоцѣнъ за потомство быти могао. Марія Ивановна слушала е ню съ вниманѣмъ. Оне оду у башту. Ана Власѣвна казивала е исторію свакогъ редосада и свакога мостиѣа, и кадъ се доста находаю, оне се врате на станиште, една съ другомъ врло задовольна.

Другѣй данъ у ютру рано Марія Ивановна устане, обуче се и полагаю оде у башту. Ютро е было лѣпо, сунце е освѣтлявало врхове липа, кое су веѣъ одъ ладнѣгъ воздуха есенѣгъ жутити почеле. Широко езеро блистало се непокретно. Лабудови, покоемъ ноѣи одморни, гордо су запливавали исподъ кршя брегъ осѣняваюѣа. Марія Ивановна ишла е краемъ прекрасне шумице, у коіой текъ што е дигнутъ быо споменикъ у славу скорашнѣй побѣда грофа Петра Александровиѣа Румянцева. У еданпутъ едно бѣло мало англѣйско псетанце залае и потрчи нѣой на сусрѣтъ. Марія Ивановна уплаши се и стане. У то исто тренуѣе чу се прѣятный женскѣй гласъ: „Не бой се, неѣе уести.“ И Марія Ивановна види госпу сѣдеѣу на клупици спроѣу споменика. Марія Ивановна сѣдне на другѣй край клупице. Госпа е ню милостиво погледала; а Марія Ивановна, одъ свое стране неколико путѣй косо погледавши е, мѣрила е очима одъ ноге до главе. Она е имала на себи бѣлу хальину, спаваѣу капу и ѣуракъ. Виѣаще се да има око четрдесетъ година. Лице нѣно пуно и

румено изражавало в достоинство и спокойство, а плаве очи и лакій насмѣхъ имали су преластъ не изяснивѣу. Госпа прва прекине ѣутанѣ.

„Вы безъ сумнѣ нисте одавдѣ?“ рече она.

— Тако е: я самъ текъ синоѣ дошла изъ провинціе.

„Вы сте дошли съ вашимъ родительма?“

— Не. Я самъ дошла сама.

„Сама! Но вы сте іоштъ млада?“

— Я немамъ ни отца ни матере.

„Вы овдѣ безъ сумнѣ морате посла имати?“

— Имамъ. Я самъ дошла да поднесемъ прошію государинѣи.

„Вы сте сирота; безъ сумнѣ, вы се тужите на неправду и обиду.“

— Не. Я самъ дошла милости молити, а не правосудіа.

„Дозволите ми пытати, ко сте вы?“

— Я самъ кѣи капетана Миронова.

„Капетана Миронова! онога истога, што в было командантомъ у одной одъ оренбургки тврдия?“

— Тако е.

Госпа виѣаше се, да е была тронута. „Опростите ми,“ рече она іоштъ умилніимъ гласомъ, „што се я мѣшамъ у вашъ посао; но я се налазимъ при двору: изясните мени, у чему се састои ваша молба, и може быти да ѣу вамъ моѣи помоѣи.“

Марія Ивановна устане и съ поштованѣмъ благодарііой. Къ непознатой госпи привлачило в ню сердце нѣно, и уливало повѣренѣ. Марія Ивановна извади изъ нѣдара смотану хартію и пружи е непознатой своіой покровительщици, коя га стане читати за себе.

Съ почетка читала е она по видимомъ вниमतелно и съ благимъ срцемъ, но уѣданпутъ лице се нѣно промѣни — и Марія Ивановна, коя е очима на сва нѣна движеня сматрала, уплаши се одъ строгога израженя лица тога, кое е пре єднога тренуѣа тако пріятно и спокойно было.

„Вы молитє за Гринева?“ рече госпа ладнокрово. „Императрица не може нѣму опростити. Онъ се придружіо къ самозванцу не изъ незнаня и лако-

мыслености, но као развраћеный, и опасный невалялацъ.“

— О, неправде! — рече мало яснѣ Марія Ивановна.

„Како, неправде!“ прослови госпа, сва зажарена.

— Неправда, Богъ е свѣдокъ, неправда! Я знамъ све, и све ѣу вамъ казати. Онъ се мене ради подвергао свему, што га е постигло. И што се онъ предъ судомъ оправдао нѣ, то се зато збыло, што мене нѣ хотѣо ту мѣшати. — Ту она съ ватромъ приповѣди све, што е већъ познато моме читателю.

Госпа е саслушала съ вниманѣмъ. „Гдѣ сте се настанили?“ запыта она после; и чувши, да кодъ Ане Власѣвне, проговори смѣшећи се: „А, знамъ! молимъ, не казуйте никомъ о нашемъ састанку. Я се надамъ, да вы нећете за дуго очекивати одговора на ваше писмо.“

Съ тима рѣчма она устане и оде у густый редосадъ дрва, а Марія Ивановна врати се къ Ани Власѣвной, пуна радостне надежде.

Домаћица е жалила ню, што е она тако рано изъ собе изишла, говорећи, да е то убитачно за здравль млады дѣвояка, особито сада у есенъ време. Она донесе самоваръ, и после чаше чая, текъ што почне историю безъ края и конца о двору, кадъ, уѣданпутъ, дворске каруце стану предъ ходникомъ, и собный служитель уѣе съ объявлѣнѣмъ, да е государиня изволила къ себи позвати дѣвойку Миронову.

Ана Власѣвна зачуди се и насмѣе се. „Ахъ ты Господи!“ викне она. „Государиня зове васъ у дворъ. Како е она за васъ дознала? Како ћете вы господична отићи предъ императрицу? Вы, я се плашимъ, ни ући нећете знати по придворномъ обичаю Нећу ли я съ вама ићи? Тако да, я ѣу васъ буди у чему предохранити. И како ћете вы ићи у путномъ одѣлу? Хоћемо ли послати бабици по нѣну жуту мараму?“ Служитель яви, да ће государинѣи угодно быти, ако Марія Ивановна оде сама, и у томъ, у чему се нашла. Другачѣе нѣ могло быти. Марія Ивановна сѣдне у каруце и поѣе у дворацъ, спровођена савѣтима и благословима Ане Власѣвне.

Марія Ивановна осећала є напредъ рѣшенъ наше судбе; срце є нѣно силно у грудима нѣнимъ било. За неколико минута каруце стану предъ дворцемъ. Марія Ивановна са страхомъ пође по степенима. Врата се предъ нѣомъ отворе на двое, она прође крозъ многе празне великолѣпне собе, собный служитель показиваше іой путь. Наипосле дође она къ затворенымъ вратма, онъ іой каза, да ће є овай часъ пріавити, и остави є саму.

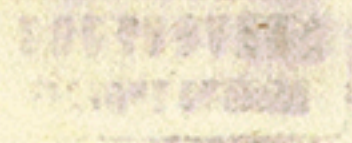
Мысао да ће видити императрицу и да ће предъ ню лично изићи, тако є уплаши, да се она єдва на ногама држати могаше. За єдно тренуће врата се отворе, и она у собу государинъ уђе.

Императрица сѣдила є за своимъ туалетомъ. Ню су неколико одъ придворны великаша окружавали, кои съ почасті пропусте Марію Ивановну. Государиня іой се умилно окрене, и Марія Ивановна позна у нѣой ону госпу, коіой се она онако искрено пре неколико магновеня исповѣдила. Государиня зовне є и рече іой: „Я се радуємъ, да самъ могла дану вамъ рѣчь одржати и испунити вашу прошню. Дѣло є ваше свршено. Я самъ извѣштена о невиности вашего младоженъ. Ето вамъ писмо, кое ћете сами морати однети вашимъ будућемъ свекру.“

Марія Ивановна прими писмо съ дрѣхућомъ рукомъ, и заплакавши се падне къ ногама императрице, која є дигне и полюби. Государиня се съ нѣомъ дуго разговарала. „Знамъ да вы нисте богата“ рече она; „но я самъ дужна кѣри капетана Миронова. Не старайте се за будућность. Я ћу се старати да уредимъ ваше станъ.“

Излюбивши несрећну сироту, государиня є одпусти. Марія Ивановна врати се у истима придворнима каруцама. Ана Власѣвна нестрпљиво дочекавши да се поврати, загушивала є питањима, на која є Марія Ивановна одговарала коекако. Ана Власѣвна, ма да и ніе была задовольна съ нѣнимъ збунѣнимъ одговорима, но она є то приписивала провинціальной простоти, и праштала іой великодушно. Истый данъ Марія Ивановна, не марећи да се по Петербургу прође, натрагъ се врати у село

Овдѣ престаю записци Петра Андрієвића Гринева. Изъ породичны преданія извѣстно є, да є онъ было пуштенъ изъ сужанства съ концемъ 1774. године, но и онъ є морао по заповѣсти присуствовати при казни Пугачева, кои є нѣга у гомили познао и главомъ на нѣга мануо, коя за магновенѣ мртва и окрвавлѣна показана є была народу. На скоро затимъ Петаръ Андрієвићъ вѣнча се съ Маріємъ Ивановномъ. Потомство є нѣово срећно живило у симбирской губерніи. На тридесетъ врстій одъ * * * налази се село, принадлежеће десеторици властелима. У єдномъ одъ боярски двораца чува се собственоручно писмо Екатерины II. подъ стекломъ у раму. Оно є писано отцу Петра Андрієвића и садржи у себи оправданѣ нѣговогъ сына и похвале ума и срца нѣери капетана Миронова.

[illegible]

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P19SrIII 240.1